

Роман

Сейсенбаев

МЕРТВЫЕ БРОДЯТ В ПЕСКАХ

Роман-эпос

Со скорбью в душе посвящаю эту книгу РЫБАКАМ АРАЛА, ЖИТЕЛЯМ СЕМИПАЛАТИНСКА, ЖЕРТВАМ ядерного безумия и экологических катастроф XX века – чьи голоса бьют набатом, чьи души стонут над планетой и взывают к разуму живых.

Автор

1968

...Вода!

Ты – величайшее в мире богатство, но и самое непрочное в мире – ты, столь чистая в недрах земли. Можно умереть подле источника, если в твоей прозрачности есть хотя бы маленькая примесь магния. Можно умереть у твоего озера – если оно солончаковое. И даже утренняя роса становится ядовитой, если есть в ней соль. Ты не терпишь примесей, не выносишь ничего чужеродного, ты божество, которое так легко спугнуть... Но то простое счастье, которое ты даешь, – бесконечно.

Антуан де Сент-Экзюпери, 30-е годы XX века

Здесь, у самого аула Караой, Сырдарья начинает шириться, бурно шуметь, вскипать желтоватой пеной у берегов. Всяк стоящий на берегу поймет ее радость. Словно бы она, тащась день изо дня по горячим пескам, уже теряла надежду добраться до моря, уже задыхалась, а здесь, у самого аула Караой, ударил вдруг ей навстречу гул долгожданного моря, и она вся встрепенулась, расправилась, весело затрубила – и понеслась, мчится к нему, верная и преданная, вот уже тысячи лет, вот уже тысячи лет...

Всяк стоящий на ее берегу, впрочем, не может не заметить и другое. Он обнаружит, что река с годами медленно, но верно мелеет, берега осыпаются. Он подумает об этом, и станет на сердце у него сумрачно.

Молодой учитель географии стоял на берегу и с жалостью смотрел на реку. Да, она мелела. Там по всему верховью из нее жадно сосут воду промышленные предприятия, воздвигнутые на берегах за последние годы. Вода ее уходила в песок, бес-

хозно выплескиваясь на огромные плантации хлопка и риса, разбросанные вдоль обеих ее берегов... Если так будет дальше, то скоро Сырдарья окажется испитой до дна. Однажды она не принесет свою воду морю – она умрет. Если умрет река, умрет и море. Если умрет море, умрут и рыбаки, и землешцы, и животноводы, населяющие ее берега. Вымрут и аулы, разбросанные по всему побережью.

Трудно все это было представить учителю Жалелхану, но такое вполне могло случиться. Он уже третий год учительствовал в Караое; приехал сюда сразу после института, по направлению. За это время сколотил из увлекающихся ребят небольшой географический кружок, выводил их в походы. Прошлым летом они прошли вверх по Амударье, а в этом решили совершить путешествие по Сырдарье...

Они шли весь день, только к вечеру учитель дал команду. «Ребята, привал!» И вот уже потянулся дымок костра, туристы принялись готовить ужин, но прежде всего, конечно же, бросились купаться. После ужина все, как это водится в походах, потянулись к костру, зазвучала гитара, некоторые, впрочем, отправились спать, утомленные дальней дорогой.

Учитель, помешивая палкой в костре, спросил школьников:

– А знаете ли вы, что в истории практически нет властителя, который не побывал бы на берегах Сырдарьи?

Ребята, приготовившись слушать, молчали. Красное солнце уже скрылось за песчаными холмами, было сумрачно. В степи юркали суслики, пробежали вслед за ними лисы...

– Лет триста или двести назад еще до нашей эры эти степи населяли воинственные саки. Персидский царь Кир надумал однажды их покорить. Но дорожили саки своей землей. Они разбили персидское войско, а самого Кира взяли в плен...

Мягкий голос учителя завораживал. И не только ребят. Совсем молоденькая его коллега Жадыра, только-только после института, слушала его с той девичьей задумчивостью и смущенностью, которые ясно выдавали ее нарождающееся чувство.

– Саки были не совсем обычным племенем. Дело в том, что во всем у них главенствовали женщины. Мужчины подчинялись им, поклонялись их духам. После пленения царица саков Томирис приказала воинам отсечь Киру голову и бросить ее в бурдюк, наполненный кровью. «Ты жаждал крови, Кир? Так насыться же ею!» – сказала она при этом. Воины крепко завязали бурдюк и кинули его в Сырдарью. Почитайте девятитомник Геродота – там есть эта историческая легенда.

После Кира на престол заступил Дарий. Скоро он собрал огромное войско и решил уничтожить скифов. Скифы отступили, но, отступая, сжигали за собой все, уничтожали колодцы. Тогда Дарий вызвал их на открытый бой. Царь скифов Иданфис вместо ответа прислал персам подарки: быстрокрылую птицу, мышь, лягушку и пять стрел. «Значит, скифы запросили пощады!» – обрадовался Дарий. Но мудрый его полководец Гарил объяснил: «О всемогущий Дарий! Этим они хотят сказать: персы, летите птицами, бегите мышами, скачите лягушками через наши болота – но прочь с нашей земли! Иначе ждет вас смерть от скифских стрел!» Дарий тут же покинул земли скифов. В том походе он выколол глаза храброму скифскому воину Иманбеку, который просил царя высвободить из плена его друга. Он выколол глаза Иманбеку, но за это отпустил на волю его друга. И понял, что такие люди, что такое племя не склонит своей головы ни перед кем. Иманбек жил на берегу Сырдарьи. Он стал музыкантом, целителем, пророком и поэтом...

Один из учеников, семиклассник Омаш, воскликнул:

– Мне дедушка говорил, что могила святого Иманбека сохранилась!

– Да, она сохранилась. Раньше люди специально приходили, приезжали поклониться духу святого Иманбека – это исцеляло людей от болезней. Теперь она осталась на территории Байконура, туда не попасть...

– А где Алтын тюбе?

– Алтын тюбе в Туркмении, Бесшатыр на Или... Красивые мавзолеи на могилах святых видны издалека. А если присмотреться к их камням, то и в рисунке, и в орнаменте, и в самой архитектуре можно найти доказательства того, что культуры – Казахстана, Средней Азии и Египта, Ближнего Востока очень похожи...

Омаш посмотрел в ту сторону, где, по его предположениям, должен находиться Байконур, и задумался. Полоса багрового заката окрашивала далекие барханы, и воображению подростка на миг предстало персидское войско в железных шлемах. Оно двигалось, зловеще колыхаясь, над ним стоял гул человеческих голосов, слышался лязг мечей, звон копий...

– Позже, в третьем-четвертом веке, этими землями владели тюркские каганаты...

– Учитель! – вспомнил Омаш. – Вы обещали почитать нам стихи...

– Тюркских воинов? Потом как-нибудь... – Он помолчал. – Омаш, ты можешь объяснить, что такое человек?

– Я? – растерялся школьник и ляпнул первое, что пришло ему в голову: – «Человек – звучит гордо!»

Вокруг засмеялись.

– Это, конечно, да. Ну а если самому подумать?

Омаш молчал, не находя нужных слов.

– Человек – это начало разумной жизни. Только ему дан разум. В то же время человек таит в себе множество опасностей. Его знания могут превратиться в огромную разрушающую силу, – сказал Жалелхан.

– Почему? – ребята, затаив дыхание, ближе подвинулись к нему.

Учитель помолчал и вздохнул:

– Иногда мне кажется, что человек – это грандиозная ошибка природы...

Ребята переглянулись, ничего не понимая.

– Потому что человек восстал против матери, которая его породила – против природы.

Жадыра вскинула голову и сказала с какой-то дерзостью, искренним ее убеждением:

– Подчинить природу себе, заставить ее служить человеку – разве это не главная наша цель?

Грустно улыбнулся Жалелхан:

– Нет, Жадыра, не главная. Природу нужно любить, но не надо ее покорять и подчинять. Это невозможно. Природа жестоко мстит человеку за вмешательство.

Жадыра смотрела на него с непониманием.

– Впрочем, это тема для очень серьезного разговора, мы об этом еще поговорим. Эти мысли пришли ко мне не просто: я заметил, что камыш на реке поредел, сама река обмелела... Ну что, спать?

– А стихи? – загалдели ребята.

– Учитель, а почему наши войска вошли в Чехословакию? – спросил вдруг Омаш.

– Потому что чехи хотели свергнуть социализм! – закричали все.

– Омаш, а ты сам как к этому относишься? – Жалелхан с любопытством посмотрел на ученика, который нравился ему больше других своей откровенностью, какой-то недетской сообразительностью.

– Я не люблю насилия, – тихо ответил Омаш.

– И я не люблю...

– Жалелхан, а все-таки почитайте нам стихи, – попросила Жадыра.

Он улыбнулся ей за то, что она сознательно или нет, сгладила неловкость.

– Ну что ж, уговорили.

Опасайтесь, о мудрецы, этого кошмарного мира, опасайтесь!

Избегайте, о несведущие, людского демона, избегайте!

Здесь – смерть властелин, здесь хаос падишах,

Гнет – здесь герой, интрига здесь властелин.

Порядок здесь – невозможен, справедливость здесь – невидима.

Благо здесь – редкость, здравие здесь – поколебимо.

Летучая мышь враждует с днем, мотылек со свечой.

Варварство ты вооружил мечом, а разум искалечил.

Льва ты отдал на растерзание муравью, вот твоя справедливость, о мир!

Слона ты отдал на растерзание мухе, вот твое правосудие, о жизнь!*

Долго лежал Омаш с открытыми глазами. Как много звезд на небе! Какие они крупные! Кажется, крикни – и все посрываются и полетят на землю серебряным дождем...

Собака сумасшедшей Кызбалы села посреди двора, задрала вверх морду и завыла. Жуткий это был вой, словно она предчувствовала не одного покойника, а целых десять. В Караое другие псы, обычно отзывавшиеся на любой звук, теперь молчали, напуганные, словно бы собака сумасшедшей Кызбалы этим воем хоронила не только людей, но и вообще всякую живую тварь.

На песчаный взгорок у моря взбежал матерый волк – вожак стаи. Он тоже задрал морду и завыл. К нему присоединилась волчица с волчатами. Но недолго они выли. Сбежали с пригорка и торопливо затрусил в сторону Балхаша...

Мимо Караоя тем временем стали пробегать стада сайгаков. Один... два... три... они мчались стремительно, не оглядываясь – уходили отсюда и тоже к Балхашу.

Люди в ауле спали и не знали, что в степи началось лихорадочное волнение, что всё там пришло в движение. Собаки наконец учуяли живые запахи всколыхнувшейся степи. Одна за другой они принялись прислушивались, вот начали влаивать... одна, вторая... лай их ширился и вскоре соединился в одно жуткое целое. Люди стали просыпаться, выскакивать во двор, и вскоре весь Караой был на ногах.

Старый рыбак Насыр вышел на улицу, накинув легкий чапан. Увидел пробегающих за кузницей сайгаков и подумал: «Что их вспугнуло?» Нехорошее предчувствие тронуло его сердце: как бы не случилось чего с Омашем. Учитель-то, конечно, учитель, этот Жалелхан, но ведь тоже человек молодой, неопытный. Ишь, чего надумали: пешком по Сырдарье, до самого Ташкента...

* Здесь и далее стихи и песни поэтов Казахстана, Тувы, Ногайстана и Средней Азии с VI века до наших дней. В поэтических и подстрочных переводах.

Омаш проснулся от сильной тошноты. Попытался подняться, чтобы отойти в сторону и там облегчиться, – но не смог этого сделать. Только он привстал, как тут же упал навзничь и потерял сознание...

Жалелхана бил озноб. Он тихо постанывал от жуткой головной боли, ему казалось, что боль сейчас разорвет череп на части. Он тоже порывался встать, но тело было как ватное. С трудом перевернулся на бок – его вырвало. Стало легче. Он сел, огляделся. Ребята были на месте, не было среди них только Омаша. Уже светало. Потянулся к чайнику, чтобы глотнуть воды, но его снова стало рвать. Тут он увидел Омаша, который лежал в стороне, лицом вниз. Жалелхан приподнял голову мальчика. Омаш был без сознания. Жалелхан бросился будить ребят. Ни одного из них не удалось поднять на ноги. Ребята постанывали, делали попытки встать, но тут же падали, как подкошенные. Жадыра открыла глаза. Жалелхан сказал ей: «Кажется, мы все отравились...»

Превозмогая дикую головную боль, сильно шатаясь, спотыкаясь, Жалелхан направился к чабанскому домику, который был за пригорком в полукилometре от них. Там должны быть люди, люди помогут им, только бы дойти, только бы дать знать...

Вдруг он увидел змей. Их было много, их было очень много. Всё вокруг него колыхалось, блестело в лучах восходящего солнца живым, серебристым ковром. Но не было им дела до человека, который брел, еле передвигая ноги. Их живая, шипящая лавина передвигалась от берегов реки к пескам. Они уходили в пески...

Жалелхан приближался к дому чабана. Лошади, чуя змей, в страхе ржали и бились. Жеребец, привязанный к столбу посередине двора, кружил вокруг столба хрипя, вставая на дыбы.

Сколько он ни стучался в дверь, ему не открыли. «Неужели чабан тоже отравился! – осенило Жалелхана. – Значит... значит, это речная вода... вода Сырдарьи...»

Подошел к жеребцу. Но его снова скрутило и стало рвать. Лошадь шарахнулась от резкого, неестественного запаха. Он протягивал руку к уздечке, но лошадь не подпускала человека к себе...

С великим трудом он взобрался на лошадь. «Сообщить... только бы успеть сообщить...» – лихорадочно думал Жалелхан.

Поскакал в сторону шоссе. Змеи под копытами коня разлетались, шипя и извиваясь.

Директор здешнего рыбопромысла Кахарман Насыров в то утро был на ногах раньше обычного. В эти минуты он мчался в область на бюро обкома.

– Что это? – испуганно вскрикнул шофер, резко тормозя. Змеи, двигаясь широкой лентой, пересекали шоссе.

– Пусть пройдут, – ответил Кахарман с легкой досадой. Он посмотрел на часы.

– Сколько их, Кахарман ага, смотрите! Это на целый день...

– Что же сорвало их с места? – удивился Кахарман.

– Скачет кто-то, – шофер показал рукой.

Всадник махал им и что-то кричал, но они не могли разобрать его слов.

– Это же наш учитель! – узнал шофер. – Жалелхан!

– Дети!.. – закричал Жалелхан, приближаясь. – Дети отравились... Дети...

Кахарман выскочил из машины, снял учителя с коня, втащил в машину.

– В область! – на ходу крикнул он шоферу. – В область сообщки!

А сам поскакал в сторону реки.

Омаш бредил. Время от времени сознание возвращалось к нему. Он открывал глаза, видел проползающих совсем рядом змей и снова терял сознание – теперь уже от ужаса, отвращения. Рядом – кто корчась от боли, кто тихо постанывая, пытались встать – рядом с ним было еще семнадцать ребят и совсем молоденькая учительница Жадыра. Змеи не нападали на людей, они торопливо уползали в пески – быть может, понимая, что не от этих жалких, корчащихся двуногих существ следует сейчас ожидать опасности... Нет, не от них.

– Омаш!..

– Отец... – прошептал Омаш, слабо улыбаясь. – Я... Я не хочу умирать...

– Ты не умрешь, сынок... Не умрешь...

Кахарман поднял сына на руки. Он стоял с сыном на руках – мимо них ползли и ползли змеи. И показалось ему вдруг, что река в ту минуту вышла из берегов, вся превратилась в этих черных, гнусных тварей и пошла войной на род человеческий.

Но всё было проще. О, всё было совсем просто. Но Кахарман пока этого не знал. Он не знал, что накануне химкомбинат в верховьях Сырдарьи спустил в реку особо ядовитый японский дефолиант. Семнадцать детей и два учителя из Караоя, чабан и его семья стали первыми жертвами зарождающейся катастрофы Синеморья.

Кахарман стоял с мертвым сыном на руках и пока еще не знал ничего этого.

Как, впрочем, и то, что к обоим берегам уже стало прибывать мертвую рыбу, что она уже начала разлагаться, что первый смрад, первое зловоние уже поднималось от воды, повергая всякого стоящего на ее берегу в пучину отчаяния...

КНИГА ПЕРВАЯ

Уже много лет не так текут прошлогодние воды –
море высохло, а берег стал пустыней.

*Египетское поучение Анн
к своему сыну Ххонсухотепу,
XX в. до н. э.*

Жди каждый день какой-нибудь беды от людей.

*Трагическое послание: Сенека – Луцилию,
около IV века до н. э.*

Если всадник в беде – и в сапогах перейдет реку,
если конь в беде – и в удилах будет пить воду.

Казахская народная пословица

I

Не спалось старому рыбаку Насыру, долго и беспокойно ворочался он в куцей, жесткой постели, все вздыхал и бормотал что-то неразборчивое. Плохо и мало спится человеку на старости лет; беспокоят воспоминания. Но ошибся бы тот, кто подумал, что Насыра мучают по ночам присущие его возрасту старческие хвори. Насыр был сильный, жилистый старик – в сущности, был он стариком без возраста. Только скуластое, смуглое лицо с печатью глубоких морщин говорило о том, что он уже долго живет на свете. Живые глаза Насыра смотрели на

окружающий мир, на людей открыто и независимо. Насыр был скуп на слова, замкнут и сосредоточен, как, впрочем, многие в здешних местах. Но если кому удавалось разговорить Насыра, он вдруг оказывался чудесным рассказчиком. Особенно хорошо Насыр пересказывал легенды и предания. Неожиданно в голосе его, в интонациях появлялась мудрость, величавость. Никто его в такие минуты не перебивал, верно угадывая, что это было бы бестактно. Слушали молча, а внук Бериш глядел на деда открыв рот.

Сразу после войны в Коктенизе – Синеморье заново зажил рыбацкий колхоз. Председателем своим рыбаки выбрали Насыра. Война тоже оставила на нем свои рубцы, но смело выводил он рыбаков в море.

Эхе-хе, какие это были рыбаки... Калеки, потихоньку возвращающиеся с фронта, вдовье женщины да сироты – малолетки.

И добром отвечало море людям Насыра: хорошая шла рыба в старые, латаные сети колхозников. И хоть трудная была тогда жизнь, но не отчаивались люди; знали: от беды до радости – рукой подать, сегодня калечит, а завтра лечит...

А что же теперь? словно бы разминулись счастье и несчастье. словно бы решило теперь море помучать старика Насыра на закате его жизни, словно бы решило оно не дать спокойно умереть именно тому, кто всех больше, кто всю жизнь любил его верно и преданно: ему, именно ему в первую очередь отомстить за все людские прегрешения. Умирало море. Слишком много несчастья принес ему человек, – умирало и не сулило спокойной, честной смерти старику Насыру.

В последнее время мысли старого рыбака роились в замкнутом кругу. И сейчас – дремля, и просыпаясь, и вновь смежая веки, и снова просыпаясь, – думал он все о том же. Когда беда обрушивается на природу, она вступает в ответную борьбу. Сколько же гор исчезло с лица земли и народилось вновь со дня творения? Сколько морей? Что уж говорить про реки и речушки? А сколько людских жилищ было погребено под пеплом – и сколько возникло вновь? Все это было нужно самой природе – она сама и только сама знает, что творит.

Ну и глупый же человек произошел от Адама и Евы! Глупый и самоуверенный. С давних пор перестал почитать ее за мать: он стал ее покорять, множество раз непоправимо ошибаясь, со все большей и большей жестокостью. И как она ни была терпелива и доброжелательна, как всякая мать к своему неразумному дитяти, но теперь она начала противиться и все чаще мстить его помыслам, его жестоким делам. Да и то ведь сказать: сам Бог благословил человека на мирную, разумную жизнь. Создав людей подобными себе, разве не сказал он им: живите, род ваш распространится по всей земле. Да будет все вашим – рыба в реке, птицы в небесах, обильные плоды, рожденные щедрой землей! Обладайте всеми богатствами земными! Однако Бог, не поскупившись для человеческого чрева, мало дал ему разума. И если вчитаться в слова Корана, то не противоречит ли закону равновесия природы власть одного над другим? Не значит ли это, что со временем нарушится естественная последовательность природы?

Уже много лет не дают ему покоя эти невеселые думы. Он молчит на людях, боясь высказать вслух свои мысли. Не покидала, впрочем, надежда старого рыбака. Верил он, что человек не может оставить иссыхающее море в беде: не по-человечески это. Если человек принес морю беду, если он истощил его, то человек же должен и спасти его.

Ведь посмотреть, только посмотреть вокруг...

Песчаные склоны у берегов моря и желтая степь – ширь, которую не окинуть взглядом, – исхудали, иссохли; за последние несколько лет здесь не упало и капли дождя. Само небо как будто бы отвернулось от человека за то, что он истязает землю: вгоняя в нее миллиарды тонн бетона, потроша леса, содрогая и поверхность, и глубины ее атомными взрывами.

Сколько веков прожил казах, беспечно кочуя по степи, – и всегда был с матерью-природой одно целое, кровью и плотью был он един с нею. А сегодня он слишком далеко от нее оторвался. Эх ты, непутевый сын природы – человечешко! Не будет жалости тебе от матери, отомстит она тебе – так и знай! Да и то сказать – уже стали вы непримиримыми врагами. Уже давно в этих краях нет между вами мира, нет постоянства и прочности – жизнь в этих краях уже давно похожа на тот зыбкий, плавучий песок, что лежит на прибрежных просторах, песок, который оставляет после себя уходящее море.

Сон его был короток, словно сон птицы. Насыр, обычно спавший не укрываясь, скоро проснулся озябший, стал сонно шарить руками, чтобы накинуть на себя чего-нибудь. На него повеяло бодрящей свежестью; тогда он проснулся совсем. Великое чудо – в узкое оконце дул прохладный ветер! Мулла Насыр накинул на плечи легкий чапан, вышел за порог, и ветер, словно приветствуя его, словно играя с ним, сорвал с него чапан и бросил наземь. Старик нагнулся, чтобы поднять, но ветер понес чапан дальше. Тогда старик махнул рукой и повернулся к северному ветру всей грудью. Так стоял он некоторое время, вдыхая свежесть. Затем торопливо, по-стариковски пригибаясь, в одном исподнем, с непокрытой головой побежал в сторону моря! Он не слышал, как призывно ржала, била копытами об ограду сивая кобыла с жеребенком на привязи. Впервые за несколько лет он видел небо в этих краях в плену тяжелых туч. Вокруг все потемнело, и небо сурово, низко нависло над землей. Северный ветер крепчал, набирал силу. Пробежав сотню метров, старик понял, что пешком он не доберется до берега. Он повернул обратно: сутулясь, спотыкаясь, падая и поднимаясь, он побежал к деннику. Быстро взнуздal кобылу, но вскочить на нее, неоседланную, ему не удалось. Тогда он ступил неверной ногой на колесо арбы, взобрался на кобылу и поскакал к морю. В открытую калитку с жалобным ржанием выбежал жеребенок и побежал за маткой. Та приостановилась, резко повернула голову на зов, и мулла Насыр чуть было не свалился с лошади. Он сердито выругался, широкой мозолистой ладонью, привыкшей к веслу, шлепнул кобылу по крупу. Надо было запереть жеребенка, но он не стал возвращаться.

Ветер пригоршнями швырял в лицо солончаковую землю, мулла Насыр не мог открыть глаз. Прикрыв ладонью лицо, он скакал, не сомневаясь в том, что лошадь поймет хозяина, не сомневаясь, что она мчит его именно к морю. У него сейчас было одно желание – немедленно оказаться на берегу. И одному ему было известно, зачем он так спешит туда.

Вот и берег! Море, многие годы мелевшее от недостатка проточной воды, море, измученное соленой водой и высыхающее день за днем, сейчас тяжело вздыхало, ветер вздымал его воды и гулко разбивал волны о берег. На них высоко и беспорядочно плясали рыбацкие лодки; десятка два из них уже далеко отнесло от берега. Мулла Насыр попытался спешиться, но сильный рывок ветра сбил его, и он, скользя по крупу, ничком упал на песок. Падая,

почувствовал, как что-то хрустнуло в ноге у щиколотки, однако было ему не до этого. Торопливо шевеля губами и старательно выговаривая слова, начал он длинную молитву.

От грохота грома, небо как будто бы опрокинулось; в нависшей черноте полыхнула молния. Сильный ветер теперь превратился в страшную бурю. Старик стал жаться к земле, но дважды его перевернуло. Тяжело, сплошной завесой упал ему на плечи ливень. Ливень...

Неужто в эти края возвращается жизнь? Неужто природа, словно сердобольная мать, протянула руку человеку для мирной жизни?

Согнувшись, припав к земле – издали могло показаться, что это не человек, а черная перевернутая лодка, – старик молился. Пятки его были вывернуты, а сам он мгновенно промок до нитки.

То выпрямляясь, то касаясь лбом земли, он молился и все глубже увязал коленями в быстро размякшей солончаковой почве. Глина прилипла к его лицу, но щедрый поток ливня тут же смывал ее напрочь. Когда он выпрямлялся, исподнее на его груди то вдруг ржавело ею, то снова становилось серым. Ничего этого не замечал старый Насыр. Сейчас он вел откровенный разговор с самим Богом.

О всемогущий Аллах! Щедрой и безграничной была твоя милость к нам! Но однажды ты отвернулся от нас. Сколько раз обращался я к тебе, какие горькие рассказы ты выслушивал от меня, про какие бедствия моего народа узнал ты! Ты почему-то медлил: что ж, воля твоя. Но вот наконец сжалился ты над нами, послал нам этот благодатный дождь! Аминь!

Сам Насыр сейчас согласился бы даже на наводнение: пусть затопит все, все, лишь бы наполнить море. Но и за эту малую милость надо быть благодарным Богу. Он прервал молитву и только тут почувствовал, что ему щиплет глаза. Поморгал, провел ладонями по лицу. Облизал губы, они были соленые. Старик рассудил: этот соленый привкус – от солончаковой земли. Он не подозревал одного, он не подозревал самого скверного: это был соляной дождь. Скоро и ему, и людям этого края, хлопкоробам и рисоводам Казахстана, Узбекистана, и Каракалпакии и даже далеким отсюда жителям Алтайских и Тарбагатайских гор предстояло познать новую беду и ужаснуться.

Но Насыр не ведал этого, он продолжал молиться.

О Аллах! Многие помнят люди нашего края: помнят голод и разруху, помнят лихие тридцатые годы, горе военных и послевоенных лет, но не припомнит никто, чтобы люди так бедствовали, как бедствуют они сейчас. Благополучие и счастье покинули Синеморье и его людей. А ведь было море для них отрадой. Украшением этих краев было наше море, расписной чашей посреди степи. Не постесняюсь сказать тебе и такое, Аллах: душой и телом оно было, честью и совестью народа нашего. Кто же знал, что иссохнет, истощится море, глядя на чистые, прохладные воды его? Не было такого, чтобы сети рыбацкие оказались пустыми; весело лодки скользили по его глади. Теперь в тех местах, где были островки, – соляные колдобины. Мерзко бродить по ним: летит из-под ног белая едкая пыль. Не несут теперь морю свои воды две сестры, две Дарьи – Аму и Сыр: сохнет оно, сжимается, уходит от старых берегов все дальше и дальше, оставляя за собой мертвый солончак. Что и говорить, не так-то просто расставаться древнему Синеморью с жизнью, да только в одиночестве борется оно со смертью.

Ливню, казалось, не будет конца. Напротив, он усиливался. Не оставлял своих молитв и Насыр. Увязая коленями в мокром песке, теперь молился он о том, чтобы дождь не прекращался.

В конце тридцатых годов было что-то похожее. Дождь лил не переставая неделю. Вода в море сильно поднялась. Покрывая своей гладью островки и мелкие бухты, она вышла из привычных берегов и затопила рыбацкие домики. Пришлось строить камышовые шалаши – в них рыбаки жили все лето. А на зиму перебрались в землянки. Две Дарьи – разбухшие, полноводные – много тогда принесли воды из высокогорных ущелий Памира и Тянь-Шаня. Люди, оставшиеся без крова, не особенно сердились на стихию, не бедствовали: рыбы в море в те годы было много.

Если этот ливень продержится хотя бы три дня, две взбешенные Дарьи снесут барьеры, построенные человеческими руками, вольются в море, и измученная соленой водой рыба ринется к пресным потокам. И останутся тогда рыбаки без улова.

Страх старого рыбака Насыра не был пустым. В самом деле, рыба в море сбивалась в плотные косяки и жадно поднималась на поверхность. Ее ходу не могли помешать сети: бушующая вода давно их скрутила в плотные жгуты. Ну да ладно. Море зато как преобразилось, как ожило! Какая полноводная волна со стоном бьется о берег! А небо, скованное черными тучами, льет и льет свои дожди на снежные вершины Памира и Тянь-Шаня! И уже тают многолетние снега, и бежит их пресная вода в две Дарьи: тем древним путем, который был предначертан Богом! И вот уже рушатся каменные преграды, возведенные людьми для удобного отвода воды на рисовые и хлопковые поля, и час за часом наполнится море свежей водой.

Первая волна коснулась согнутых колен Насыра. Он оторопел; он замер: и страх, и надежда мешались в его душе. А когда набежала вторая волна, зачерпнул мозолистыми ладонями и стал жадно, большими глотками пить воду. Солью обожгло язык и гортань, но он, не обращая внимания, зачерпнул еще и снова стал пить.

Случалось, что на возвращающихся с моря лодках уже не было пресной воды. Стоило в те годы копнуть влажный песок на берегу – и можно было пить прямо из лунки. Прошло то время. С южной стороны моря теперь расстояние между берегом и водой – сорок, а то и все пятьдесят километров. Эх, вода... Помнишь ты, конечно, свои старые берега, помнишь: рвешься сейчас к ним. Да только силы у тебя совсем мало. Вот Аллах прибавит тебе сильным ливнем: потерпи немного, день, два, три... Придут к тебе на помощь две Дарьи, обязательно придут. Да и он, Насыр, усердно молится за тебя. Уже много лет молится, Правда, не было толку от его заклинаний; за последние несколько лет твои травянистые, цветущие берега превратились в солончак... Видя такое, сильно тогда отчаялся Насыр. Как-то в разговоре сказал он, что сможет молитвами спасти море. Открыто и зло посмеялись над ним в ауле, а молодежь посчитала его просто сумасшедшим. И шутки у молодежи соответствующие: чем, мол, не пара безумной старухе Кызбале, что живет на окраине аула. Мулла Насыр терпеливо сносил насмешки все эти годы. Зато сейчас, сегодня, ранним утром, один на пустом берегу, он был самым счастливым человеком. Он обещал вызвать ливень над морем, обещал спасти Синеморье, пусть теперь всё смотрят и видят. Аллах не оставил Насыра, Аллах услышал его слова, благословил его.

До того как люди заставили его стать муллою, много пожил старый Насыр и много поработал. Не последним он был человеком в Синеморье. Люди знали Насыра как хорошего рыбака; потом он стал председателем колхоза, был сильным палуаном – борцом. С почетом его проводили на пенсию. Только не сидится старому рыбаку без дела: он и сейчас выходит в море, прихватив с собой внука Бериша. Не то море стало, нет, не то. Рыбы мало, остались лишь стойкие к соленой воде сом и щука. Мертвым можно теперь назвать море, воистину мертвым. Глаз видят, как гибнет море, а душа не верит. Не может забыть душа, что с давних пор был этот край многолюдным. А когда несчастье обрушилось на море, люди стали покидать эту землю, некоторые вообще решили оставить рыбацкое дело – подались в места и вовсе далекие от Синеморья. Плавающие заводы-корабли застряли в песках. Целые аулы, целые колхозы снимались с мест, пустыми после них оставались добротные дома с пристройками. Разве что случайные сайгаки теперь забредают в них – прячутся от обжигающего летнего зноя. Огромная пустыня, образовавшаяся между Синеморьем и Балхашом, полна одичавших псов. Брошенные хозяевами, они собираются стаями, нападают на оленей и сайгаков – совсем как волки. И волков в этой пустыне становится год от году больше. В прошлую зиму охотники отстреливали их с вертолетов. Много было отстрелено и собак – поди, там сверху разбери, где волк, а где собака. Мулла Насыр сам не раз видел пристреленных собак на песчаных холмах, покрытых снегом. Охотнику Мусе это было подмогой. Ставил капканы у собачьих трупов – неплохо шел голодный волк к пище. Самолеты рыскали над побережьем целую неделю. А когда их рокот смолк, голодные, злые волки, перехитрившие пули, стали выходить из укрытий. Голод гнал их по пустыне. Их пищей были одичавшие собаки. И снова стали тогда собираться псы в стаи. Так было легче отбиваться от волков, зато труднее стало прокормиться.

Вместе с теми, кто покинул родные места, оставил свой аул человек, уважаемый в этих краях, известный, – мулла Беркимбай. Только как же без муллы в ауле – как же, к примеру, хоронить без него? Место муллы занял молодой, оборотистый Кайыр. Про таких говорят – способен пролезть в любую щель. Говорили также, что где-то он учился: то ли в Казани, то ли в Ленинграде. Только недоучился, вернулся в аул, быстро завоевал расположение Беркимбая. Он это умел: не отлучался от своего учителя ни на шаг, не пропустил ни одной молитвы, ни одного отпевания. И хоть был он молод, показал себя человеком глубоко набожным, верно чтившим слово божье. Беркимбай говорил людям, что Кайыр учился в Казани в школе духовенства и хорошо владеет арабским языком.

«Он же в морское училище поступал, – возражали в ауле. – Да не учился толком в училище этом. Не выгнали ли его оттуда?»

Другие добавляли, качая головами:

«Знали мы его отца – редкий болтун был и проходимец. Недалеко сыночек от отца ушел: в школе-то как он учился, припомните, люди добрые. Не похоже, чтоб имел он способности к арабскому, очень непохоже...»

Но мулла Беркимбай положил однажды конец пересудам:

«Большой грех для мусульманина судить о том, чего он не видел, чего он не знает. Навлечете на себя кару божью. Знайте же! Он был изгнан из училища за то, что одновременно посещал духовную школу. И самоотверженность молодого человека на пути служения Аллаху достойна только похвалы.»

Так сказал однажды Беркимбай; суровыми глазами из-под тяжелых бровей оглядел он окружающих.

Насыр тоже уважал Беркимбая: мулла свободно владел арабским языком, мог легко и доходчиво объяснить каноны Корана. И все ж таки оставил аул Беркимбай навсегда. На его место стал метить Кайыр. Люди говорят: «Когда появляется шакал – ворон дохнет с голоду». В год, когда Кайыр стал муллой, было много похорон. Умирала и стар, и млад. Видать, было угодно Богу оставить их навсегда лежать в родной земле, чем быть погребенными на чужбине. Новоиспеченный мулла Кайыр, конечно, не сидел без работы. Кайыр усердно отпевал усопших, а наградой не гнушался никакой: брал деньгами, скотом. Разбогател он, конечно, быстро. Старики стали настаивать на том, чтобы он женился, нехорошо мулле жить холостяком.

Тогда Кайыр сосватал себе в Бишкеке молоденькую красавицу, справил скромную свадьбу. Ни с кем не сошлась в ауле его молодая жена. Да и как ей можно было завести с кем-нибудь дружбу, когда она выросла в городе, была, конечно, избалована родителями, даже родного языка не знала, чтобы расположить к себе людей. До женитьбы Кайыр жил вместе с братом в родительском доме, после свадьбы отделился, перебрался в один из брошенных добротных домов в центре аула.

Однажды, помнится, сильно занемог старик жырау Акбалак из аула Шумген. Дочь Акбалака пригласила к больному отцу лекаря Откельды. Были они с лекарем давние друзья. Вместе с лекарем явился и мулла Кайыр. Акбалак без особого восторга встретил смуглого горбоносого молодого человека. «Разве не своего старого друга Откельды позвал я к себе? – воскликнул он. – Что ты здесь делаешь, черный ворон?»

С такими словами прогнал Акбалак молодого муллу. А когда тот скрылся за дверью, заявил:

«Это не мулла, это – хищник! Назло ему не стану помирать!»

С удовольствием люди передавали друг другу слова Акбалака.

Родственники Кайыра между тем стали один за другим покидать аул. Кайыр тоже собрался вместе с ними на Зайсан.

В детстве Насыр немного учился у муллы, бегло читал Коран, стали люди уговаривать Насыра стать муллой: в море не ходишь, времени свободного много. Не стал Насыр обижать людей отказом. Достал спрятанный на дне старого сундука Коран и стал с того самого дня муллой – последним муллой Синеморья.

Насыр прислушался. Буря стала вроде бы утихать, но море по-прежнему несло к берегу высокие волны. Они ударились о песок, будто бы задыхаясь в нем, стихали; но вслед летели новые волны, их гулкий шум мешался с громким шорохом дождя. Мулла Насыр не уходил. Левая его нога затекла, ему хотелось вытянуть ее, но малейшая попытка отдавала болью в щиколотке. Он продолжал свою молитву. Не самое, конечно, удобное время вспоминать в эти минуты сына, но думал он о сыне Кахармане всегда, особенно когда молился.

Кахарман, Кахарман...

Единственный был у Насыра сын, хотя не обидел его Аллах детьми: было их у Насыра пятеро – еще четыре дочери, кроме сына.

Тоже в чужие края подался Кахарман. Быстро, за один день, погрузился всей семьей, оставил море навсегда. А был ведь Кахарман директором Коктенизрыб-

прома. Вдруг стал неугоден областному начальству. Хорошие были у него подчиненные на работе, хорошие были у него друзья. Глядя на директора, они тоже стали один за другим оставлять родной аул. Некоторые подались на Каспий, а другие и вовсе за пределы Казахстана – в Сибирь, Прибалтику. Простые люди последовали примеру образованных – тоже снялись с места. Зброшенные рыбацкие траулеры, корабли, шхуны, лодки теперь лежали на берегу: давно их поела ржавчина, давно их разбило сильными ветрами.

Раньше видел старый Насыр сына часто, а теперь осталось ему лишь думать о нем каждый день. Никак не может он понять, почему Кахарман стал неугоден местным властям. Большой грех это – изгнать человека, который далеко впереди других: по уму и способностям, по образованности. Разве не такие перспективные молодые люди должны быть на руководящих должностях? У них ясный ум, они хотят быть полезными людям.

Пять секретарей обкома сменилось в этой области за последние двадцать лет. Каждый из них начинал свое новое дело так: хуля, перечеркивая дела предыдущего. Ох и накуролесили же они все вместе! Один решил превратить эти края в хлебную житницу. Мол, если было сказано, что Казахстан – республика хлебная и другие области рьяно бросились доказывать это Алма-Ате, то можем ли мы отставать от всех?! Нельзя, товарищи, никак нельзя! Мы тоже должны дать стране как можно больше хлеба. Под таким кличем были распаханы и без того скудные покосные земли Синеморья.

Следующий секретарь начал с того, что все вернул на свои старые места: песчаные, знойные места разве могут уродить много хлеба? И благо бы сам секретарь сообразил своей головой: нет, пришло указание из Алма-Аты. Третий секретарь взялся за орошение побережья Синеморья – думал превратить его с ходу в рай. Эх, не мозги подвели прохиндея – всего-то лишь сама Сырдарья, мало в ней оказалось воды для его гигантского замысла.

И не понять Насыру вот чего. Почему не нашлось в этих краях человека, который бы указал на ошибки этих бывших секретарей? Бывшие-то они, конечно, бывшие, а беда в Синеморье долго еще будет настоящей. Где же, правда? До каких пор будем считать: если говорят сверху – значит, сам пророк молвит их устами. Не рабы ведь люди... или рабы все-таки? Что стало с Кахарманом, который говорил правду в глаза? Выжили его, пришлось оставить ему родное Синеморье. Вот что случается с людьми, которые за дело болеют душой.

А этим секретарям – зачем им надо было тратить нервы, думая о большом море? Себе дороже. И конечно, не нравилось им, что Кахарман часто бывал и в Алма-Ате, и в Москве: рассказывал о гибельном положении, просил, умолял, но так ничего и не добился. Был в Москве профессор Славиков Матвей Пантелеевич – казахи называли его Мустафой – всей душой страдал он, зная о судьбе моря. Но Славиков – ученый с мировым именем – ничем не мог помочь Кахарману, не пользовался он авторитетом у чиновников. Мустафа еще в пятидесятые годы говорил, что морю и всему этому краю неминуемо грозит гибель, если не научиться правильно, использовать воды двух рек.

Стала исчезать рыба. В последние годы для того, чтобы выполнить план заготовки, рыбаки от ранней весны до поздней осени пропадали на Балхаше и Каспии. В это бедственное время для рыбаков Синеморья Кахарман открыл в аулах ремонтные мастерские, а чтобы занять женщин, организовал маленькие

трикотажные предприятия. И вообще, каких только новшеств не напридумывал Кахарман, заботясь о людях, заботясь о том, чтобы была у них всегда работа, – насыщенный, стало быть, хлеб. И все-таки оказался неугоден. Сняли с работы за то, что не выполнил план по заготовке рыбы. Он был возмущен несправедливостью, потрясен до глубины души. Мрачнее тучи вернулся он с бюро обкома. Пробыл в доме родителей лишь день, назавтра его в ауле уже не было – уехал с семьей в чужие края. Ни Корлан, ни Насыр не стали противиться намерениям Кахармана Единственное, о чем они просили, – оставить на лето им внука Бериша. Бериш с первых своих дней воспитывался у стариков, родителей своих называл дядей и тетей, – он вдруг не захотел ехать в чужие края.

«Моя судьба, – сказал в тот вечер Кахарман, – давно переплелась с судьбою этого края, но жить здесь и каждый день видеть, как умирает море, – это все равно, что медленно и мучительно умирать самому. Работу я себе найду, Айтуган тоже чего-нибудь найдется. За нас не волнуйтесь – не пропадем. А вы решили окончательно: остаться? Не передумаете?»

Насыр после длительной паузы поднял голову и посмотрел сыну в глаза: «Пусть будет удачным твой путь. А нам ехать в чужие края ни к чему. Или ты думаешь, там не хватает своих стариков? Видно, придется нам умирать вместе с морем...» Корлан, весь вечер хлопотавшая у дастархана, часто вздыхала и горестно охала. Была она крупная, белолицая байбише, голос у нее был приятный, мягкий. Сказала она в тот вечер вот что: «Кахарман, сынок мой. Я тебя из всех моих детей люблю поособому. Может быть, потому, что дочерей у меня много, а сын один. Но не только потому. Я всегда видела больше этого. Не как мать, а как посторонний человек, я замечала, что ты был лучшим среди сверстников. Теперь ты вырос достойным человеком, если пришлые начальники ценили превыше всего личный покой, собственное благополучие, ты был не таким. Мне дорого то, что ты сумел стать совестью и честью нашего Синеморья. Люди любят тебя, волнуются за тебя. Ты уехал на бюро обкома, а в доме нашем не закрываются двери. Идут и идут люди, чтобы услышать новости о тебе. Они говорят, если Кахармана снимут с работы, – уволимся все. Пусть первый секретарь обкома закатывает рукава и ловит рыбу, пусть они узнают, что такое наша работа. Сынок, разве это не подтверждение высокого уважения, высокой любви, которыми ты пользуешься среди людей?»

И словно в доказательство слов Корлан, в это время в сенях послышались громкие голоса, вошли несколько человек. Это были рыбаки, близкие друзья Кахармана. Каждый из них поздоровался с ним за руку, молча сели.

Кахарман продолжал прерванный разговор:

«Снимут меня, поставят другого, стоит ли размышлять об этом... Лучше скажите мне, – теперь он больше обращался к матери и Беришу, хотя и с некоторой шутливостью, – поедете со мной или останетесь с отцом?»

«Дороже всего на свете для меня твой отец и наше Синеморье. А вам дай Бог счастья и благополучия. Вот и все, чего я хочу в этой жизни», – ответила мать решительно и спокойно.

«Значит, правда, что вас сняли?» – прямодушно спросил молодой парень Есен, сын старухи Жаныл.

«Правда, Есен, чистейшая, правда», – ответил Кахарман. В его облике не было усталого уныния, напротив, он был собран, энергичен. Люди оживились, чтобы

вступить в разговор, но Есен опять опередил других: «Кахарман ага, зачем вы тогда посылаете меня на годовичные курсы мотористов? Если будет другой начальник над нами, я не поеду на эти курсы!»

«Ты думаешь, если сняли Кахармана с работы, так и жизнь вокруг остановилась? Всем нам дорого Синеморье, Есен. Долг каждого из нас – отдать морю все доброе, что имеем. Учеба и знание еще никому не вредили. Ты, Есен, конечно, умеешь ловить рыбу, но теперь, кроме этого, еще и технику освоишь. Иначе как ты думаешь прокормить свою мать? Ты должен ехать учиться. А обо мне не беспокойтесь, я найду себе место. А вот морю... морю, наверно, трудно будет без меня. Еще труднее».

Пришло время прощания. Корлан отвела сына в сторону и спросила тихо: «Наверно, в области тебя упрекнули тем, что твой отец стал муллой?»

«Нет, разговора такого не было», – уклонился Кахарман от ответа, тайно удивляясь прозорливому, чуткому уму матери.

Неистово хлеставшие косые струи дождя, вдруг стали слабеть, вскоре дождь прекратился совсем. Однако небо все еще было в черных тучах, хотя свинцовые прежде волны стали уже кое-где светлеть. Желтый песок разбух, до пределов напоенный влагой. В ауле, не дождавшись, когда прекратятся ливень и буря, бросились к морю: кто пешком, кто на лошадях. Люди были возбуждены, их голоса в предутренних сумерках далеко разносились по побережью.

Насыр, все еще молясь, обернулся и увидел подбежавшую сумасшедшую старуху Кызбалу. Она, как и Насыр, была насквозь промокшая, седые редкие волосы, выбившиеся из-под платка, лезли ей в глаза, но старуха пристально и выжидающе глядела в море.

Единственную радость, единственного сына отняло море у Кызбалы. Но если недолгим было ее материнское счастье, то женского счастья она отдала лишь крохотный клочок. Всего год прожила она с мужем: ушел на фронт и не вернулся. Нурдаулет был парень хоть куда. Имел богатырское телосложение, веселый и добрый нрав, слыл в ауле хорошим рыбаком. На груди его было вытатуировано слово «Синеморье». Какой землей засыпало это слово в годы войны – белорусской, прибалтийской, немецкой? Только Аллах знает это. Точно такая же татуировка была и на груди Даулета, его сына. Даулет в тот день вышел в море вместе с Насыром. Поднялась буря, нелепая смерть настигла его – лодку, в которой был сын Кызбалы, перевернуло и Даулет утонул. Находились в лодке он и Кайыргали, сын лекаря Откельды. Они раньше Насыра управились с сетями, направились к берегу. Отплывая, Даулет крикнул: «Дядя Насыр, мы проложим дорогу к берегу! Легче вам будет идти!» Насыр, выбирая сети из воды, в ответ только махнул рукой. Лодка молодых ребят была уже далеко, когда Насыр с помощниками Карибжаном и Корланом тоже взяли курс к дому. В ясном голубом небе вдруг появился клочок черной тучи и, словно нагоняя людей, стал приближаться. Карибжан воскликнул: «Ау, смотри, Насыр, как летит она – прямо как щука за добычей!» Насыр посмотрел в небо, нехорошо дрогнуло его сердце.

В детстве он много слышал от старых рыбаков о морских смерчах, которые появлялись внезапно черной тучей, и сильный круговой вихрь вздымал морскую воду столбом.

Вокруг все потемнело. Однако еще несколько минут небо оставалось ясным над лодкой Даулета и Кайыргали, пока туча не нагнала их. И в то самое мгновение,

когда ее зловещая тень упала на лодку молодых ребят, случилось самое страшное. С левого борта их лодки вода поднялась вдруг столбом, будто была намагничена тучей. На море началось что-то невероятное: оно просто взбесилось. «Ойбай, – в ужасе вдруг крикнул Карибжан, – ту лодку подняло в небо!»

Насыр оглянулся, но успел увидеть только мелькнувшую корму. Лодка Даулета и Кайыргали в мгновение ока стремительно исчезла в круговерти морской – столбе смерча.

На берегу их встречала Кызбала. Сердце матери почуяло беду, подумал Насыр. Она, истошно вопя, схватила Насыра за грудки: «Где мой Даулет? Где мой сынок?»

Что мог ответить ей Насыр?

Да, годы не пощадили ее. Тогда была она молодой статной женщиной. Одевалась всегда опрятно. Длинные толстые косы украшали ее голову. После похоронки на мужа с ней стало твориться что-то непонятное. Кызбала часто теряла сознание, заговаривалась, а в тот год долго болела: слегла ранней весной, почувствовала себя лучше только осенью. Но была в ней сила духа, понимала Кызбала, что надо ей поставить на ноги сына. Стала растить его, преодолевая хвори и трудности. Вились, конечно, вокруг красивой вдовы мужики, любители легких успехов, но никого не подпускала к себе вдова. Были и серьезные женихи – как правило, фронтовики. Присылали к ней сватов, но решительно отвергала Кызбала предложения. Видать, была она из тех женщин, которые верно хранят первую любовь. Близкие, тетушки и кумушки, пытались уговорить ее: «Теперь Нурдаулета не вернуть, Кызбала. Много лет после его смерти ты была верна ему, не дала даже малейшего повода для людских толков. Родственники довольны тобой; довольна тобой, должно быть, и душа Нурдаулета. Но подумай о себе, Кызбала: ты еще молода. Если надумаешь соединить жизнь свою с кем-нибудь, мы не будем противиться». Так говорили родственники, но тверда была в своем решении вдова. Она ответила: «Ни вам, ни Богу не поверю, что Нурдаулет мертв. Не хочу я в это верить. Не говорите мне больше о замужестве, не жалейте меня. Аллах меня пожалеет. Он лишил меня Нура, но оставил Даулета, – или вы забыли о нем? И передайте мои слова всем родным и близким».

И чего уж говорить: кого-то огорчила такая ее решительность, кто-то обрадовался, а самые сердобольные заплакали от этих слов.

Она продолжала жить своей вдовьей, тихой жизнью. И каждую, весну чувствовала себя нездоровой. Не хотела до конца оставлять ее странная болезнь. Как правило, это недомогание длилось несколько дней: кружилась голова, были обмороки, и она снова начинала заговариваться.

Многочисленные родственники помогали достойной женщине. Вырос Даулет, даже не почувствовав на себе всех тягот сиротства. Он успешно закончил школу, но в город учиться не поехал.

Не хотелось ему оставлять мать одну. Напросился рыбаком к Насыру. Не раз Насыр заглядывался на молодого парня, во всем тот напоминал Нурдаулета: был трудолюбив, общителен, улыбчив. Кахарману тоже понравился способный парень: школу-то он закончил с золотой медалью. И убедил Кахарман Даулета в том, что ему надо учиться дальше: настоял на том, чтобы Даулет поступил в институт заочно. «Не хочешь оставлять мать – это я понимаю. Лови рыбу, но учись обязательно», – посоветовал ему Кахарман. Даулет свозил мать к хорошим врачам в Алма-Ату. Лечение пошло на пользу: Кызбала окончательно выздоровела. На ее

прежде бледном лице снова появился румянец, живо заблестели черные глаза. Она подумывала вновь пойти учительствовать в школу, к детям...

...Насыр стоял истуканом, не было у него сил отстраниться от рыдающей Кызбалы. Только что он смотрел в глаза смерти, видел, что не всякому доведется увидеть на своем веку: тот страшный смерч, который может поднять в воздух лодку с рыбаками и навсегда погрузить ее в пучину моря или, как гласят легенды, унести ее вместе с людьми в небо...

«Вернется твой сын, Кызбала, не плачь, не накликай раньше времени беду», – успокаивала ее Корлан, но материнским сердцем она угадала: нет больше в живых Даулета. Кызбала, рыдая, бросилась к морю. Насыр очнулся. Ему тоже не верилось, что Даулет и Кайыргали не вернуться. Он присел на днище перевернутой лодки и все-таки с надеждой стал смотреть в море.

Море! Величественная красота, но и слепая сила. Насыр не мог представить себе жизни без моря. Да, бывает – море буйствует. Старики, что прожили жизнь, много такого помнят: все у них перед глазами, как будто бы случилось только вчера. Для людей этого края море – это и горе, и счастье, и жизнь, и смерть. Потому что море – это вечная тайна, которую вряд ли удастся разгадать людям, хоть по сто лет каждый из них живи на его берегу! Почти каждый из них отдал морю отца или брата, мужа или сына. Только изможденные старцы и младенцы, да еще женщины, обретают покой в земле Синеморья. А для мужчины, для рыбака во все времена могилой было море. За последние годы море отошло от берегов на тридцать – сорок километров, но Насыру никогда еще не приходилось встречать на бывшем дне человеческих костей. Куда же тогда царь морей Сулейман уносит полученные дары, – еще дальше? Еще глубже? А какие песни пелись у Синеморья!

О черноглазая моя!
 Мне давший счастье друг,
 Сама не спящая ночей
 От горестных разлук.
 Не мог похитить я тебя,
 Умчат на скакуне.
 И душу отдал я свою
 Во власть тяжелых мук.

Чудесные казахские песни звучали на древних берегах. Они передавались детям от отцов, передавались из аула в аул! Они создавались народом, народ берег их.

Люди, жизнь которых связана с воздухом, водой и огнем, отличаются от других людей особенной влюбленностью в жизнь. Они и поют свои песни по-другому, и к своим домашним и близким тоже относятся по-другому. Наверное, воздух, вода и огонь, – ежедневное сосуществование с ними, – вырабатывают в человеке другое отношение к жизни и смерти. Ведь их жизнь находится почти что в роковой зависимости от малейшей ошибки или от злых природных сил, почти всегда неожиданных. Каждая минута, каждая секунда могут оказаться последними мгновениями жизни; наверно, поэтому в их песнях одновременно слышатся и радость, и печаль, и счастье, и тоска.

Да, ведь были же, были эти чудесные вечера, когда звучали дорогие сердцу муллы Насыра песни, были минуты предвечерья, когда нетерпеливо ждал он их. Неоткуда теперь взяться им. Покинуло море свои берега. Где те молодые, задорные

ребята, которые завели бы песню? Где они, люди, которые когда-то смеялись на этих берегах, работали, радовались жизни? Время унесло их голоса...

Огромные, величиной с юрту лодки на желтом песке, дома, похожие, в свою очередь, на эти шхуны, безлюдны, мертвы. Безлюдно все песчаное побережье – все кругом мертво, мертво...

Из тех, кто первым устремился к морю, был старый жырау Акбалак. Он прискакал на верблюдице. Верблюдицу пугало белое солончаковое месиво, она боялась опуститься на колени: мотала головой, утробно ревела – и все попытки старика заставить ее сделать это были тщетными. Молча стоявшая Кызбала подошла, быстро схватила за недоуздок верблюдицу и хрипло, но властно приказала: «Шок, проклятая, шок!» Верблюдица, яростно мотая головой, не переставая жевать жвачку, качнулась грузным туловищем и покорно опустилась.

Акбалак этому аулу приходился зятем, здесь жила его дочь, которая была замужем за местным рыбаком; нынче он приехал проведать внучат. Когда кончился ливень и люди бросились к морю, жырау тоже не усидел дома. Не мешая молитве Насыра, он ждал, когда тот кончит намаз и с ним можно будет поздороваться.

В прошлые времена жырау Акбалак тоже был рыбаком, неутомимым, удачливым.

И такими красивыми были его песни! Едва лодка отчаливала от берега, он запевал своим удивительным голосом. «Пай, пай, что за голос!» – восхищались люди. А рыбаки между собой шутили, и не без резона: «Ладно бы людей, но ведь и рыб завораживает Акбалак из Шумгена своим пением. Выйдет в море, поет с утра до полудня, возвращается – а лодка полна! И посмотрите, чем полна, люди добрые! Вот это улов! Ни одной мелкой рыбешки!»

Был Акбалак, кроме того, смелым и свободолюбивым, ведь он свою жену некогда выкрал из аула Насыра, не убоившись ничьего гнева.

Однажды вечером, как всегда, рыбаки расставили сети и разошлись по домам, не спеша, поужинали и вскоре весь аул заснул глубоким сном. Вот тогда-то и увез Акбалак с собой дочь самого знатного и зажиточного в Карае рыбака Мергенбая – красавицу Карашаш. Ночью вышла в море их лодка, и отправились они на самые дальние острова Синеморья. Конечно, беглецу надо было быть круглым дураком, чтобы появиться с невестой в родном Шумгене, всего в двух шагах от Караоя. Несколько месяцев прожили они на тех далеких островах. Мергенбай снарядил пятерых своих сыновей на розыски, пристало к ним и несколько местных джигитов. Той же ночью они были в Шумгене. Разгневанный Мергенбай намеревался разгромить весь аул. Но не оказалось, естественно, в Шумгене Акбалака, а джигиты не стали учинять расправу над невинными людьми. Упрямый и неговорчивый Мергенбай был непреклонен. К акакалам Шумгена он обратился с требованием: доставить к нему Акбалака и пусть тот падет ему в ноги. Иначе смерть всему Шумгену! Далеко в море был уже Акбалак, слишком поздно хватились люди Мергенбая. Да и у кого достало бы решимости броситься догонять лодку Акбалака – ведь была она самая быстрая в Синеморье? Много еще дней не мог успокоиться Мергенбай – ходил мрачный, злой. И наконец сказал людям: прощаю беглянке обиду. Ничего не поделает, если выбрала она себе в мужа этого никчемного жырау – такая, значит, у нее судьба и, значит, бессилен я, не в моей это оказалось власти. И все-таки пусть не показываются они мне на глаза, пусть живут в своем Шумгене. А вы, люди, если знаете, что она жива, – передайте ей

мои слова. Долгое время никто и ничего не знал про влюбленных. Все решили, что они утонули. Но однажды тихим вечером их лодка пристала к берегу. Вот было радости в Шумгене! И не только в Шумгене. Все Синеморье собралось на их свадьбу – сыграли ее достойно. Только не было на свадьбе Мергенбая с сыновьями. Собрались тогда аксакалы и пошли к Мергенбаю: пали ему в ноги, просили прощения. Но крутой Мергенбай, даже простив, и капли радости не смог найти в своем сердце. Не растопили его ледяное сердце и слезы жены. Пять лет прожила со своим бесценным Акбалаком красавица Карашаш. Угробил-таки ее Мергенбай своим отношением, пусть через несколько лет, но угробил – бросилась Карашаш в море. Безутешно было горе Акбалака; всю оставшуюся жизнь провел он в одиночестве. Был у них сын, да погиб в войну. А дочь – ныне солидная байбише в Караое...

Вот, наверно, что припомнил жырау Акбалак, когда слез с верблюдицы и стал смотреть в море, дожидаясь, когда кончит свои молитвы Насыр. Тем временем практически все население аула уже потянулось к берегу.

Вдруг сумасшедшая Кызбала, следившая за все еще вздымающимися волнами, стала бормотать что-то невнятное, а потом вдруг закричала страшным голосом и стала показывать пальцем в море. Мулла Насыр не оставлял молитву, бил поклоны, а Акбалак живо встрепенулся, прищурил глаза, напрягая зрение, – и в большом удивлении замер.

К берегу направлялась рыбацкая лодка со сломанной мачтой: то скрываясь наполовину в волнах, то выныривая из них вновь. Люди на берегу ахнули. Кызбала металась, никто не мог понять, что именно означали слова, которые она выкрикивала кратко, надрывно и хрипло. Безумная, видимо, вспомнила сына. Она тормозила людей, указывая на лодку, перебегала от одного к другому, словно заведенная. Вместе с ней металась, не отставая от нее, черная дворняжка со светлой метой на шее и коза с беленьким козленочком. Никто не мог взять в толк, чего хочет Кызбала. Тогда она бросилась к тяжелой старой лодке, брошенной на берегу. Лишь трем крепким джигитам была под силу эта тяжесть, но старуха напряглась и перевернула лодку, сделала несколько безуспешных рывков, чтобы столкнуть ее в воду. К ней бросилось несколько парней, они оттащили ее от лодки. Если бы безумная пустилась сейчас в море, она бы, безусловно, утонула. Кызбала поняла – лодки ей не видать. Она истошно завопила, стала кусать руки, дворняжка хватала парней за ноги. Тогда парни отпустили Кызбалу. Сумасшедшая снова бросилась в море, и когда вода была ей уже до колен, огромная волна накрыла ее и легко, словно песчинку, выбросила старуху на берег. Кызбала бес- сильно заколотила руками по песку, заплакала...

– Несчастливая... – вздыхали в толпе.

– Остаться одной-одинешенькой на всем белом свете...

– Конечно, она помнит сына. Да и как можно забыть его, единственного...

Кызбала ничего не слышала, а если бы и услышала эти слова, полные жалости и сочувствия, то смысл их не дошел бы до нее. Эта одинокая лодка в нестихающем море действительно напомнила ей все-все про погибшего сына.

Она помутненным разумом верила в его возвращение: даже по ночам она иногда бродила у моря, ждала, надеялась.

– Вон сын мой возвращается! – внятно выкрикнула наконец старуха и упала, потеряв сознание.

Дворняжка-белошейка лизнула хозяйке руку, а коза с козленочком отпрыгнули в сторону, испугавшись людей, которые вновь бросились к безумной.

– Гневается море, – говорили между тем в толпе, – много обид оно накопило за эти годы...

– Давненько не бушевало, мы и нрав-то его стали уже забывать...

Говорили и другое:

– Пропали наши сети...

– Мать твою, вместе с сетями! – ругнулся кто-то в ответ. – Что толку от твоих сетей, рыба-то ушла вся! – Стало ясно, что это бранится однорукий Кадыргали, бывший председатель колхоза. Руку ему некогда откусил огромный сом. Люди уважали Кадыргали за прямоту, справедливость, да и за крепкое словцо тоже: всегда оно было кстати.

Лодка медленно приближалась к берегу. Люди на берегу замерли: они молчали, им было тревожно. Жырау Акбалак, хоть и знал, что голос его не будет услышан смельчаками, все-таки закричал:

– Прыгайте в воду! Эй вы, растяпы, – прыгайте!

– Если лодку выкинет на берег, их в щепки разнесет, – беспокоились люди.

В лодке было двое: Есен и Бериш.

Этой ночью Есен вышел в море, чтобы проверить сети. С ним напросился Бериш. Они встретились в условленное время: Есен прокричал совой, Бериш бесшумно натянул на себя брюки и рубаху, осторожно вылез в окно.

Они спустили лодку на воду; лишь молодой месяц подглядывал за ними, крупные звезды блестели на черной воде. Они гребли быстро и бесшумно, наслаждаясь ночным, покойным морем. Разве могли они предположить, что вскоре разыграется стихия и польет такой ливень, который им запомнится на всю жизнь?

Теперь Есен был рад, что все завершается как будто бы благополучно, хотя впереди у них была самая главная трудность – выбраться на берег.

– В лодке двое! – догадались на берегу.

– Крикните им: пусть прыгают в воду!

– Эге, ребята, да это же Есен! – обрадовались молодые рыбаки. – Он парень смысленый, сам должен догадаться, что делать.

В это самое время сильная, высокая волна подняла их на свой гребень, лодку перевернуло, и ребят вытряхнуло в воду. Есен успел крикнуть Беришу:

– Держись! Плыдем к берегу!

Бериш наглотался соленой воды, но, усиленно двигая руками и ногами, вынырнул. Следующая волна снова накрыла его. Есен повернул назад, нырнул, вытащил слабеющего Бериша и, поддерживая его левой рукой, поплыл к берегу. Несколько молодых парней с берега бросились им на помощь. За ними прыгнула в воду и девушка Айгуль, которая училась с Беришем в одном классе.

Ветер снова стал крепчать, пошел дождь. Лодку Есена выкинуло на берег. Она уткнулась тяжелым мотором в песок, затрещала и развалилась. И тут же набежавшей волной подхватило доски, понесло обратно в море; тяжелый лодочный мотор, волна за волной, тоже стал скрываться в пучине.

Измощенные, счастливые – спаслись! – глядели на обступивших людей Есен и Бериш; они улыбались. Кызбала бросилась к Есену, обняла его и снова заплакала. Она гладила его по голове, ощупывала лицо, плечи, руки. Потом поняла, что это не Даулет, – смолкла и отошла, что-то бормоча.

Бериш вышел из круга обступивших людей и подошел к деду.

– Ата, давай я тебе помогу встать. Нам пора домой...

– Видно, не терпится тебе умереть, – сурово ответил ему старик. Но в глубине души Насыр был доволен внуком: смелым показал себя Бериш и решительным. И Насыр попытался подняться. Однако острая боль в щиколотке помешала ему это сделать.

— Кажется, ногу подвернул...

Бериш и Есен помогли старику Насыру влезть на лошадь. Дождь лил с новой силой, все вокруг опять потемнело. Люди потянулись в аул. Насыр прокричал внуку, ведущему кобылу за узду:

– Я им говорил, что молитвы мои спасут море! Они смеялись надо мной. Пусть теперь посмеются!

Бериш промолчал: то ли не расслышал он слов Насыра сквозь ливень, то ли заложило ему уши, пока плыл к берегу. Сейчас он думал об Айгуль. «Смелая все же!» – мелькнуло у него. Ему хотелось, чтобы Айгуль шла сейчас рядом с ним. Но Айгуль с сестрами оказалась уже далеко впереди.

И на берегу осталась лишь безумная Кызбала. А рядом с нею – дворняжка с белой отметиной да коза с козленочком.

Между Синеморьем и озером Балхаш лежит сейчас бесконечная степь. Это песчаное безводье – редко на таком огромном пространстве встречается зеленый цвет: небольшие островки травы с куцыми деревьями. В этих песках обитает много сайгаков, косуль, и летчики поговаривают, что видели недавно в этих местах тигрицу с тигренком. Удивительно – ведь уже много лет никому не встречался этот зверь, хотя некогда на южных берегах озера Караой шумели камышовые заросли и были эти камыши толщиной в человеческую руку и водились в этих камышах тигры. Было такое. В ауле у многих в домах по сей день лежат на полу полосатые шкуры. К примеру, у известного охотника Мусы: у него целых две таких шкуры. Хорошо сохраняется тигровый мех – не меняется в цвете, не лезет с годами шерсть. Тигры тиграми, а вот одичавших лошадей в этой степи много. Они не подпускают к себе людей, держатся настороженно. Их можно видеть на песчаных курганах сбившимися в табуны. У них длинные, отросшие хвосты и гривы, и выглядят они поэтому как бы крупнее обычных лошадей. Нередко они появляются вблизи аулов рыбаков, по крайней мере вблизи Караоя их видели не раз. Много в этих табунах молодых кобыл. Призывным ржанием они зовут к себе домашних жеребцов, подбегая к самой окраине аулов.

В эту дождливую ночь они опять появились за Караоем и увели за собой жеребца-иноходца охотника Мусы. Муса, как только обнаружил пропажу, вскочил на лошадь и умчался в степь на поиски. Но дикий табун был уже далеко – слишком поздно хватился охотник. Всю жизнь держал Муса охотничьих птиц, собак и быстроногих лошадей. Можно представить, как он переживал эту утрату, – даже занемог от огорчения. Переживал не только Муса, огорчились в ауле все: не раз жеребец Мусы брал первенство на районных и областных скачках. Старики рещили: это еще одна божья кара, павшая на аул.

– Давно надо было его кастрировать... – все вздыхала его старуха. Наконец Мусе это надоело, и он вспылил:

– Думай, что говоришь, старая!

Он резко отодвинул от себя пиалу с чаем и снова лег в постель, накрывшись шубой. Сколько еще табунов пролетит по окраине Караоя – быстрых, словно вихрь, крадущих душу, словно неостановимое время? Не вы ли, дикие лошади, унесли с собой былую красу Караоя? Былую радость жизни?

Дождь лил не переставая две недели. Временами стихал, но, будто вспомнив про молитвы Насыра, снова набирал силу. Не ослабевал холодный резкий ветер, не рассеивались черные низкие тучи в небе, не стихало две недели море. И лишь на душе у муллы Насыра было покойно, тихо; особенным радостным светом все эти две недели было озарено его лицо.

II

Оказалось, что мулла Насыр ногу подвернул очень сильно. Он даже побаивался – не треснула ли в щиколотке кость. Целыми днями лежал он теперь у низенькой печи, стараясь не ворочаться. Известный в этих краях врачеватель Откельды давно умер, и теперь люди обращались за помощью к местному врачу. Молодой доктор без особого труда, но довольно-таки небрежно, устранял вывихи, а больных с переломами или трещинами отправлял на рентген в областной центр. Не очень охотно ходили люди к «молодому специалисту», вздыхая, вспоминая лекаря Откельды.

Покойный лекарь долго и бережно втирал в поврежденные места растопленный курдючий жир. Делал он это неторопливо, под неспешный рассказ о последней рыбалке, о последних похоронах или еще о чем-нибудь в том же духе; и за разговором, как-то незаметно, исправлял вывих совершенно без боли. Близкие родственники Откельды все были уважаемыми лекарями: правили кости, снимали боль в пояснице, умели заговаривать болезни.

Не одна была дочь у Откельды, а вот насчет сына ему не повезло, хотя очень ему хотелось иметь наследника, именно ему передать свое полезное ремесло. В сорок лет он женился вторично: жену выбрал намного моложе себя.

Предки лекаря Откельды и охотника Мусы попали в эти края в давние времена из Сары-Арки. После великого джута в срединных землях степи, казахи подались к морю. Не всех, однако, казахов устраивала рыбная пища после мяса, хотя рыба была в те годы крупная, жирная. Да и к песку было трудно привыкнуть. Многие двигались дальше и гибли в песках от голода, от жажды. Поморы уговаривали их остаться, объясняли, сколь коварны, жестоки могут быть пески – особенно к неумелым людям, – но переселенцы отмахивались от советов, они жили мечтой о просторных пастбищах и лугах.

Отец Откельды был человеком рассудительным, слыл провидцем. В тот день, когда переселенцы достигли берегов моря, скончался дед мальчика – уважаемый людьми лекарь Кабыш. Со всеми подобающими почестями похоронили старика переселенцы на песчаном холме. Однако же и удивились странностям поморов: «Почему же у них нет кладбища?» На что старик из Караоя, будто задетый за живое, не без высокомерия ответил: «Мы, поморы, почти никогда не хороним на суше: море – оно и кладбище наше, и начало жизни нашей».

Неудачной оказалась вторая женитьба Откельды, не обернулась она рождением мальчика. Еще двух молодых жен взял он себе: одну за другой. И хоть трудно было кормить многочисленное семейство, Откельды не унывал, все трудности должны были окупиться. Само время торопило его: с его смертью род его закон-

чится, дело его умрет, если не будет у него сына, если не встретит он женщину, способную родить ему наследника.

Но и эти две молодые жены не оправдали его надежд.

Отчаявшись, он отстранился от всех домашних дел, передал дом в руки старшей жены, а сам стал проводить дни лежа в юрте, устремив горестный взор в неведомое. Да, жестоко посмеялась над ним судьба, жестоко...

Между тем жизнь вокруг не затихала. Из аулов присылали за ним гонцов, он молча седлал лошадь и отправлялся к пострадавшим. Он не спешил домой, лечил людей, заодно и жил у них: благо, пострадавшие всегда были рады этому. Не ждали его дома, не влекли молодые жены, как прежде, – надежда умерла, и он постепенно отстранился от них. К этому времени Откельды шел уже шестой десяток: был он поджарый, глядел на мир суровым смелым ястребом – на это сравнение отчасти наталкивало его узкое лицо с горбатым носом.

Больная нога Насыра когда-то побывала в мягких, заботливых руках Откельды. Тогдашнюю трещину в щиколотке, а была она повыше новой – Откельды залечил надежно. Насыр усмехнулся: где угодно треснет, но только не в этом месте, которое выхожено Откельды.

Что уж говорить. Живший у залива Мойынды кожа Даусеит, помнится, некогда упал с коня и сломал себе позвоночник. Полгода не отходил от него Откельды. Тогда на побережье росло много всяких лечебных трав, и все лето старый Откельды собирал их. Взрослая дочь Даусеита Марзия тоже полюбила это занятие – вместе с Откельды собирали они травы, и она узнала, какой в них толк. Правда, очень боялась Марзия змей. Бесстрашный Откельды ловко отлавливал их, выдавливал из их гибких, тонких языков яд. В такие минуты Марзия боялась подходить к старику близко. Ни косой взгляд, ни злое словцо не были брошены в спину шестидесятилетнего старика и совсем юной девушки. Только ли потому, что их в походах по побережью неотлучно сопровождал младший брат девушки? Как знать, как знать...

Когда Даусеит поправился, когда уже самостоятельно сел на коня, Откельды стал собираться домой. Однако перед тем у них с Даусеитом состоялся разговор с глазу на глаз. Откельды благодарил его за гостеприимство, говорил, что полгода он прожил в этом ауле и ни разу не почувствовал себя чужаком; в любом доме, даже самом бедном, его встречали как встречают самого дорогого гостя. И теперь Откельды просил позволения вернуться к себе домой.

Растроганный Даусеит отвечал вот что: «Всю жизнь я буду в долгу перед тобой, дорогой Откельды. Я много слышал о тебе раньше, а теперь я имел возможность узнать силу твоего волшебного знахарства на себе. Ты дал мне заново жизнь, Откельды. Скажи, что бы ты хотел получить в дар от меня? Ни в чем тебе не будет отказа».

Откельды долго молчал, потупив взор. Странно было видеть старца, потупившего глаза, словно мальчишка. А может, думалось ему, что слишком был прозорлив Даусеит, чтобы не увидеть сейчас в глазах Откельды Марзию, легко ступающую мягкими сапожками по песку, в длинном шелковом платье, которое облегалo ее худенькую фигурку? Или подумалось старому Откельды, что бестактно прозвучал бы вопрос Даусеита о причине слез, наворачнувшихся ему на глаза, когда представил он топающих за Марзией двух малышей-мальчиков: смешных, переваливающихся с ноги на ногу, словно щенки?

Откельды проглотил подступивший к горлу ком, но лица не поднимал.

«Уж не Марзию ли ты просишь у меня?» – оторопело спросил вдруг Даусеит. Волнуясь, он беспорядочно перебирал пальцами четки.

«Ты угадал, Даусеит!» – резко ответил Откельды. В отчаянном его голосе была какая-то юношеская звонкость, как будто бы Откельды хотел воскликнуть: «Не принимай меня за старика, Даусеит! Я еще воспряну, если рядом со мной в жизни будет Марзия!»

«Послушаем, что нам скажет сама Марзия», – вздохнул Даусеит и послал за дочерью.

Напряжение не оставляло Откельды. Он сидел прямо, глаза его были устремлены в одну точку на узорах сырмака. Потом пригладил седеющие усы и выжидательно глянул на Даусеита. Уединение мужчин насторожило байбише. А когда приглашенная дочь скрылась за пологом юрты, ее и вовсе одолела тревога. Байбише вошла следом. Марзия опустила на колено, приветствуя отца. Даусеит при появлении жены нахмурился; недовольно кивком головы указал место, где ей следует сесть. Растерянная байбише присела. Откельды быстро взглянул на девушку. Марзия была взволнована: припущенные ресницы ее вздрагивали. В свою очередь Марзия украдкой тоже бросила взор на Откельды. Он сидел чуть наклонив в сторону Даусеита свое ястребиное лицо, его жилистые, сильные руки лежали на коленях. Марзия хорошо знала ловкость этих рук: ни одной ядовитой змее не посчастливилось ускользнуть из них. Нет, не казался ей Откельды старым и немощным...

Даусеит ясно, в немногих словах изложил просьбу Откельды.

Грузная байбише, узнав, в чем суть дела, горестно охнула и упала в обморок. Тут же прибежала прислуга, стала брызгать ей в лицо холодной водой. Когда байбише привели в себя, Даусеит дал знак, чтобы ее отвели в другую юрту. Байбише хотелось рыдать в голос, но, зная крутой нрав мужа, она лишь всхлипывала, прикладывая к мокрым глазам кончик кимешек; тяжело ступая, она покинула юрту, поддерживаемая прислугой.

«И что же ты ответишь нам, Марзия?» – спросил Даусеит и был удивлен, когда услышал ее простые слова.

«Если Откельды просит моей руки, – благослови нас, отец», – сказала Марзия.

Услышав эти слова, Откельды радостно вскочил, приблизился к девушке и опустился перед ней на колени.

«Благодарю тебя, Марзия-жан! – сказал он. – Будь мне женой, будь мне молодым другом на всю жизнь! – Он повернулся к Даусеиту, который был расстроен и потому собирался выйти из юрты. – Клянусь тебе, Даусеит, куда жив – буду беречь твою дочь до последнего! Поверь, не постыдное желание многоженства толкает меня на этот шаг. Дочерей у меня много, а сына – ни одного. Всемогущий Аллах наградил наш род даром исцелять людей. Нас было четверо братьев, но жить остался я один – они погибли в голодные годы от чумы. Самое заветное мое желание теперь – иметь сына. И кажется мне, что Марзия принесет мне его». Даусеит лишь махнул рукой и поспешно покинул юрту.

Откельды привез в аул молодую жену и отделился от других жен. Они, завидуя умной и красивой Марзии, бойко злословили на их счет. Тогда Откельды послал к рыбаку Насыру верного человека: тот подробно изложил Насыру печали Откельды, и Насыр на другой же день перевез лекаря и Марзию в Караой, освободил для них свою избушку, а сам с женой и детьми перебрался в землянку.

Насыр по сей день помнит, как тогда сокрушался Откельды: «Эх, Насыр, смеется народ надо мной. Как же, совсем, мол, старик спятил. Ты один понимаешь меня: бесконечно я тебе благодарен за это. Невдомек им, что не о собственном я пекусь благополучии. Не могут они понять, что, если не будет у меня сына, – некому будет лечить их. Они одно видят, об одном талдычат: взял, мол, в жены девушку, которая моложе его дочери».

Трех сыновей родила Марзия на радость Откельды. Три небывалых тоя со вершили Синеморцы. Трижды на скачках стремительный вороной Мусы брал призы. Да, предсказания Откельды о том, что родит ему Марзия сыновей, сбылись: вновь он обрел былое уважение. Марзия, пока подрастали сыновья, постепенно приобрела, навыки врачевания травами и тоже стала лечить людей от недугов. Откельды не чаял души в молодой жене. «Песня моя», – так он ласково называл Марзию. Но былые людские насмешки помнил: не прошла у Откельды обида на них, навсегда его душа отвернулась от людей. Единственным человеком, которого он уважал, с кем советовался и которому мог рассказать все самое сокровенное, остался Насыр.

Мог быть этим человеком еще и Муса, но большую часть своей жизни проводил он на охоте. Когда б ни справлялись о Мусе, его жена, занимаясь привычным вереем, односложно отвечала: «Он на охоте. Где же ему еще быть?»

Старший из сыновей Откельды закончил медицинский институт в Алма-Ате, два месяца отработывал на практике у Синеморья. Как-то Кахарман вышел в море, чтобы определить направление косяков рыб, и столкнулся с лодкой. В результате перелом руки. Кайыргали быстро, умело вправил кости, наложил поверх повязки с четырех сторон ветки таволги и туго перевязал. Очень был удивлен Насыр расторопностью, уверенностью парня. «Кайыргали у меня далеко пойдет», – говорил тогда Откельды – не без гордости за сына, конечно. Кайыргали утонул в море вместе с сыном Кызбалы как раз в то лето, когда вернулся в родной аул с дипломом.

Сильно ударила по Откельды эта смерть; да и выглядел он в последние годы утомленным жизнью. Смерть сына сломила его ясный дух: за короткое время после смерти Кайыргали он превратился в немощного старика; глубокие, страдальческие морщины резко вдруг обозначились на его лице. И как ни заботилась о нем верная Марзия, как ни отвлекала от горьких раздумий, не сумел Откельды побороть тоску по сыну: неумолимо вела она его в объятия смерти. Среди немногочисленных захоронений Караоя могила Откельды – самая высокая. А высокий мавзолей из красного жженого кирпича был воздвигнут не без помощи Кахармана.

Неспокойно стало жить Марзии с сыновьями после смерти Откельды. Осмелевшие жены и дочери Откельды снова принялись злословить, наговаривать. Тогда она покинула Караю, переехала к родственникам на Зайсан. С тех пор ничего о ней не слышали в этих местах. Насыра всегда волновал вопрос: передался ли сыновьям чудный дар отца? Наверно. Разве дети хорошего, толкового отца могут вырасти оболтусами да неумехами? Так обычно говорила Корлан, когда они вспоминали Откельды.

– Аллах не допустит, – говорила Корлан, – чтобы хороший человек не смог повториться в детях... Да и Марзия, она ведь тоже умна, она знает всю науку Откельды...

Дав старику и внуку поесть, Корлан прилегла на мягкой подстилке у печи. Дождь не унимался: то, притихая, моросил монотонно, то вдруг набирал силу снова; временами гремел гром, сверкали молнии.

– Седьмые сутки льет, – вздохнула Корлан, поудобнее устраиваясь, – и конца ему не видать... Крыша бы наша не потекла, а, Насыр?

– Пусть льет! Столько лет ждали такого дождя...

Насыр туго затянул повязкой распухшую щиколотку, поднялся и стал молиться. К тому времени, когда Бериш с Акбалаком появились на пороге и Корлан, приохивая, принялась хлопотать вокруг них, он, умиротворенный молитвой, сидел, прислонясь спиной к теплой печи.

Акбалак сбросил с себя дождевик, скинул сапоги и после обычного приветствия прошел на почетное место.

Вчера накоротке, под проливным дождем, Насыр не успел разглядеть старого жырау, хотя и показалось ему, что тот заметно сдал. Сейчас Насыр, взглядевшись в его лицо, понял, что мимолетное ощущение не обмануло его. Щеки Акбалака были впавшими, не было в глазах жырау прежней живости, и весь он, некогда стройный, теперь выглядел явно уставшим от бремени жизни. Однако бодрость не покидала Акбалака.

– Хорошо быть мулкой, – пошутил он, – да только кости становятся хрупкими как мел.

Попросил Бериша принести теплой воды и полотенце. Дважды намылил руки, смыл пену, насухо вытер и долго смазывал их курдючным жиром.

Всю предыдущую ночь боль в ноге сильно мучила Насыра. Тогда-то и вспомнил он про Акбалака, про то, что тот тоже умеет лечить.

Наутро он послал Бериша за старым жырау. Акбалак тем временем подсел к Насыру.

– Я уже оседлал верблюдицу, собираясь в дорогу, как прибежал твой внук. Пришлось отложить отъезд. – Он стал осторожно ощупывать щиколотку. – А надо бы мне поспешить.

Акбалак неспешно стал втирать жир, поглаживая вывихнутый сустав. Насыр, следя за его действиями, сказал:

– Бог отблагодарит тебя за твою доброту...

– О каком ты Боге говоришь? – отозвался Акбалак. – Если о том самом, которого мне довелось узнать в жизни, то от этого ничего не дождешься. – Акбалак хмыкнул.

– Ака, ты до сих пор не перестаешь дерзить ему, – заметила Корлан, поворачиваясь к жырау, – а ведь стоишь одной ногой в могиле...

– Э, дорогая Корлан. По крайней мере, я искренен. Если бы что-то хорошее перепало мне от него за мои прожитые восемьдесят восемь лет – стал бы я это отрицать? Грешно в мои годы лгать, а тем более сидя за дастарханом моего уважаемого брата Насыра.

– Благодаря моим молитвам, – сказал Насыр, – уже неделю подряд идет этот спасительный дождь. Совсем уже скоро он растопит снега на вершинах Пушты, а Дарья принесет эту воду в море. На северных берегах моря есть подводные родники, дождевая вода обязательно размочит солончаки, и пресная вода родников хлынет в море. Помнишь, что говорил ученый человек Славиков? Только благодаря этим родникам и горной воде, которую несли впадающие реки, море всегда было полноводным, славилось красотой и богатством на всю казахскую степь!

– Как ты думаешь, – обратился он к Акбалаку, – если бы не мои молитвы – откуда бы взялся такому дождю?

Акбалак горячо возразил:

– И думаешь, что он, в самом деле, существует этот твой Бог? Объясни-ка мне тогда: зачем ему было надо до такой степени иссушить море? Если б был у него ум – он давно бы дал второе рождение нашему Синеморью!

– Я молился! – упрямо возразил Насыр. – Вот и услышал он мои молитвы...

– Твои молитвы! – замахал на него жырау руками. – Если он есть, то почему он так не по-божески поступает с нами? Ты сам помнишь время: были эти берега многолюдными, богатыми.

Теперь люди покинули насиженные, родные места. Что осталось от нашего Синеморья – ты видишь сам. Остались песчаные горы да голая степь, тощая рыба солонее соли да нищий народ... А ведь было время: люди с песнями катались на лодках, переезжая из аула в аул в праздники! Теперь они разбежались по всему Казахстану. И Бог твой не видит этого? Или не своими руками он вершит это?

Больно было старцу говорить такое: он высказал все, о чем он долгие годы думал. И слова жырау той же болью отзывались в сердце Насыра.

– Клянусь тебе, – воскликнул Насыр, – буду молиться день и ночь, и даст Аллах второе рождение Синеморью!

– Хорошо бы так случилось. Мне-то не придется увидеть этого счастья – пусть хоть наши внуки доживут до этих дней.

Тут загрохотал гром, яркая молния высветила жилие Насыра. Утихший было к полудню дождь припустил вновь.

– Такая молния может что угодно расщепить... – задумчиво проговорил Насыр.

– Лишь бы человека не задела... – Акбалак продолжал за разговором втирать жир. Он массировал ногу Насыра легкими нажимами на опухоль. – Эй, Бериш, найди-ка в моем хорджуне две дощечки да принеси их сюда... А ты, мулла, потерпи еще чуть-чуть: что уж делать, кости-то немолодые...

Действительно, Насыру стало больно. Он, морщась, попросил Акбалака:

– Да не жалея ты жира, втирай еще...

– Э, Насыр! Теперь нас хоть купай в этом жиру, а легче уже не будет. Придется терпеть. – В голосе Акбалака была строгость.

– В потемках лет не разобрать, мои ли кости постарели или твои пальцы задеревенели, – пошутил Насыр, но тут же вскрикнул от острой неожиданной боли – даже слезы навернулись ему на глаза. – Ака, кажется мне, что кость встала на место...

Акбалак еще раз прошелся пальцами по щиколотке, кивнул:

– Ты угадал, кость на месте.

Он взял дощечки, которые держал перед ним Бериш, приложил их с обеих сторон к щиколотке и туго скрепил чистой тряпкой.

– Через недельку будешь скакать как молодой...

Смысл с рук жир, тщательно, не спеша промыл нож и сунул его в чехол на поясе.

День прошел в разговорах, а когда сели ужинать, Акбалак спросил о Кахармане.

– Пока живет в Семипалатинске, – торопливо ответила Корлан, опережая мужа.

– Да, – кивнул Насыр, – пока еще в тех краях.

– Руководит чем-нибудь?

– Нет, в начальники его что-то не тянет, – опять ответила Корлан, со значением глянув на Насыра.

– Работает капитаном теплохода, водит баржи по Иртышу...

Акбалак вздохнул:

– Хороший он человек, Кахарман. У нас в Шумгене не забывают его добрых дел. А сколько он сделал для меня! Ни одной моей просьбы не оставил без внимания. Да только твой Бог всегда был против хороших людей...

Насыру вспомнилась его поездка к давнишнему другу узбеку Фузули, который жил на берегу Дарьи.

Когда реки, впадающие в Синеморье, перегородили во многих местах плотинами, водохранилищами, отводящими воду для риса и хлопка, и когда в море начала исчезать промысловая рыба, Кахарман сказал отцу с горечью: «Вот теперь началось для нас настоящее бедствие». Впервые Насыр видел сына таким подавленным, Кахарман пояснил: – «Начали строить большую дамбу у устья рек». – «Для чего она нужна?» – удивился Насыр. – «Для того чтобы убить море!» зло ответил Кахарман. – «Зачем же его убивать? – Это не помещалось в голове у Насыра. – А как же рыба?» – «Рыба, отец, задохнется в соленой воде и погибнет». – «А как же люди, как же народ, который живет у моря?!» – воскликнул Насыр. – «Народ распрощается с родными местами, люди разведутся, кто куда», – ответил сын дрожащим от негодования голосом. И тут только он увидел, как сильно напугал, ошеломил отца. Поэтому добавил: – «Не пугайся, отец. Это дело не одного дня. У нас еще есть возможность и время побороться. Но все больше и больше расходимся мы в мнениях с руководством страны. Мне предстоит ехать в Алма-Ату. Если не добыю там ничего – полечу в Москву, к Славикову. В любом случае я не буду бездействовать.

«Отец, вы поезжайте к Фузули; поговорите в тех местах с людьми, послушайте, что там говорят об этой опасности».

Насыр на следующий день не вышел в море. Временно назначил бригадиром надежного Тошемиша и отправился в дальнюю дорогу, к узбекским хлопкоробам.

Фузули, по своей давнишней привычке передвигая постоянно тубетейку со лба на затылок, встретил его радостно. Он шутливо отстранил жену от огня:

– Милая, сегодня, когда ко мне приехал мой давний друг, позволь мне собственноручно приготовить для него плов.

Они вышли во двор и стали вместе крошить свежую, пышущую паром баранину. Насыру не терпелось поделиться с другом своей тревогой. Поэтому он начал разговор не дожидаясь плова. Он рассказал Фузули, что море высохнет, если построят очередную плотину на Сырдарье: ключевые источники забьются солончаком, закупорятся; рассказал о том, как туго приходится Кахарману, о том, что будет с людьми, если море умрет...

Фузули слушал Насыра на перебивая. Затем позвал жену и велел принести свежую газету. Когда газета была у Насыра в руках, пояснил: «На второй странице «круглый стол» как раз по этой теме, читай». Насыр уткнулся в газету, а Фузули, взяв с пловом, проговорил: «Собрались московские, таджикские, узбекские ученые – разработали план, как задушить Синеморье. Были там и казахские ученые. Был там и наш с тобой тамыр Жагор».

Жагором Фузули и Насыр называли профессора Егора Шараяева. Но Насыр сначала не мог вспомнить: «Кто это? Как ты сказал?»

«Жагор, – напомнил Фузули. – Твой давнишний друг, профессор. Они приезжали вместе со Славиковым к тебе, а ты привозил его ко мне на плов... В общем, читай, а потом поговорим».

В газетном материале, занимавшем всю полосу, группа ученых вела разговор о судьбе моря, они поддерживали друг друга, соглашались друг с другом во всем. Шараев горячо настаивал на строительстве плотины. Его поддерживали узбекские, таджикские ученые, и специалисты мелиораторы Москвы. «А как же мнение простых людей? – подумал Насыр. – И что за чушь плетет Жагор? Он толкует, что исчезновение Синеморья не принесет никакого вреда окружающей среде. Никакого вреда?! Да разве это ученые?! Неужели не понимают они, что вода, отведенная для риса и хлопка из русел Амударьи и Сырдарьи, разольется понапрасну, затопит долину – и здесь образуются болота и топи?!»

Эх, Жагор, Жагор... Насыр был в растерянности: от кого-нибудь другого он был готов услышать эти речи, но не от Шараева.

«Прочитал, Насыр?» – спросил между тем Фузули.

«Да, все понял, – ответил Насыр, складывая газету. – Эти люди не желают нам добра...»

«Насыр, я понимаю твои переживания. Мы с тобой друзья на всю жизнь – надеюсь, ты в этом не сомневаешься? Ты теперь, наверно, догадался, почему я не мог ответить сразу на твои вопросы. Боюсь, что это проблема не для наших с тобой зубов. Мы с тобой вместе сделали много всяких дел – мы с тобой никогда не сомневались в наших с тобой возможностях. Теперь я сомневаюсь. Слишком мелкие мы с тобой люди, рыбак да хлебороб. А это вопрос государственного масштаба. Боюсь я, Насыр, и другого: как бы не испортились отношения двух наших народов. Вы рыбаки, мы хлеборобы. Есть у нас с вами одна общая поговорка: «Воля литейщика, – в каком месте сделать ручки у казана». Было время, когда государству была нужна Синеморская рыба...»

Он не успел закончить, как Насыр вскинулся на него: «Да, теперь государству нужнее хлопок и рис! А истощенное самим же государством море пусть провалится в тартарары вместе со своей подыхающей рыбой?!»

«Прости, что вскинулся на тебя, Фузули», – пробормотал Насыр. Он отодвинулся от стола. Фузули его успокоил: «Ничего, Насыр, я не обижаюсь. Понимаю горит у тебя душа. Было бы грешно не высказать слова, которые сам Аллах велит высказать». – «Хлопок и рис, значит, нужны, а море, а жизнь нашего края не интересует никого» – Насыр все не мог взять этого в толк.

Поздно вечером, когда Насыр остался один, долго просматривал ворох газет за последние дни. Утешительного в них для него было мало, напротив, сомнения и тревоги старого рыбака усилились...

Ему казалось, что обезумел весь мир. Иначе как было уразуметь то, что творится на земле.

ГИБНУТ ОБИТАТЕЛИ МОРЯ. ОКОЛО 75 ПРОЦЕНТОВ ТЮЛЕНЕЙ ПОГИБЛО за полгода в Северном море в результате вирусной эпидемии, вызывающей у животных сильное воспаление легких.

УЧЕНЫМИ ОТМЕЧЕН ИНТЕРЕСНЫЙ ФАКТ: АКУЛЫ В ОТЛИЧИЕ ОТ ДРУГИХ рыб никогда не болеют раком. Дело в том, что в их хрящах содержится вещество, препятствующее развитию этой страшной болезни.

НЕПОДАЛЕКУ ОТ ГОРОДА ХЬЮСТОН В ВОЗРАСТЕ СЕМИДЕСЯТИ ЛЕТ скончался от сердечного приступа Кермит Бихен – летчик американских ВВС, который 9 августа 1945 года сбросил атомную бомбу на японский город Нагасаки. Бихен неоднократно повторял, что горячо желал бы стать последним человеком, который использовал ядерное оружие против людей ЕЖЕМИНУТНО РОЖДАЮТСЯ 29 КИТАЙЦЕВ. ПРИ ТАКИХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ темпах население страны, составляющее сейчас 1,096 миллиарда человек, к концу столетия возрастет до 1,3 миллиарда. В прошлом году родилось 15,4 миллиона китайцев. Это почти равно числу жителей Австралии.

385 ЧЕЛОВЕК ПОГИБЛИ, БОЛЕЕ 600 РАНЕНЫ В РЕЗУЛЬТАТЕ КРУПНЕЙШЕЙ за всю историю страны железнодорожной катастрофы. Пассажирский поезд, следовавший из Мултана в Карачи, врезался в грузовой состав.

«ОПАСНО! КАДМИЙ!» – СЕМЬ КОНТЕЙНЕРОВ С ТАКОЙ НАДПИСЬЮ появились перед воротами посольства США в столице Новой Зеландии Веллингтоне. Их доставили туда члены международной организации защитников окружающей среды «Гринпис». Содержимое контейнеров составляют токсичные отходы, собранные в Антарктиде около американской научной станции Мак-Мердо.

СКОЛЬКО В МИРЕ ЯЗЫКОВ? В НАШИ ДНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ГОВОРИТ на 5651 языке и диалекте. 1500 из них отнесены к категории почти не изученных. Индия – одна из самых многонациональных.

ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ, ЧТО ПАРТИЙНЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ деятели Чехословакии обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами. Это обращение вызвано угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю и установленной конституцией государству со стороны контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами.

ЗАЯВЛЕНИЕ ТАСС ВЫЗВАЛО ВОЛНУ ОТКЛИКОВ. СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ОЗАБОЧЕНЫ угрозой социалистическому строю в Чехословакии. Все эти отклики полны непреклонной решимости – никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств. Протягивая руку братской помощи чехословацкому народу, мы знаем, что солидарность социалистического содружества непобедима

КАК БЫ НИ ИЗОЩРЯЛАСЬ ВРАЖЕСКАЯ ПРОПАГАНДА, СКАЗАЛА СЕКРЕТАРЬ правления союза писателей РСФСР поэтесса Л. Татьяничева, наши братья по классу всюду поймут, что советские войска, как и войска союзных государств, вступили на землю Чехословакии как истинные ее друзья.

ОКОНЧАТЕЛЬНО СОРВАНА МАСКА С ЛИЦА КАК ВНУТРЕННИХ, ТАК И ВНЕШНИХ радетелей «перемен» в Чехословакии. События последних дней убедительно показали, как тщательно подготовились к свержению народной власти контрреволюционные элементы, вступившие в союз с враждебными социализму силами на Западе.

ТРУДНОЙ, ТРЕВОЖНОЙ ЖИЗНЬЮ ЖИВЕТ В ЭТИ ДНИ ЗЛАТА ПРАГА. Реакционные элементы распространяют ложные слухи, пытаются вызвать недоверие к воинам Советской Армии. Но подлинные патриоты Чехословакии хорошо знают, что советские солдаты и офицеры – их верные, надежные друзья.

30 АВГУСТА НА ИСПЫТАТЕЛЬНОМ ПОЛИГОНЕ В ШТАТЕ НЕВАДА США произвели очередной подземный взрыв. Это уже 18-е испытание ядерного оружия США в этом году.

ФРАНЦИЯ ВОЗОБНОВИЛА ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО океана. Вчера она произвела взрыв заряда средней мощности над испытательным полигоном, расположенным на атолле Муруроа.

В РЕЗУЛЬТАТЕ ЦИКЛОНА «АЛИБЕРА», ОБРУШИВШЕГОСЯ НА МАДАГАСКАР, 18 человек погибли и около 40 тысяч остались без крова. Сила ветра достигала 200 километров в час.

ВНОВЬ ПРОСНУЛСЯ ВУЛКАН РЕДАУТ, НАХОДЯЩИЙСЯ К ЮГО-ЗАПАДУ от города Аляски-Анкориджа. Выбросы газа и вулканического пепла достигают высоты 12 тысяч 200 метров. Редаут напоминает о себе в пятый раз за нынешнее столетие.

ВОЛЧЬЯ ЗАСАДА. ЖИТЕЛИ СЕЛА УВАРОВО БРАТЬЯ ЧАЛМАЕВЫ, их гость Евсеев возвращались поздним вечером из Дома культуры. Возле моста за насыпью их ожидала засада. Подстерегал их волк. Первым же прыжком хищник свалил на землю Евсеева. Как ни силен был зверь, но трое молодых мужчин сумели быстро одолеть его.

Дороговато, правда, обошелся трофей: в клочья разодрана одежда, поврежден фотоаппарат, которым отбивались от серого разбойника. Случай крайне редкий. Ведь волки обычно не нападают на людей.

ДРЕВНИЕ ОХОТНИКИ СИБИРИ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ ПОЧИТАЛИ животных, на которых они охотились. Прежде чем выпустить в медведя стрелу, они разговаривали с ним в дружеском и успокаивающем тоне, называя его «дедушкой», «стариком» или «господином», а убив его, просили не мстить им за это.

ПЕРВЫМИ СТАЛИ ИСЧЕЗАТЬ СУХИЕ ТРОПИЧЕСКИЕ ЛЕСА, ПОСКОЛЬКУ земли, на которых произрастали и давали буйную зелень, очищая воздух, были заняты фермами, ранчо, дачами, поселками и целыми городами. По своим целебным экологическим силам эти леса подобны Мировому океану.

ЧИСЛЕННОСТЬ АФРИКАНСКИХ НОСОРОГОВ ПРОДОЛЖАЕТ СОКРАЩАТЬСЯ, причиной гибели животных является их ценный рог, из-за которого браконьеры уничтожили в Кении уже почти всех носорогов.

ПО ВСЕМУ ЗАПАДНОМУ БЕРЕГУ РЕКИ ЙОРДАН, В СЕКТОРЕ ГАЗА и в Иерусалиме происходили ожесточенные столкновения израильской армии и полиции с палестинцами. В районе селения Бейт-Уммар солдаты открыли огонь боевыми патронами по безоружным демонстрантам.

И ВОТ СЕНСАЦИЯ – НАЙДЕНЫ ОСТАНКИ ГИГАНТСКОЙ ПТИЦЫ. ФАНТАЗИЯ не справляется с предполагаемыми размерами находки: самые крупные современные птицы по сравнению со своими древнейшими сородичами кажутся воробьями. Возраст находки 46 миллионов лет. Ученые этот экземпляр называют «птицей ужасов», или «разбойником в перьях». По их мнению, это была самая большая птица всех времен жизни на земле. Ее голова была крупнее головы лошади, высота до четырех метров.

НАСТОЯЩИМ БЕДСТВОМ ДЛЯ МОРСКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ПТИЦ стали пластмассовые отходы, попадающие в море. Пытаясь проглотить кусок пластмассы или запутавшись в пластмассовых сетях, животные погибают.

41-ЛЕТНИЙ ШВЕД, НАХОДЯЩИЙСЯ ПОД СЛЕДСТВИЕМ ПО ОБВИНЕНИЮ в убийстве премьер-министра Швеции Улофа Пальме, будет находиться в тюрьме до 20 марта.

НА ГРАНИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ. ПОЧВА БЫЛА НАСТОЛЬКО сухой, что напоминала пудру и не давала надежды, что семена прорастут и дадут урожай. Это было сказано не о песках Сахары и не о солончаках Средней Азии. Так фиксировали специалисты состояние почвы в плодороднейших зерновых житницах Америки – в штатах Канзас, Айова.

В АФРИКЕ ХОТЕЛИ УНИЧТОЖИТЬ МУХУ ЦЕЦЕ, ПОЭТОМУ ПОЙМЕННЫЕ леса были обработаны дельтаметрином и перметрином в очень малых дозах – 1 грамм на гектар. В итоге: исчезло 55 видов пресноводных рыб, а муха ЦЕЦЕ осталась.

ВЕСЬ МИР ГОВОРИТ О КИСЛОТНЫХ ДОЖДЯХ. ВО МНОГИХ ЗАПАДНЫХ странах есть карты с обозначением районов, где часто выпадают кислотные дожди. А в нашей стране таких карт нет.

СТИХИЯ НАРУШИЛА ГРАФИК ДВИЖЕНИЯ БОЛЕЕ 200 ПАССАЖИРСКИХ и грузовых составов, следовавших из Средней Азии и Казахстана в центр страны. Ураганный ветер, бушевавший почти пять суток, намет из песка сугробы высотой до шести метров, которые преградили путь поездам у Мугаджарского перевала.

ВСПЫШКУ КИШЕЧНЫХ ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ЗАФИКСИРОВАЛИ нынешним летом в Киргизстане и Казахстане. Вода, взятая прямо из арыков, недоброкачественные мясные, молочные продукты и овощи, теснота в лечебных учреждениях – так создалась благодатная почва для болезней.

7 ДЕКАБРЯ В 10 ЧАСОВ 41 МИНУТУ ПО МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ произошло сильное землетрясение в северных районах Армении. Сила толчков в эпицентре составила свыше 8 баллов по двенадцатибалльной шкале. Это – наиболее мощное землетрясение на Кавказе за последние 80 лет. В ряде районов Армении имеются значительные разрушения, человеческие жертвы и раненые. Особенно пострадали города Лениканан, Кировакан, а также Спитакский, Степанаванский, Амасийский, Гугарский районы.

В 14 ЧАСОВ 30 МИНУТ ПО МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ В СОВЕТСКОМ Союзе на полигоне в районе Семипалатинска произведен подземный ядерный взрыв мощностью до 150 килотонн. Указанное испытание произведено в целях совершенствования военной техники.

«ЕСЛИ БЫ ВСЕ ЖИВОТНЫЕ ИСЧЕЗЛИ, ЛЮДИ ТОЖЕ УМЕРЛИ БЫ ОТ невыносимого одиночества души, ибо то, что случается с животными, неминуемо происходит и с человеком. Все взаимосвязано. То, что суждено переживать Земле, суждено и детям Земли», писал в 1885 году индейский вождь Сеатл в письме президенту США.

С тяжелым сердцем Насыр отправился в обратную дорогу. Ничем Фузули не мог утешить друга что мог предпринять он – обычный человек? Он, стоя у калитки, долго смотрел отъезжающему Насыру вслед.

«Куда ты там пропал? – позвала его жена. – Чего ты там делаешь?»

«Чего я делаю? – взорвался вдруг Фузули. – А ты там без меня что – умираешь?»

Через полмесяца вернулся Кахарман, был он в Алма-Ате и в Москве. Вернулся он оттуда недовольный, злой. И хоть не особенно рассказывал он про поездку, но

Насыр все понял и так. Кахарман сокрушался: «Если все это будет продолжаться, наши траулеры скоро сядут на мель: просто останутся на песках». – «Люди видят: твоей вины в этом нет, сынок», – как мог успокаивал его Насыр. – «Что моя вина, отец, – я про море говорю!» – «Государство видит все, оно не даст погибнуть морю...» – «Я много раз говорил в Москве и Алма-Ате со всякими чиновниками – лбом об стенку...» Отчаяние сына передалось отцу: – «Так что же – прощай, море?» И Кахарман после долгого молчания задумчиво покачал головой: – «Как знать, отец, как знать...»

Акбалак подслеповато вглядывался в лицо Корлан. И когда та, охая и вздыхая, грузно села за стол и стала поливать горячим бульоном нарезанную рыбу, он спросил:

– Не могу разглядеть, невестушка, не хворает ли ты?

– В затылке все тянет и тянет, – пожаловалась Корлан. – Не дают покоя мысли о детях. Разъехались кто куда...

– Не зря говорят, думы могут и воскресить, и погубить человеческую душу. Что тебя, Корлан, терзает? Вырастила такого сына, как Кахарман! Обидно только, что не нашлось ему дел в своем краю, помыслить даже трудно!

Так говорил Акбалак и тяжело вздыхал.

III

Возвращаясь от Фузули, Насыр не стал заезжать к тем родственникам и знакомым, которые знали, что ездил он к Фузули держать с ним совет. Нерадостно было у него на душе. Знакомые места, по которым он ехал, стали склонять Насыра к думам о времени, которое он прожил на этой земле. Справа тянулся остров Жасылбел – теперь бывший, теперь вокруг него не было воды. Вскоре он стал подъезжать к Казанколю, но и здесь была безрадостная картина, ушла вода, остался лишь толстый слой солончака. Некогда были разбросаны в этих местах аулы, не раз приходилось бывать в этих аулах. И хоть крепко сбивали в этих местах дома, а стены их размыло дождем, время подернуло бурьяном дворы и подворья – и пусто кругом. За следующим перевалом белело солью дно Шумгена. По его берегам были некогда густые, высокие заросли камыша. Не то, что пешему было трудно пройти – всаднику не проехать. Много здесь птиц пело по утрам – самых причудливых, на самые разные голоса. Потому, может, были люди Шумгена особенно жизнерадостными, много звучало песен в их аулах, много слагалось стихов.

То было время самой славы шумгенского жырау – певца и акына Акбалака. Какие это были песни! Часто они пели вместе с Карашаш – у нее тоже был неповторимый голос. Разве могло кого-нибудь оставить равнодушным их пение: плакали люди, слушая их печальные песни, просветлялись лица у людей, когда слушали они их веселые песни. Подражая Карашаш, женщины, выходившие в море, тоже пели. Может быть, пением этим они чуть скрашивали тяжелую свою долю – рыбацкий труд, упавший на их плечи. Ведь мужья их были на фронте. Карашаш часто говорила людям, что семь лет, которые она прожила с дорогим Акбалаком, она не променяла бы и на семьдесят лет другого счастья – вот как любили друг друга Акбалак и Карашаш. Но месть безжалостного ее отца обрвала это счастье.

В те дни Акбалак был в Алма-Ате, на празднике народных акынов. Мергенбай подобрал четырех ловких джигитов и отправил их в Шумген – они должны были выкрасть Карашаш. Когда джигиты везли ее в лодке, один из них стал бесстыже распускать свои руки – может быть, это-то обстоятельство и подвигло Карашаш на последний, отчаянный шаг. Она выбросилась из лодки, увлекая за собой того, кто задел ее женскую честь. Узнав о гибели красавицы Карашаш, аул погрузился в горестное молчание. Не было, наверно, в ауле человека, который бы не проклял Мергенбая. Немедленно была отправлена телеграмма Акбалаку.

Старейшины Шумгена тем временем собрались на совет. Вот что они сказали: «Немало горя и бед причинил нам Мергенбай, а теперь по его вине свершилось такое несчастье. Разве он не злодей? Разве этот поступок его не зверский? Собственными руками он погубил родное дитя. Пусть кто-нибудь отправится к Мергенбаю и передаст наши слова: он должен немедленно покинуть эти места. Жить с ним на одном берегу, мы не желаем!»

Решили старейшины отправить к Мергенбаю молчаливого, но смелого, решительного джигита Насыра. Вечером, когда садилось солнце, Насыр сел на коня. Мергенбая он застал у дома: тот, не стесняясь в выражениях, поносил трех наемников из Каракалпакии. В лице Мергенбая был только гнев – ни тени горя.

«Мергенбай ага, люди требуют, чтобы вы немедленно покинули эти места», – холодно сообщил Насыр, не слезая с коня.

«Люди?! – Мергенбай вскинулся и осмотрел Насыра злым взглядом. – Эти провонявшие рыбаки называются людьми? И давно? Я из Караоя не уеду никуда, так и передай им. А тебе тоже несдобровать! Ты ведь один из дружков этого вонючего пса Акбалака? Пошел вон!»

Насыр с трудом сдерживался.

«Просили передать: если к завтрашнему утру вас застанут здесь – пеняйте на себя...» – Насыр повернул коня.

«Эй, – крикнул ему в ответ беснующийся Мергенбай. – Передай своим аксакалам и карасакалам, что, если кто-нибудь из них хотя бы пальцем тронет моих близких, весь аул перестреляю! Так и передай! А теперь убирайся!» Насыр ничего не стал отвечать.

Глаза Мергенбая налились кровью. Он не тронулся с места. Утром разгневанные люди со всего аула сошлись во дворе его дома. Обнаружилось вот что. Кулия – жена Мергенбая, оказывается, не приходила в себя со вчерашнего дня: лишилась чувств с той самой минуты, когда узнала о смерти единственной дочери. Пятеро взрослых сыновей Мергенбая бестолково метались по двору в поисках Мергенбая.

Стали обыскивать дом, обыскали двор, потом весь аул – Мергенбая не было нигде. Несколько джигитов, вскочив на коней, бросились в пески. Но Мергенбая и след простыл.

Подъезжая к Шумгену, Насыр остановил коня. Все ж таки хотелось ему заехать в Шумген: хотя бы напиться воды. Но у кого остановиться? Сердце, конечно же, ему подсказывало – у Акбалака. После смерти Карашаш Акбалак не женился, остался бобылем, иногда наезжал к дочери в Караой.

Щепетильный Акбалак решил, что ему трудно будет найти женщину равной Карашаш. Он решил провести оставшуюся жизнь в одиночестве.

Конь Насыра топтался на месте. Насыру не хотелось причинять Акбалаку хлопоты своим приездом. Потому он все никак не мог решиться; то трогал коня, то поворачивал его обратно. Но один довод был сильнее других: проехать мимо дома Акбалака – значит смертельно обидеть уважаемого человека. И потому Насыр, в конце концов, направил коня к низенькому домику жырау. У входа его встретил огромный волкодав. Испуганная лошадь отпрянула в сторону, в раздражении Насыр стегнул собаку толстой плеткой. Пес вышел из себя: казалось теперь, что он готов был прыгнуть не только на лошадь, но и на всадника. На лай вышел Акбалак, прикрикнул на пса. Голос его все еще был сильным, звучным. Пес нехотя отступил, приглядываясь к всаднику из глубины двора.

«Давно никто не останавливал коня у моего дома. Узнаю тебя, Насыр, брат мой!» – Акбалак улыбался, приглаживая ладонью белую бороду.

«Кому же, как не мне, проведать старшего брата, покинутого всеми», – отозвался Насыр.

«Впервые за десять лет вижу твоего коня у моего дома», – сказал Акбалак, и в голосе его Насыр различил обиду и упрек.

Когда вошли в дом, Акбалак преподнес Насыру чашу с шубатом – напиток из верблюжьего молока.

Выпив шубат, Насыр поставил, пустую чашу на стол. «Дорога, конечно, тебя утомила. Посиди, отдохни – жара-то какая стоит... Я пойду, похлопочу насчет дастархана, – сказал Акбалак, намереваясь встать. – Нога, видишь, подводить стала... Старость – не радость, правду говорят».

Получилось так, как Насыр и предполагал. Тогда он воздел руки и стал уговаривать старика: «Ака, ради всего святого, не беспокойся. Я не задержусь у тебя – мне надо спешить. Завернул к тебе, только чтобы повидаться, – иначе ты бы обиделся... Не последний день живем, Ака, еще увидимся, поговорим не спеша... А сейчас мне надо ехать, пока не стемнело».

«Смешно, Насыр. Неужели ты думаешь, что Акбалак так просто отпустит тебя. Иди-ка лучше расседлай коня да заведи его во двор».

Ничего другого не оставалось Насыру, как подчиниться. Акбалак же между тем говорил:

«Ты знаешь сам, Шумген далек теперь от моря, чтобы к ужину была нам рыба. Да и осталась ли в море рыба, которую можно было поесть с удовольствием, как раньше? Сомневаюсь. Будем довольствоваться тем, что Бог пошлет».

Он вышел во двор, окликнул молодого джигита-соседа, которому велел привести и заколоть барана. Джигит и его жена принялись хлопотать об ужине для гостя, а Акбалак, подсев к Насыру, стал нюхать крепкий, душистый табак, готовясь к неторопливой беседе.

Он решил хорошо угостить и проводить со всеми подобающими почестями давнишнего друга. Желанного гостя всех торжеств и веселий, певца и неунывающего человека, Акбалака, постепенно одолевало старческое безразличие к суете жизни. Давно он не брал в руки домбру.

Акбалак заговорил:

«Издалека едешь, вижу. Откуда, если не секрет?»

«Был у Фузули», – коротко ответил Насыр. Ему не хотелось рассказывать про те печальные картины, которые видел, подъезжая к Шумгену, чтобы не беречь душу жырау.

«Как поживает Фузули?»

«Неплохо ему живется. Мы стареем, а он как будто бы помолодел. И года не прошло, как умерла жена, а уже женился – на молоденькой. – Насыр улыбнулся. – Он всегда был парень не промах. Наверно, решил: если жениться – жениться на молодой. С молодой женой вроде и сам молодеешь».

Акбалак взял в руки домбру. Задумчиво пробежали его пальцы по струнам:

«Проехал, говоришь, по старым местам, и веселый едешь обратно?»

До веселья ли здесь, подумал Насыр, но с ответом медлил. Наконец решил, что Акбалак видит и понимает не меньше его – он ведь тоже давно переживает за судьбу Синеморья. С нескрываемой горечью Насыр произнес: «Почтенный Ака, не принесла радости мне эта поездка: еще больше разбередила душу».

«Как считает Кахарман, ответь мне: найдут выход из положения или море погибнет?»

Акбалак отставил домбру и повернул к Насыру левое ухо.

«Что Кахарман? В Москве большие начальники убеждают друг друга, что исчезновение моря не принесет никому никакого вреда. В газете читал. Глазам своим не поверил. Они и нас хотят убедить в этом. Я так думаю – она просто безмозглая, эта власть советская!»

«Аллах не посылает мне смерти. Только и осталось на мою долю: скрипеть старыми костями. Не пойму, в чем дело: вроде бы не грешил я перед ним. А послал вот наказание – старость, выжившую из ума. – Акбалак помолчал, потом спросил: – Наверно, от Кахармана требуют план?»

«Про план они не забывают... А какой улов, когда не стало в море рыбы? Эх, Ака, ни одной поймы не осталось, ни одного залива или крохотной бухточки, где было бы рыбы как прежде! Трудно приходится сыну. Со всеми начальниками переругался: и с местными, и с областными. Теперь вот в Алма-Ате был – и там не встретил поддержки...»

«Слышал, будут закрывать рыбный завод. А как Кахарман к этому относится? Говорят, что один из траулеров уже сидит на мели...»

«Если не будет моря – зачем нужны заводы? А про траулер не врут люди – он на мели. Стоит теперь в песках: жутко смотреть на него. Вода далеко отошла от него: его что – на канатах за водой тянуть? И это только начало всех бед, Ака...»

Акбалак ничего не сказал, только хмурил лохматые брови, затем он поднялся, вышел во двор; там властным голосом он отдал несколько распоряжений джигиту и его жене. Вернувшись в дом, он заговорил с порога:

«Худо было бы людям без работы, когда бы Кахарман не организовал здесь скотоводческие фермы, не открыл мастерские для женщин. Слышал я, что недавно был он у нас, проверял эти фермы. А ко мне не заглянул. Передай, что старый жырау обижается».

«Передай, Ака, передам. Ты тоже пойми его. Думаешь, не хотелось ему повидаться с тобой? У него не бывает свободного времени: всё дела, всё люди вокруг него...».

«Конечно, пока человек жив да хорошо выкладывается на работе – времени у него на остальное не остается. Дай Бог, чтобы времени Кахарману хватало на все: даже на разговоры с аксакалами. Передай ему людскую благодарность. Особенно желают ему здоровья женщины: очень им было далеко за водой ходить, а он велел вырыть два колодца прямо посередине аула», – продолжал Акбалак.

Не хотелось в эту минуту Акбалаку говорить плохое про своих аульчан: он умолчал о том, что они стали покидать родные места. Впрочем, Насыр уже слышал об этом.

«Хорошо, что у вас своя питьевая вода, – сказал Насыр. – У Бекназара в Каракалпакии оба внука подхватили желтуху, один умер, чуть ли не на следующий день. Говорят, Дарья теперь вся испоганена «хемией»: эта хемия несет много болезней людям».

«Несчастливые дети! И у нас в прошлом году было такое же – не слышал ли ты, Насыр? Эта самая хемия попала в колодец: яд, которым посыпают рисовые поля. Весь аул, кроме стариков и старух, которые держат ораза, чуть не погиб. Хорошо, успели вызвать врачей из города». ... А что дальше будет? Ничего я не могу понять, Насыр!..»

Насыр не отвечал. После долгого молчания Акбалак взял в руки домбру и запел дрожащим голосом одну из своих песен:

Снова в море закинул я сеть,
Море рыбы своей не дает.
Боже мой, нету силы терпеть,
Что в груди твоей: сердце иль лед?
Обезлюдел мой род, приуныл,
Поплелись мы, лишённые сил,
От родимой земли и могил...
Море рыбы своей не дает!
И меня захлестнула нужда,
И пошел я, не зная куда,
Но везде нас встречает беда,
Море рыбы своей не дает.

Акбалак был обязан Насыру жизнью. Если б не Насыр, гнить бы его костям в морских владениях царя Сулеймана. Один Насыр-палуан осмелился выйти тем вечером в бушующее море на поиски Акбалака и Карашаш. Сейчас Насыру не вспомнить, по какой надобности он оказался тогда в Шумгене, может быть, как раз приехал навестить Акбалака.

...Когда Акбалак собрался в море, чтобы проверить расставленные ночью сети, Карашаш напросилась с ним. Было раннее утро, над водой еще стелился туман. Но вскоре он рассеялся, и они увидели небо: чистое, бирюзовое. Под стать ему была и вода: мягкая, спокойная. В лодке Карашаш с удовольствием откинулась на руки, открыто подставляя солнцу лицо. Его лучи были еще не горячими. Акбалак невольно залюбовался молодой красивой женой. Отплыв от берега, они запели. Как правило, они пели дуэтом только тогда, когда оставались вдвоем наедине. Петь дуэтом на людях строгая мать Акбалака хотя и не запрещала, но почему-то и не одобряла. Сообразительная Карашаш давно поняла это и не шла против желания свекрови. Здесь, на морском просторе, им никто не мешал, никто их не мог смутить – и они, красивые, полные жизненных сил, пели свободно, легко. Плеск синих чистых волн ласково сопровождал их голоса...

Разные песни поются на море. В них первые, неясные чувства молодых влюбленных; в них жалобы на тяжкие, безрадостные дни поживших рыбаков. А когда

поют песни старые рыбаки, то обязательно их песни окрашены предстоящим прощанием с жизнью и с морем.

И по-разному звучат песни на море. Громко звучат они, когда Синеморье гневается на людей и подбрасывает их лодки на сердитых волнах, словно щепки. «Мы не боимся тебя, буря! – поют рыбаки. – Твоей слепой ярости, – поют рыбаки, – мы противопоставим холодный ум, смекалку и сноровку. Ты не покоришь нас, буря, – нет!» В дни же, когда тихая волна ласково бьется о борта лодки, другая песня рождается в сердце рыбаков. Они рассказывают в песне огромному морю, какое оно широкое, как оно радуется человеческий глаз, как счастливы люди, живущие на его берегах. «Море, – поют рыбаки, – пусть дружба между нами не кончится никогда. Люби нас, море, – поют рыбаки, – и будем мы любить тебя до скончания наших дней...»

Наверно, в душе Акбалака и Карашаш было больше песен о любви друг к другу и к морю. В самом деле, оно еще ни разу не гневало на них: откуда же в их сердцах взяться другим? Оно осторожно несло на своих волнах их лодку, когда они сбежали от Мергенбая. Оно прятало их на одном из своих островов, оно давало им пищу; оно покровительствовало им, когда они возвращались в Шумген...

Видно, обо всем этом подумалось Карашаш ранним утром, ибо она прильнула к груди мужа и сказала: «Море снова благоприятствует нашей лодке. Дорогой мой, давай съездим на наш остров...»

Неожиданная просьба жены застала Акбалака врасплох.

«До Корыма ведь очень далеко», – ответил он, привлекая к себе жену и целуя ее.

«Ну и что ж? Мне так хочется снова увидеть Корым, полежать на его солнечных песках, посмотреть на нашу лачугу...»

Карашаш умоляюще посмотрела Акбалаку в лицо. Акбалак, обнимая ее и целуя, выпустил из рук весла, и волны довольно-таки быстро понесли лодку.

«Вот видишь, – засмеялась Карашаш, – сама судьба несет нас туда!»

«А как быть с рыбой?»

«Кто тронет наши сети? Заберем завтра, на обратном пути».

«Тогда едем!» – счастливо улыбнулся Акбалак. Сильными руками он взялся за весла и стал поворачивать лодку в нужном направлении.

Остров Корым, который тогда дал прибежище молодым беглецам, был уютным, цветущим. Редко здесь встречавшие людей куланы, кийки, сайгаки удивленно и без робости рассматривали джигита и его девушку. Лодка мерно покачивалась на воде. Много нежности в эту ночь подарила Карашаш Акбалаку. Утомленные, они уснули обнявшись. Их крепкий, счастливый сон не нарушил даже легкий дождь: капли его, впрочем, скоро высохли на лицах влюбленных. Много нежности дарила Карашаш Акбалаку и в другие ночи: она умела любить страстно, каждое ее объятие было беззаветно, словно она видится с Акбалаком в последний раз. Что ж, целых три месяца они были детьми природы, а Корым был ласковой колыбелью их любви. Они сплели лачугу из камышей, к этой лачуге повадился ходить детеныш лани. Однажды ночью поднялась песчаная буря и ягненок, дрожа от страха, вбежал в лачугу и замер у ног Карашаш. Вскоре стало ясно, от кого сейчас спасался несмышлениш: совсем рядом послышался волчий вой. Акбалак вышел из лачуги, долго приглядывался, наконец, выстрелил на звук – и попал. Волк отчаянно взвизгнул и затих.

Теперь ягненок неотступно ходил за Карашаш. Наступили минуты прощания с островом. Ягненок бегал по берегу и жалобно блеял. «Ака, – сказала Карашаш, – посмотри, как жалобно плачет наш несмышленьш». – «Ты и сама плачешь, душа моя...» – ответил Акбалак. У него тоже было неспокойно на сердце. Их будущее было тревожно и неизвестно, как и судьба этого детеныша. Тревожно и неизвестно, хотя джигиты Шумгена, разыскавшие-таки влюбленных на Корыме, уговорили их возвратиться: клялись, что не дадут их в обиду, клялись, что, и волосок не упадет с головы Карашаш. «Мы возьмем его с собой!» – решил Акбалак, утирая слезы Карашаш. «Подарим его охотнику Мусе», – обрадовалась Карашаш. Акбалак перелез через борт и пошел к берегу. Ягненок поплыл навстречу человеку, а в лодке прижался к ногам Карашаш. Возвратившись в Шумген, они передали его Мусе. У Мусы обычно жило много всяких зверьков. Подлечив, поставив на ноги, он отпускал их на волю. Ягненок вскоре подрос, но так и остался жить во дворе охотника.

До острова они добрались ближе к ночи. Покинув лодку, Карашаш с интересом оглядывалась вокруг. Акбалак быстро собрал охапку сухого хвороста, разжег огонь, чтобы вскипятить чайник. Чайник был старый, закопченный, но в лодке каждого рыбака он есть, как первая необходимая утварь. Их лачуга была развалена, но хорошо сохранились плетеные подстилки. Одну из них Акбалак прихватил к костру, Карашаш опустила на нее и прижалась к плечу мужа. Было тихо, слышался только треск полыхающего хвороста.

После легкого завтрака они сели в лодку, Акбалак взял в руки весла. Они недалеко отплыли от острова, когда заметили, что небо меняется. Быстрые тучи бежали по нему и вскоре как бы сомкнулись в одну – пошел сильный дождь. С севера потянуло холодным, пронизывающим ветром. Добравшись до сетей, они с трудом загрузили тяжелый улов. Сеть теперь прочнее держалась на плаву, но тяжелее стало лодкой управлять.

Между тем волны готовы были перевернуть ее. Никогда Акбалак не боялся смерти. Слишком часто бывал он на волоске от гибели, и чувство страха давно притупилось в нем.

Северный ветер стал крепчать. Мачта затрещала и рухнула, Акбалак окончательно потерял власть над лодкой. Их понесло в открытое море. Но судьба перед тем еще раз решила проверить людей на страх. Их повернуло вдруг в сторону острой каменистой гряды, которая была справа. Лодка стремительно приближалась к камням.

«Ака, надо выбросить рыбу!» – крикнула Карашаш, и голос ее утонул в реве ветра и воды. Акбалак согласно кивнул ей, Карашаш стала выбрасывать рыбу за борт. Акбалак сделал еще одну попытку подчинить себе лодку. Его приободрило бесстрашие жены. Если они не спасутся – не будет у них ребенка. Он не успел больше о чем-либо подумать. Налетевшая огромная волна приподняла лодку и швырнула ее на камни. Акбалак и Карашаш оказались в воде: теперь им надо было ухватиться за большой обломок разбитой лодки – только это могло спасти их.

Насыр вернулся с моря одним из последних. Ему сказали, что Акбалак и Карашаш ушли в море вчерашним утром – до сих пор их нет. Насыр не раздумывая, тут же спустил лодку на воду. По неспокойным волнам к ночи добрался до острова Корым. Чужало его сердце, что он найдет их здесь.

Его стало уносить в море примерно в том же месте, где потерял управление лодкой Акбалак. И хоть изможден был Насыр, но сумел собрать остатки сил:

благополучно провел свою лодку между выступающими камнями. Он громко звал все это время: «Акбалак! Карашаш! Эй! Эй!» К утру, совсем осип, но и море постепенно успокоилось. И только тогда ему удалось отыскать Акбалака и Карашаш – они еле держались на воде.

Ужин подходил к концу. Акбалак велел постелить Насыру в задней комнате. Здесь было чисто и прохладно. Насыр лег, с удовольствием вытянул усталые ноги, но уснуть ему так и не пришлось. У него не шла из головы поездка к Бекназару.

Тяжело переживал смерть любимого внука Бекназар. Небритое, щетинистое лицо осунулось – казалось, он резко постарел. После похорон все поехали к Бекназару в дом: после поминального обеда стали расходиться.

Бекназар был молчалив; лишь изредка вздрагивал, когда слышал доходившие из дальних комнат громкие рыдания невестки.

«Из внуков Айдара я любил больше всего, – вздохнул Бекназар и упрямо повторил: – Больше всех».

«В недобрый час привело меня к вам», – тихо промолвил Насыр.

«Да нет, Насыр-ага, – ответил Бекназар. – Не дано человеку предугадать помыслы Аллаха... Однако, Насыр-ага, не праздное любопытство позвало тебя к нам, не так ли? Догадываюсь: хочешь посмотреть своими глазами на те преграды, которые перекрыли Дарью. И тебе интересно выслушать мнение людей».

Насыр согласно кивнул.

«Помнишь ли время, когда окунали новорожденных в Сырдарью? В этом был смысл: всем хотелось, чтобы жизнь их потом была широкой и свободной, как эта река... Прошло то время...» Бекназар смолк, упустив мысль. Думы о смерти мальчика не оставляли его.

«Еще вчера утром мы сидели с ним вот на этом месте и играли в шашки...» Ком застрял у Бекназара в горле, и он снова смолк.

«Сколько лет ему было?»

«Этой осенью должен был пойти в школу. Я ему задолго до этого покупал учебники, учил его читать... Недавно ездили с ним в Нукус. Зашли в универмаг, он выбрал себе портфель...»

Утром ушел с ребятами к реке. В полдень они привезли его на раме велосипеда. Он был без сознания... Та дрянь, которой обрабатывают хлопок и рис, попала в реку. Никто этого не знал. Выше, в Узбекистане, химзавод выбросил в реку неочищенные отходы. Внутри у мальчика все горело – мы ему непрерывно давали пить холодной воды... Через три часа умер. Ничего не мог поделать местный наш врач. Да и врачи в тот день были нарасхват – в каждом доме отравленные дети. Много я в жизни видел, но такого видеть еще не приходилось...»

«Да, Бекназар, много ты повидал на своем веку смертей. А помнишь, как в тридцатые голодные годы я спас тебя от верной гибели?»

«Голодные годы, Насыр-ага, это другое... Но сейчас-то за что страдают наши дети? Разве только каракалпакские аулы постигла эта беда? Уверен – и ниже, и выше по Дарье травятся люди! Почему так происходит, Насыр-ага? Мы что враги самим себе и нашим детям?»

«Что тебе ответить? Чем лучше вроде бы мы живем – тем хуже! Больше добываем нефти – больше разливаем. Больше строим заводов – больше отходов. Больше добываем риса и хлопка – больше и больше кормим поля этой химией. Тогда спрашивается: а зачем, собственно, нам это надо – больше? К чему эта гонка?»

И все включены в эту гонку – никто не думает о ближнем, никто не думает о завтрашнем дне: давай план! давай план! План, и все: а там хоть сам расшибись, хоть природу всю угроби! хоть ближних! Варвары мы все, Бекназар, просто варвары!

За что боролись – на то и напоролись. Все чаще я слышу эти слова. Много труда пришлось вложить нашим отцам ради того, чтобы мы сыто жили, чтобы в изобилии всего было у нас. На это и напоролись... А я даже так думаю, Бекназар: а зачем человеку изобилие? Если он сытый – разве можно воспитать его душу? Голод, холод, разруха вложили в души наших отцов не злобу, не отчаянье, не ненависть к ближнему – а наоборот: доброту, сердечность, жалостливость. Если ты не ухватишь куска – другой ухватит за тебя!

Что говорили наши отцы? Не бери чужого. Поделись с путником последним куском хлеба – может быть, ты его видишь в последний раз. Чти отца: без него дом – это дом без благословения. Чти мать: без нее дом – дом без тепла. Много было у них мудрых заповедей... Умерли наши отцы, Бекназар; вымираем и мы... А после нас уже некому будет говорить эти заповеди: нарождается племя варваров, Бекназар!»

Ранним утром они пошли на хлопковое поле. Бекназар стал рассказывать:

«Нехитрая у меня жизнь. Я, как ты знаешь, поливальщик. Государство мне платит деньги за то, что я пускаю воду вот на это самое поле. Чем больше воды я выпущу – тем выше мой заработок. Возможно, от избытка воды хлопок погнет или от избытка воды в песках образуется болото. Поливальщику нет до этого никакого дела. Чем больше воды выльешь – тем больше денег вольется в твой карман. Понимаешь, как это устроено?»

«Чего уж не понимать? Двумя извилинами думал человек, который придумал это».

«Никого не интересует, доходит ли вода Дарьи до моря. Их дело – оставлять как можно больше воды на хлопковых полях. – Бекназар помолчал, оглядывая поле, лежавшее перед ними, и оживленно продолжил: – А я вот о чем думаю, Насыр-ага. Надо воду продавать. Пускать ее только в определенные дни. Если будет вода на вес золота – разве стану я ее лить зря? Нет – я буду экономить. – Он стал развивать свою мысль дальше: – Если бы воду пускали по строго определенным дням, воды в Дарье хватило бы и на рисовые, и на хлопковые поля на всем ее протяжении – причем, без особого ущерба для Синеморья. По крайней мере, оно бы не пересыхало.

Если бы руководители Средней Азии и Казахстана сели за один стол, потолковали бы по уму – они бы нашли общее решение, они бы могли спасти море. А как сейчас? Все по старинке, как во времена ханов – каждая республика распоряжается богатствами земли как своей собственностью. И вот она, их близорукость, – Дарья пересохла, море задыхается. Мы не думаем о наших детях, не думаем о завтрашнем дне – все сегодня, все сейчас... И как можно больше золотых побрякушек на грудь!»

Насыр припомнил слова мудрого Нысана, которые повторяла Корлан, сердясь на что-то:

Победы в будущем нет –
 Как воин тогда проживет?
 Коль нет опоры ни в ком –
 Как проживет народ?..

Можно ли усомниться хоть на миг в том, что мудрый старец не предвидел сегодняшнего дня? Не о нашей ли горькой судьбе сокрушался он? Его слова сейчас как нельзя кстати.

Насыру надо было трогаться обратно. «Ну что ж, Бекназар, будь здоров, – стал он прощаться с другом. – Поеду, пока жара не разыгралась».

«Я провожу тебя до Курентала, – предложил Бекназар – Лошадь готова еще с вечера».

Курентал – одинокое дерево в песках. Под этим деревом обычно вырыт колодец, у которого останавливаются утомленные путники, чтобы передохнуть или провести ночь в небольшой избушке, которая строится рядом с колодцем именно с этой целью. С Куренталом у Насыра и Бекназара были связаны свои воспоминания: у Курентала в начале тридцатых годов впервые встретились молодой Насыр и босоногий, раздетый мальчуган Бекназар.

В годы великой конфискации казахи, лишённые единственного своего богатства – скота, переживали страшный голод. Бесконечные вереницы обезкровленных, обездоленных людей шли в те дни по берегам Синеморья – они покидали родные места, они тянулись в города. Казалось им, что город спасет их от голодной смерти. Многие из них не дошли до города: умерли в песках от жажды. У отца Насыра Бельгибая был единственный родной брат Сансызбай, живший в Каракалпакии. Все чаще и чаще Бельгибай тревожился в те дни о брате. «Давно нет вестей от Сансызбая. Нет, не то сейчас время, когда, заимев несколько десятков овец и лошадей, можно было возгордиться и отвернуться, как это было с ним в прошлые годы – не потому он не дает о себе знать... Чует мое сердце, Насыр, – беда у Сансызбая. Поезжай к нему, узнай, как он там. Да на обратном пути, если встретишь переселенцев – веди их к морю, не дай им умереть».

Насыр отправился в путь на верблюдице Ойсылкаре – крепкой, выносливой. Небо над пустыней было черно от вороньих стай. Они кружились над человеческими трупами. По склонам песчаных холмов, воровато оглядываясь, пробегали шустрые лисы и барсуки. Да, у хищников пустыни был пир. Ойсылкара, вздрагивая, пугливо обходила или переступала через трупы. Вскоре и она привыкла к трупному смраду. На другой день Насыр добрался до аула, где жил Сансызбай. Трудно это было теперь назвать аулом – кругом было запустение, разруха, лишь в нескольких юртах еще теплилась какая-то жизнь. Не было ни шумной детворы, ни женщин у очагов, ни мелкой скотины на окраинах. Сердце Насыра дрогнуло, когда он увидел эту щемящую душу картину. Он подъезжал с подветренной стороны, сильно несло трупным смрадом. Ойсылкара все чаще шарахалась, наконец, встала как вкопанная на окраине аула. Тогда Насыр спешился, привязал ее к кусту, а сам направился к юртам. В руке он сжимал толстую отцовскую камчу. Подойдя ближе к юртам, он увидел вздутые трупы. Из одной юрты, озираясь, выбежали две лисы. Сели на задние лапы, метрах в тридцати от Насыра, и стали наблюдать за ним. Вскоре Насыр был у юрты Сансызбая. Прикрывая рот и нос ладонью от смрада, он вошел в жилище и отпрянул. Сансызбай был мертв, тело его уже разлагалось. Насыр вскрикнул. Рядом с Сансызбаем лежала его мертвая жена. Он пулей выскочил из юрты. Встревоженное воронье взлетело, было над крышей, но опустилось снова, видя, что угроза миновала.

Потрясенный Насыр прибежал к верблюдице. Тут же его вырвало. Он сел на верблюдицу, обхватил ее горб руками и горько расплакался. Ойсылкара торопливо пошла прочь от аула. Вслед Насыру торжествующе каркало воронье; оглядываясь, спешили на очередной пир лисы и шакалы.

Утром Насыр добрался до Курентала. Он решил набрать воды и немедленно отправиться дальше. Ему было больно, оттого что он не смог предать земле тело дяди и его жены, – что же было делать, если не нашел в себе сил даже подойти к ним близко?

Он набрал в торсык воды, умылся, напоил верблюдицу. Ему показалось, что печь в избушке топится. Мелькнула мысль: может, заглянуть? Но, вспомнив слова отца быть осторожным в пустыне, тут же отказался от своего намерения. Как только отъехал от колодца, дверь лачуги распахнулась, и оттуда выбежал голый мальчишка лет пяти. Он с криком бросился вслед Насыру. Однако до Насыра он не добежал. Споткнулся о кучу золы, упал и больше не вставал: у него совсем не было сил подняться. Изможденная, страшная женщина выскочила вслед за ним. В руке у нее был нож. Насыр резко повернул верблюдицу назад, крепче сжал в руке камчу и с громким криком направил Ойсылкару ей наперерез. Женщина остановилась на полпути, довольно-таки проворно юркнула в избушку. Насыр ринулся за ней и тоже вбежал. Мужчина средних лет – худой, всклокоченный – держал между коленями ребенка лет одиннадцати. Он норовил его полоснуть ножом по горлу; окровавленный ребенок рвался из его рук. Рядом с мужчиной валялась отрубленная детская голова – в котле, по всей видимости, варилось мясо. Только сейчас Насыр обратил внимание: здесь стоял густой запах варящегося мяса. Насыр вскрикнул страшным голосом и изо всех сил ударил мужчину плеткой. Ребенок, вырвавшись, бросился к Насыру: это был русский рыжеволосый мальчик.

«Не убивай нас!» – стала кричать и причитать женщина слабым, жалким голосом. Она прижалась к мужчине. Однако она причитала скорее по привычке: глаза ее были совершенно пусты – может быть, она уже была безумна. Насыр был потрясен, глядя на этих несчастных людей. Вместе с уцелевшим мальчишкой они быстро вышли из лачуги. Мальчика, которого минуту назад преследовала женщина с ножом, уже не было: он уходил в пески. Насыр окликнул его, ребенок оглянулся и побежал прочь. Совсем скоро он упал без сил. Насыр принес его к колодцу на руках, потом смыл с него кровь, обоих завернул в свой чапан, посадил на верблюдицу, и медленно они стали удаляться от этого страшного места.

Одним из этих спасенных детей был Бекназар. Второго – русского мальчика – усыновил Муса, назвал его Жарасбаем. Муса поставил его на ноги, Жарасбай женился, вскоре после этого уехал в город, теперь он там в большой должности. Бекназар же рос у Насыра. Уже после войны его разыскали родственники, и он уехал с ними. Теперь, столько лет спустя, Насыр и Бекназар остановили своих коней у Курентала, напились из колодца. «Здесь я и попрощаюсь с вами, Насырага», – сказал грустно Бекназар.

«Будь здоров, брат мой, – ответил Насыр. – Будем живы – встретимся. Не забывай Караой – что-то ты в последнее время совсем не показываешься у нас. Дела, конечно, делами – да все-таки выбирай время...» – «Верный упрек, Насырага. Все думал: повзрослеют дети – забот убавится... Да не выходит так...»

С тем они и расстались.

К утру, мулла Насыр-таки задремал. Но зыбкий сон его был нарушен отчаянным лаем собаки. В другой комнате Акбалак испуганно вскрикнул: «Насыр, что-то случилось там!» Насыр выглянул в окно. Пес Акбалака сражался с волками. Один из них, бросившись на него сзади, схватил волкодава за ногу и повалил.

– Да это же дикие собаки! – догадался Акбалак и в исподнем бросился во двор. За ним поспешил и Насыр. Пока они, спотыкаясь в темноте, выбрались во двор, одичавшие собаки разнесли волкодава в клочья. Мимо калитки пронеслась стая, громко лая. Собаки, разодравшие акбалаковского волкодава, поспешили за стаей. Акбалак и Насыр бросились, было за ним, но одна из собак – огромная, с телка – вдруг остановилась и скалясь сделала шаг в их сторону. Старики застыли на месте. Пораженные увиденным, они смотрели вслед удаляющейся стае.

– Ты заметил, – наконец сказал Акбалак, – они, кажется, увели с собой нескольких собак из аула?

– Я заметил другое, – ответил Насыр, – в их стае было несколько волков. Печальные наступают времена, Акбалак: наши собаки, наши друзья превращаются в волков, в наших врагов...

– Ойбой! – схватился вдруг за голову Акбалак. – А не задрали они твою кобылу? Беги-ка в сарай, Насыр!

Насыр бросился в сарай. Кобыла была цела, но испуганно всхрапывала и металась на привязи. Насыр похлопал ее по крупу, она стала успокаиваться.

Выйдя из сарая, он поспешил к Акбалаку.

Акбалак, стоя на коленях, горбился над парящим телом разодранного пса. Окрашивая край горизонта алым, над пустыней забрезжил рассвет.

КНИГА ВТОРАЯ

Гибнет государство, когда перестают в нем отличать хороших людей от плохих.

Антисфен, IV век до н. э

Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи?

Из письма В. Г. Белинского В. П. Боткину в 1841 году

...Все наше достоинство заключается в мысли. Будем же стараться мыслить правильно: это основа морали.

Блез Паскаль, XVII век

IV

Тесный дом Насыра был переполнен. Кахарман, прощаясь, сказал как будто бы все – но рыбаки молча ждали. Каждый из них в душе был встревожен, каждый думал, что если уезжает и Кахарман – значит, беда недалеко, значит, ничего уже невозможно сделать.

Безусловно, они считали Кахармана своей опорой, своей надеждой – и теперь эта надежда покидала их.

– Вот так, земляки, – проговорил еще раз Кахарман. – Сказать мне больше нечего. Да и сколько можно об одном и том же...

Теперь он даже пожалел, что так долго рассказывал им о своих бесплодных скитаниях в Алма Ате и Москве. В самом деле, он отнял у людей последнюю надежду – зачем? Если его личная вера рухнула – имеет ли он право отнимать ее у людей?

Рыбаки потихоньку один за другим стали выходить из дома. Кахарман сидел низко опустив голову. Насыру очень хотелось спросить, куда намерен держать путь сын, но, чувствуя, что Кахарман ничего определенного не скажет, – молчал. Всею свое время, решил он, когда найдет нужным – сам даст восточку.

Кахарман встал, Насыр и Корлан поднялись тоже. Он порывисто обнял старых родителей, потом подошел к Беришу:

– Храни их, Бериш! Парень ты у меня совсем взрослый... Бериш кивнул и отвернулся – скрывая слезы.

– Ну ну... – шепнул ему Кахарман. – Оставь сантименты... Бериш снова кивнул.

К Айтуган с детьми посадили жену Саята – так захотел Кахарман, полагая, что жена Саята скрасит тоску Айтуган. Сам же сел в машину Саята. Все остальные погрузились в старенький автобус и тронулись. Аул остался позади, им никто не мешал, но Кахарман не был расположен к разговору – молчал; казалось, даже задремал. Миновали пески и скоро выехали на накатанную дорогу. За правым стеклом потянулись горбатые песчаные склоны Караадыра.

– Саят, – попросил Кахарман, – пошли когонибудь, пусть вернут машину с Айтуган...

Саят остановил последние «Жигули», поманил Есена.

– Догоните Айтуган, пусть поворачивает назад. Мы будем ждать их здесь. – Дальше он перешел на шепот: – Как только будете на вокзале, закажите стол. Подойди к начальнику вокзала и скажи: едет Кахарман. Он знает, что делать...

Есен полез с расспросами:

– Саят ага, куда все таки переселяется Каха? На Каспий или Жайик?

– Узнаешь потом, – одернул его Саят. – Хорошо, что ты с собой келин взял, пусть поможет ребятам.

– Ваша келин так и норовит показать, что она чистейшей воды горожанка – забавно! – сказал Есен. И снова вернулся к разговору: – Если Каха решил на Каспий, то и мы за ним последуем. Это ведь недалеко...

Саят пряча улыбку в усах, подтолкнул Есена к машине:

– Поживем – увидим, а пока – вперед!

Через полчаса пути они были высоко на Караадыре. С его вершин побережье было как на ладони, хотя сумерки над песками скрывали от глаз само море, его теперешнюю линию, которая была далеко, словно то счастливое прошлое, которое теперь кануло в Лету. Когда Кахарман и Саят были мальчишками, море плескалось у подножия Караадыра и весело было на его берегу: ребята постарше состязались в «кокпаре», а мальчишки помладше проносились на лошадях мимо Караадыра.

Столько лет прошло, а Кахарман будто бы только вчера на скачках, припадая к гриве вороного, летел словно ветер, выкрикивая имена предков. Этого чудо вороного только ему доверял Муса. Сам он выныривал из ущелья Караадыра, когда Кахарман начинал приближаться к финишу, и скакал на кобыле рядом,

подбадривая возгласами. Ну и заводился вороной! Летел как на крыльях к финишу, к людям в ярких одеждах, и, чуть кося глазом, словно бы все спрашивал Кахармана: «Держишься? Держись крепче, малыш, не вылетай из седла!» Много потом Кахарман в своей жизни перевидал скакунов, но такого жеребца, который преображался на финише, больше не приходилось видеть. Такие скакуны могли водиться только у Мусы, которых он выхаживал исключительно для состязаний и которых потом дарил своим соседям – узбекам, туркменам, казахам с Мангыстау и Арки. Этого вороного он не дарил никому – держал для себя, для скачек.

«Опять вороной Мусы идет первым! – между тем кричали на финише. – Это старинная порода! Аргамак – оно и видно. Пай, пай! Как ногами играет – совсем не устал!»

Люди с любовью, уважительно поглядывали на Мусу, хотя он и Откельды были на побережье, пожалуй, единственными людьми, которых нельзя было назвать рыбаками. Когда рыбаки выходили в море, Муса садился на лошадь и отправлялся на охоту, а Откельды с Марзией уходили собирать травы. Что ж, наверное, и в этом имелся свой вековой смысл: и охотник, и врачеватель нужны были побережью, нужны были рыбакам.

Обступив Мусу, расхваливая на все лады его коня, люди всем миром шли к охотнику в гости. Ну а какой казах не рад гостям?

После самой первой победы Кахармана – а было это в сорок седьмом году, в Первомай, – после скачек к нему подъехал отец на буланом жеребце. Ребята, окружавшие Кахармана, притихли, а Насыр громогласно, всем его друзьям на зависть, похвалил мальчика: «Вот и стал ты у меня джигитом, сынок!» Он сильными руками оторвал Кахармана от земли, посадил сзади, и они поскакали к Мусе. Кахарман, счастливый от похвалы, припал лицом к отцовскому чапану, пахнущему морем и песком.

Море, которое в дни его детства плескалось у самого аула, теперь даже от Карадыра удалилось на расстояние кочевья. Тогда, в те годы, вот тут спускали лодки на воду – теперь здесь воздух неподвижен и горяч; настоящий на запахах солонца, перемешанный с едкой солончаковой пылью, он теперь обжигает легкие – трудно дышать. Да, в те времена отсюда можно было добраться на лодке до самого острова Акеспе – в те годы там была лаборатория профессора Славикова. Профессор тогда проводил здесь каждое лето. Общительный, удивительно тактичный даже в отношениях с подростками и детьми, профессор быстро сдружился с рыбаками побережья. Профессор по приезду первым делом отправлялся к Насыру. Ученый и простой рыбак беседовали увлеченно, обстоятельно; к ним присоединялись Откельды и Муса; частенько Насыр посылал и за Акбалаком в Шумген. Славиков великолепно знал татарский и казахский: в свое время он жил в Оренбурге, потом учился в Казанском университете. Кахарман в те годы был безмерно влюблен в ученого – казалось, не было на свете вещей, которых бы не знал профессор. При всем том профессор не забывал об обиходном: всех одаривал по приезду подарками и сладостями, что всегда крайне смущало стариков. «Оу, Матвей, к чему такие траты?» – обычно возражал Акбалак, хотя в глубине души всегда был тронут вниманием ученого... Насыр и Муса тоже были изрядно смущены, сконфуженно бормотали: «В самом деле, Матвей, к чему?» Славиков шутил: «Ничего, друзья, от меня не убудет. – И добавлял: – Ну а теперь я жду положенного подарка от вас» Это означало – Акбалак должен петь. Песни его про-

фессор слушал проникновенно, затаив дыхание. Часто он после пения Акбалака брал в руки его домбру, выточенную из цельного тополя, и любовно оглаживал:

– Акбалак ага, дорогой! Песни ваши я нередко вспоминаю в Москве. Поверите ли – становлюсь спокойнее, работаю легче. Иногда и сам принимаюсь напевать. С другой стороны, и для Игоря бесполезна казахская речь – пусть привыкает; глядишь, и научится... Кобыз, который вырезали вы мне, висит на почетном месте – жалко, что мне уже не научиться играть. Эх, будь я помоложе...

Последние слова, сопровождаемые лукавой улыбкой, обычно адресовались Игорю, который, как правило, заметно смущался при этом и негромко отвечал:

– Я обязательно научусь играть на кобызе...

Насыр уже в те годы удивлялся – мальчик довольно сносно говорил на казахском, хотя профессор судил о познаниях сына весьма строго, без снисходительности:

– Чтобы хорошенько узнать чужой язык, чтобы по настоящему научиться говорить – надо пожить в этой среде. Трех летних месяцев, к сожалению, мало-вато... хотел бы я какнибудь взять на лето в Москву Кахармана и Саята: пусть ребята пообщаются теснее. Не возражаете, Насыр ага?

Тогда и Кахарман, и Саят, и Игорь очень радовались задумке профессора – они давно мечтали провести лето вместе, но не знали, как к этому отнесутся их родители.

– Конечно, не против, – легко согласился отец. – Пусть ребята развеются, а заодно пусть поучатся у Игоря русскому...

Кахарман отошел от «Жигулей». Саят, открыв капот, в тусклом свете маленькой лампочки склонился над масляным фильтром – он не хотел мешать другу побыть в эту прощальную минуту одному.

Вокруг было тихо. Скрылись и огни прибрежных аулов – и без того жиденькие, редкие, не то что в прошлые годы. Дома в прибрежных аулах ныне зияли пустыми проемами окон и дверей: много рыбаков уехало – на Каспий, на Чардару. Поняли, что ничего уже не принесут две изможденные Дарьи иссыхающему морю...

Машины, в которой он отправил жену, еще не было видно – неторопливые мысли Кахармана продолжали ворошить прошлое. Летом пятьдесят шестого года, Славиков привез с собой из Москвы молодого ученого, предварительно дав телеграмму Насыру. Никто в ауле не сомневался, что гостя следует встретить как подобает. «Иначе зачем телеграмма?» – рассудил Насыр, и все нашли его довод резонным. То было тяжелое время – послевоенное, люди еще не оправались полностью от нужды, но в ауле сделали все для того, чтобы не ударить лицом в грязь. Насыр и Камбар должны были позаботиться о хорошей рыбе. Мусу и Акбалака отправили за сайгаками. Откельды взялся доставить лучшие арбузы, дыни, а председатель колхоза Жарасбай – молодой покладистый парень – отправился в Алма Ату за мукой. Муса и Насыр встречали скорый поезд Москва – Алма Ата на маленькой, затерянной в песках станции Сарышыганак. Чемоданы гостей погрузили на телегу, а самих – профессора, Игоря, заметно вымахавшего, и молодого ученого Шарая – посадили верхом на лошадей и двинулись к Караю. Откельды, Акбалак и сноровистый в те годы Камбар ждали их в Карае – рассчитав по времени, они принялись накрывать дастархан. Вечерело, когда гости добрались до Караоя. Взобравшись на ближние холмы, увидели юрты, живительную зелень вокруг них – и заметно повеселели. Славиков воскликнул: «Друзья, ей богу, всю

зиму скучал по вашим юртам! А вот Егор Михайлович, самый перспективный из «племени младого и незнакомого», еще не знает этого счастья – после московской толчеи увидеть юрты! Ничего – это счастье у него еще впереди, я даже завидую ему. Познакомится с людьми, увидит здешнюю жизнь и – надеюсь – полюбит как я!» Шараев, никогда прежде не ездивший верхом, был крайне утомлен и промолчал. Лишь слабо улыбнулся. А Славиков не унимался – ему хотелось сразу же отправиться к морю. Его поддержал Насыр:

– Матвей прав. Усталость снимет как рукой, если искупаться.

Вскоре они были на берегу. Насыр пригласил Славикова и Шараева в свою лодку, взял в руки весла. Когда они были достаточно далеко от берега, Славиков сбросил одежду и прыгнул. Вынырнул он далеко от лодки и, отфыркиваясь, крикнул:

– Егор Михайлович, жду тебя! Вода – чудо! Такой воды нигде не встретишь!

– Он перевернулся на спину и поплыл, широко взмахивая руками.

– Нырятьте, – улыбнулся Насыр Шараеву. Не пожалеете...

– А вы?

– Куда ж я денусь! – рассмеялся Насыр.

они стали раздеваться. Кахарман и Игорь тоже прыгнули – с другой лодки. И поплыли – играясь друг с другом, беспричинно хохоча, – друзья не виделись целый год. Лишь Откельды остался в лодке – притянул к себе пустые лодки и улыбаясь смотрел на купающихся.

– Ну что я говорил! – воскликнул Славиков, Шараев молча закивал в ответ.

– Эта вода исцеляет раненые, заблудшие души городских людей. Правильно я говорю, Насыр?

– Ты прав, Мустафа, как всегда!

– Казахи зовут меня Мустафой! – рассмеялся Славиков.

– А меня вы как будете называть? – спросил Шараев у Насыра.

– Все будет зависеть от тебя самого. Если ты не откажешься от своей идеи перегородить Дарью плотиной, они назовут тебя Егинбаем, – сказал Славиков.

– Как растолковать это имя – Егинбай?

– Скажи – ты не отказываешься от своих идей: от плотины и Каракумского канала? Попрежнему мечтаешь направить в пески воду, чтобы там выращивался хлопок и рис?

– Не отказываюсь.

– Значит, они тебя отныне будут звать Егинбаем сеятелем? Чем Егор лучше Егинбая? – Славиков лукаво улыбнулся и нырнул. Скоро лучи вечернего солнца окрасили воду красным, пора было возвращаться. Шараев действительно после купания чувствовал себя преотлично. В лодке он завел разговор с Насыром, спросил:

– Если отвести часть воды Дарьи в каналы, – каким образом, по вашему мнению, это скажется на море?

Насыр посмотрел на Шараева как на сумасшедшего:

– Как можно преграждать путь воде, пущенной самим Аллахом? Я уже не впервые слышу об этом – море просто напросто высохнет, вот и все!

Насыр повернулся к Славикову, как бы приглашая выступить его судьей в совершенно очевидном вопросе, но Славиков сидел спиной к ним и не оборачивался.

– Судя по тому, как часто упоминаете Бога, вы, наверно, не коммунист?

– Почему же, коммунист я. В сорок втором на фронте был кандидатом, а после ранения попал в списки погибших. Меня однополчане приняли в партию посмертно. С тех пор я голосую и за партию, и за Бога, – пошутил Насыр.

– Я к чему это спросил? – объяснился Шараев. – Сейчас, когда партия нацеливает нас на новые послевоенные задачи, нам надо учиться смотреть на вещи широко, масштабно. В вашем краю есть вода – это хорошо. Но в туркменских пустынях ее нет. Мы не можем с этим мириться – пустыня должна давать Родине хлопок и рис. Благополучие родины должно крепнуть – иначе американцы задавят нас, как мух!! – Он со снисходительной улыбкой посмотрел на Насыра. – Советскому человеку нельзя жить одним днем. Мы, коммунисты, должны думать о будущем!

– Все это, конечно, так, – возразил Насыр, задетый за живое. – Но если обложить Дарью каналами – море наше скоро высохнет. И не будет благополучия ни у туркменов в пустыне, ни здесь. – Он с сомнением посмотрел на Шараева – Вот вы сказали, что американцы задавят нас, как мух. В войну мне не раз приходилось встречаться с американскими солдатами – есть, как говорится, из одной консервной банки. Это вполне дружелюбные люди – у них хватает своих богатств. Но если будет перекрыта Дарья – нас не американцы задавят! Мы сами себя задавим – высыхающее море будет мстить: и природе, и людям, живущим здесь. – Шараев по прежнему улыбался снисходительно, и это снова задело Насыра за живое: – Мне трудно хвастаться тем, что я мыслю широко и масштабно. Я всего лишь обычный рыбак. В лодке воцарилось неловкое молчание, и, может быть, для того, чтобы сгладить его, Насыр полуречитативом начал петь.

Откуда дикому озерному гусю
 Цену просторам степным знать!
 Откуда дрофе, птице степной,
 Озеру цену знать!
 Откуда любим пустословам в ауле
 Цену достойным знать!
 Откуда вовек не знавшим кочевий
 Цену земли знать!
 Откуда глупцам, ушедшим с кочевки,
 Как новую ставить знать!
 Откуда меняющим место без толку
 Цену народа знать!

Славиков живо откликнулся и стал негромко переводить. В другой лодке речитатив Насыра подхватил Акбалак:

Чистейший и бесценный жемчуг
 На дне морском в тиши лежит.
 Чистейшее, цены безмерной слово
 Во глубине души лежит.
 Тот жемчуг, что на дне морском лежит,
 Порой выносит бурная волна.
 Чистейшее, безмерной мысли слово
 Выносит горе с глубины, со дна.

Шараев удивленно переводил глаза с одного на другого.

– Для них привычное вам слово «коммунист» ничего не значит, Егор Михайлович. Они черпают мудрость и разум, положим, из этого эпоса, а не из краткого курса ВКП(б), как мы...

Лодка Игоря и Кахармана давно была на берегу. Ребята разложили костер, сготовили ужин и теперь ждали старших. Когда старшие прибыли, они принялись расторопно угощать их осетриной. Насыр и Славиков с заметным одобрением поглядывали на своих детей.

Разговоры за осетром велись прежние: о канале, о плотине. Но теперь в основном говорили профессор, Шараев и Болат – студент Славикова, который специально приехал в Акеспе, чтобы увидеть профессора, по которому уже соскучился. Насыр наконец понял, почему Славиков привез с собой Шараева – ему надо было показать рыбакам хотя бы одного из своих противников, чтобы они убедились, как серьезна проблема Синеморья, как упрямы в своих доводах оппоненты.

Профессор в начале разговора, представляя Болату, добавил:

– Этот парень оказался не только самым толковым моим студентом, но еще и земляком: он тоже из Оренбурга родом; русский, стало быть, казах...

– Было время, когда Оренбург считался казахской, землей, – включился в разговор Насыр. – До сих пор там живет много казахов; у меня там немало родственников.

– Ты прав, Насыр. Территории тогдашних кочевых племен были размыты – они свободно перемещались от Иртыша до Волги. Только в восемнадцатом веке они осели – тогда то и удалось русским ученым занести в карты Синеморье.

Болат заметил:

– Но море впервые было отмечено еще во втором веке до нашей эры – в записках китайских ученых; как «Северное море». А в картах арабских ученых указаны точные его очертания и размеры...

– Мустафа, ну и хороший у тебя ученик! – воскликнул Акбалак. – Желая ему одного: чтобы и человеком стал хорошим!

Славиков похлопал Болату по плечу:

– Станет, я не сомневаюсь! Еще будете гордиться им! А в отношении моря – действительно: оно из древнейших на земле! Когда то Синеморье, Каспий и Балхаш были единой водой, единым огромным морем посреди степи...

Между тем Шараев сказал:

– Матвей Пантелеевич, мы увлеклись историей – давайте поговорим о дне сегодняшнем.

– Сегодняшний день Синеморья тревожен – нельзя говорить о нем, не имея в виду будущего, которое его ожидает.

– Наше будущее – в мелиорации! – нетерпеливо вставил Шараев. – Это докажет Каракумский канал. Вода Дарьи принесет в пески жизнь, изменит быт людей. В песках, где сейчас не растет ничего, будут цвести сады! А что такое деревья для песков? Даже школьнику не надо объяснять, что лесопосадки – это единственное средство остановить движущийся песок!

– Напрасно, Егор Михайлович, вы упрощаете понятие мелиорации. Это не только орошение пустынь или осушение болот. Это целый комплекс вопросов побочного характера. Это и борьба с эрозией, и освобождение солончаков от соли, и борьба с ветрами, и сдабривание химикатами земель, лишенных гумуса, и про-

чье. Вы же, Егор Михайлович, по сути дела твердите одно – оросить и получить урожай! Это банально – не нужно быть ученым для этого! Мозги нам, в конце концов, даны для того, чтобы думать – а что будет завтра? Вы рисуете масштабные картины – поля, сады, но напрочь забываете о так называемых побочных эффектах. Я же утверждаю, что именно они в скором времени катастрофически дадут знать о себе – эти мелочи обретут такой масштаб, что не нужны нам будут эти сады, эти поля! Природа – не мальчик на побегушках, шутить с ней опасно. Вы же пытаетесь закидать эти проблемы шапками – вы ни разу не усомнились в своей правоте!

– Матвей Пантелеевич! – вскричал Шараев. – Вы забываете, что нам необходимо резко увеличить производство хлопка и риса! Этого от нас требует партия – и не выполнить ее приказа нам нельзя!

– Я не утверждаю, что нам не следует орошать засушливые места! Я говорю, что нам следует жить и действовать в согласии с природой, а не ей вопреки. В Средней Азии и Казахстане издревле существуют методы мелиорации – они прошли испытание не одной сотней лет. Ни один из них не противоречит природе, а напротив – сливается с ней. Вы с академиком Крымаревым спроектировали Каракумский канал. Вы хотите, в сущности, разбазарить воду двух рек! Канал станет несчастьем для здешнего народа! Да да, ибо вы не можете аргументировать, что этот канал не будет способствовать увеличению заболоченных мест! – Последние свои слова Славиков сказал громко, распаясь не на шутку.

Молодежь, сидевшая поодаль, повернула головы в их сторону. Игорь быстро встал, подошел к отцу и сел рядом. – Шараев был в неловком положении, он сказал, оглядывая присутствующих:

– Не обращайтесь на нас внимания. Мы с Матвеем Пантелеевичем часто расходимся во взглядах в последнее время. Что ж, столкновение мнений в науке – дело естественное...

– Это давно похоже на бесцельную перебранку! – махнул рукой Славиков. – Оставим высокий штиль...

– Вы совершенно правы, Матвей Пантелеевич! – Шараев улыбнулся. – Хорошо бы наши доводы проверить в деле...

– О каком деле можно говорить, Егор Михайлович! По вашему, природа должна превратиться в полигоны наших непродуманных идей?! Учтено ли, к примеру, что будет с теми людьми, которые останутся жить на берегу высыхающего моря? Можете представить, что с ними произойдет?

– Работы хватит всем, Матвей Пантелеевич! Вы забываете, что со временем Казахстан должен превратиться в огромную созидательную площадку. По предложениям академика Лысенко нам предстоит распахать в Казахстане миллион гектаров целинных и залежных земель...

– Ты прекрасно знаешь, – холодно парировал Славиков, – как я лично отношусь к замыслам академика Лысенко. Но я не о нем... Жаден стал человек, тороплив – и чем дальше, тем больше. У человека в руках теперь техника – он стал похож на дикаря, которому дали в руки динамит. И никто не хочет понять очевидного: завтра покоренная, с позволения сказать, природа начнет мстить человеку, и эта месть будет равносильна адову огню!

При упоминании адова огня Откельды провел ладонями по лицу. «Иа, Алла, сохрани нас», – прошептал он.

Конечно, эти простые люди были наивны: вряд ли они сейчас могли себе представить, какое несчастье ожидает их завтра. Это не укладывалось в их сознании. Перед ними по прежнему плескалось море, полное чистой воды и крупной рыбы; над морем голубым бесконечным шатром раскинулось небо – какая такая могла найтись в мире сила, способная погубить это плодородное побережье, это золотое солнце, щедро светившее над ними из года в год, из века в век – тысячи и тысячи дней подряд! И только через много лет, после этого чудного вечера с костром на морском берегу, с жирной осетриной на вертеле Насыр будет вынужден сделать горький вывод: «Нет на свете существа более жестокого, более безжалостного, чем человек!»

– Это не преувеличение, Егор Михайлович, не метафора, – продолжал профессор. – Спроси ка у Насыра, он многое повидал в жизни. Самым страшным днем он считает день, когда увидел, что такое наши «катушки». Что в сравнении с теми невинными «катушками» нынешняя техника! Пожалуй, только Хиросима и Нагасаки дают приблизительно представление о ее разрушительной мощи. Если мы гуманны, если мы зовемся на земле людьми, мы должны беречь равновесие в природе по мере того, как возрастает наша мощь. Взял у природы – позаботься вернуть. Все остальное равносильно самоубийству. И мы, ученые, лучше всех должны это понимать.

– Каракумский канал спроектирован бездумно – лишь бы отрапортовать: построили! Лишь бы отрапортовать – есть хлопок и рис, есть миллион тонн!

– Как вы такое говорите! – почти что шепотом воскликнул Шараев, инстинктивно оглядываясь.

– Здесь нет людей, которые бы занимались доносительством! И вообще, мне нечего бояться. Пора освобождаться от страха – мы не рабы... Не спорю – стране нужны и хлеб, и хлопок, и рис. Но прежде чем вырастить хлеб, рис, хлопок – надо вырастить ученых и хозяйственников, ответственных за ту землю, на которой они хотят вырастить это. Вот за что болит моя душа! Если не мы, то кто должен предвидеть будущее? Какие же мы ученые, если у нас есть одна извилина, чтобы думать о приросте хлопка и риса, а второй извилины – подумать о сотнях, тысячах людей, которыми жертвуем мы ради этого самого прироста, – нету! Ведь мы всех этих людей практически превратим в беженцев. Не нужна нам такая мелиорация – и социализм, в конечном итоге, такой не нужен! Наука должна быть гуманной, в первую очередь ей следует думать о человеке. И грош ей цена, если она забывает о нем. Сейчас же она – в подчинении у ведомств...

– Риск, говорят, благородное дело, – возразил Шараев, пропустив мимо ушей слово «социализм», но Славиков его тут же перебил:

– Оставим этот разговор, Егор Михайлович. Я уже сказал – это не полемика, а никчемные препирательства. Ты не хочешь спорить по существу. – Он оживился, взглянув на Акбалака. – Давайте лучше послушаем жырау. Акбалак ага, спойте нам, пожалуйста... – И он улыбнулся столь приветливо, что Акбалак без слов взял в руки домбру. Было ему тогда уже за пятьдесят, но это ничуть не отражалось на его голосе. Он ударил по струнам, и стало ясно, что жырау будет играть «Бурю».

Сначала домбра спокойными, размеренными звуками повествовала о солнечных бликах, поигрывающих на покойной, ласковой воде. Но недолго море оставалось тихим. Звуки домбры становились тревожнее, громче – это приближалась буря. Еще два три промежуточных аккорда – и вдруг все взрывается.

Скрытые туманом стонут волны – их бьет о каменные скалы, но они не теряют своей ярости – снова несутся, вздыбившись белыми, острыми хребтами, угрожая раздавить всякого, кто попадется им в пути.

Лишь Ата Балык и его верная подруга Ана Балык не боятся этих волн – их бросает вместе с волнами вверх и вниз: так резвились они, полные сил, не опечаленные завтрашним днем. Даже бурый сом не осмеливался в эту бурю выходить в море – он переждал ее в относительной тиши, в тени большого торчащего камня, который отчасти служил для него волнорезом. А вся остальная рыба, которая помельче, ушла на дно, зарылась в ил, песок. Долго бесновалось море, пела домбра, словно решило оно вдруг выплеснуться из берегов, обрести неведомую доселе свободу – и звуки домбры в этом месте тоже ширились, далеко разлетались от берегов, которые держали в плену могучую воду. Но не только про это хотел рассказать в своем известном кюе Акбалак – ничего бы не стоила домбра Акбалака, если бы не было в ее звуках сердца человека. А сердце человека в этом кюе билось восторженно, в унисон могучему разбушевавшемуся морю, рвущемуся к свободе, – разве не таков и сам человек? Разве и он не мечтает о такой свободе? И разве не так же прекрасен он, когда борется за нее? Шараев и видел и слышал домбру впервые и был поражен тем, как много может рассказать этот незатейливый инструмент в руках настоящего домбриста. Невольно он воскликнул, склонившись к уху Славикова: «Это же просто изумительно, Матвей Пантелеевич! Какая сильная, звучная пьеса! Теперь то я несколько не сомневаюсь, что не зря поехал с вами». Профессор молча кивнул. Акбалак, закончив кюй, неспешно отложил домбру и вытер пот со лба; потом обратился к Шараеву с вопросом: откуда он родом?

– Я москвич.

– Я спрашиваю: где твои корни? Из каких мест твои предки?

– Мои родители тоже были москвичами, – ответил Шараев.

Акбалак вздохнул:

– Невесело, наверно, жить в каменном городе, Екор? Ну а песни ты знаешь какиенибудь?

– Лучше наших народных, русских песен мне ничего еще не приходилось слышать. Но я хочу сказать как человек с некоторым музыкальным образованием, что ваша домбра – это чудеснейший, оказывается, инструмент...

– Я рад, что тебе понравился мой кюй, – оживленно ответил Акбалак. – Но хотелось бы услышать, как ты поешь. Давайте забудем спор, а ты, Екор, спой нам...

Работая над проектом, Шараев много поездил по Средней Азии, но не сходил близко с местными жителями. Среди казахов в таком теплом дружеском кругу он был впервые, и сейчас, пожалуй, жалел, что этого не случилось прежде. Ему нравились и Насыр, и Акбалак, и все время молчащий Откельды – могучий, бритоголовый.

– Мустафа, давай ка нашу любимую, – промолвил Насыр и, откашлявшись, протяжно запел:

Черный ворон, черный ворон,

Что ты вьешься надо мной?

Ты добычи не добьешься,

Черный ворон, я не твой!

Насыру стал подпевать Славиков, скоро и домбра Акбалака включилась в песню.

Полети в мою сторонку,
Скажи маменьке моей,
Ты скажи моей любезной,
Что за родину я пал.

Потом и Акбалак стал подпевать. Сильный, звучный, почти что профессиональный голос жырау окрасил песню величавостью, плавностью. «Да ведь они все здесь чертовски талантливы! – размышлял Шараев. – Вот что значит жизнь у моря: на воле, рядом со стихией». И он тоже стал подтягивать:

Калена стрела венчала.
Среди битвы роковой.
Вижу, смерть моя приходит,
Черный ворон, весь я твой!

– Не хочешь, а заставят петь, правда? – Славиков похлопал Шараева по плечу и довольно рассмеялся.

Печальная, раздумчивая песня летела по темному небу, над тишьи пустыни, над волнами – спокойными, серебристыми от света луны, давно взошедшей, над перевернутыми лодками. Время от времени слышался храп привязанных лошадей, лай собак из аула, мелкие звуки плещущейся рыбы.

Привлеченная красивой, протяжной песней к берегу двигалась Ата Балык. Она двигалась небыстро. Вот нашла узкую полоску песка и, высунув голову, стала слушать. Не вовсе безопасным это было удивление. Как то у Акеспе она вот так же безмятежно заслушалась – и чуть было не пришлось вступить в схватку с бурым сомом. Хорошо, с берега закричал мальчик, увидев сома. Ата Балык вздохнула и поплыла в море.

Тем временем с берега уже полилась другая песня – ровная, бархатная. Ее пели Акбалак, Насыр и Откельды. А огромный бурый сом как раз в это время приближался к берегу – его влекла сумасшедшая Кызбала, которая бродила по берегу со своим старым, уже немощным псом. Ничего не знала она о приезде гостей, не было ей дела до них даже сейчас – до костра, до песен. Она жила своей особой жизнью, ничто не касалось ее темного сознания. Впрочем, иногда она подсаживалась к женщинам, собравшимся посудачить, но никто из них никогда с ней не заговаривал – молча она пила чай и уходила не попрощавшись, так же как и появлялась – никого не приветствуя. Целые дни Кызбала проводила на морском берегу – в горькой печали, в ожидании утонувшего сына.

Сейчас она как обычно шла по берегу. Собака невдалеке бежала за ней. Вдруг собака жалобно заскулила. Кызбала обернулась. Сом, открыв огромную пасть, вместе со струей воздуха всасывал бедную тварь, которая упиралась всеми четырьмя лапами в песок. Произошло это почти мгновенно – собака исчезла в рыбьей пасти. Кызбала сердито замахала руками, закричала:

– У, проклятый! Подкараулил, да? Чтоб ты сдох, слышишь? Чтоб ты сдох! – И она пошла дальше.

Назавтра московских гостей ожидало увлекательнейшее зрелище – состязание скакунов. По получении телеграммы Насыр и другие аксакалы решили отложить это празднество до приезда гостей. Ранним утром молодые джигиты тихим ходом отправились к кону – оттуда они должны были промчаться во весь опор до подножия Караадыр. Тем временем же в Караое началось веселье, шумной толпой люди стали стекаться к месту, где начались конные игры: байга, кокпар, тенге алу. Чуть поодаль крепкая молодежь начала состязаться в силе, на солнце мелькали потные, смуглые спины. Шараев, Славиков и Насыр снова слушали Акбалака.

Я не слезу с коня, что в скачке скор,
На верблюда навьючу я свой шатер.
Для свободы я вырос, как дикий кулан,
Чтоб пастись, мне нужен степной простор.
Я тростник у реки, где пески легли,
Я стеблем своим не коснусь земли,
Я как тополь, что вырос среди песков,
Даже ветры согнуть меня не смогли.
Я как сук, устоявший и в бурелом,
Хоть руби, не расстанусь я со стволом.
Грудь в железе моя, лицо – булат,
Бей о камни, а я не склонюсь челом.

Когда он пел свою очередную песню, его стали обступать девушки в длинных платьях с пышными оборками понизу и джигиты в праздничных одеждах.

– А молодежь слушает песни Акбалака? – поинтересовался Шараев. – Или они поют лучше?

«В самом деле – поют они песни Акбалака или нет? Или у них свои песни, соответствующие времени?» – подумал Славиков. Сколько он ни приезжал сюда, ему как то не доводилось слушать, как поет молодежь. – Неужто и здесь те же проблемы: у старших своя жизнь, а на подрастающее поколение, увы, не хватает времени? А ведь есть казахам, что передать своим детям, есть! К примеру, знаменитое казахское гостеприимство, которое глубоко запало в душу профессору. Любую твою просьбу казах исполнит с охотой, как будто у него совершенно нет никаких своих дел. Хорошо у них и с почитанием старших: младшие не смеют ослушаться людей поживших, людей с большим жизненным опытом. Да, казахам необходимо осознать особенность своего духовного, морального уклада и ни в коем случае не терять ее, а приумножать, беречь – тогда они могут быть спокойны за свое будущее. Самосохранение нации – это ведь реальная проблема, а не досужий вымысел в наше беспокойное время, когда одна за другой нации, втянутые в процессы урбанизации, в гонку научно технического прогресса, превращаются из наций в омассовленные общества...

Вот какие размышления повлек за собой вопрос Шараева. Акбалак, выходя из круга молодежи, тронул задумавшегося профессора за рукав. Славиков поднял голову и приветливо улыбнулся. Между тем джигиты и девушки запели – Славиков и Шараев стали слушать.

– Вот тебе и ответ на твой вопрос! – воскликнул, наконец, Славиков. – Ты слышал, сколько в их песнях задора и нормальной беспечности!

– А в песнях Акбалака больше печали и дерзости... – промолвил Шараев после молчания. – Не буду скрывать – они мне нравятся больше, хотя я человек еще не старый вроде.

– Но не это главное! – воскликнул профессор. – Главное, что казахи – это великолепный народ! Тихие, трудолюбивые, бескорыстные – всегда делятся последним с тем, кто нуждается. Умеют они и веселиться – крепко, от души! Что мы сейчас и наблюдаем.

А посмотреть было на что.

В байге, тенге алу и куресе джигиты из близлежащих скотоводческих аулов опередили рыбаков. Рыбаки поначалу не очень огорчились. Но когда и в кыз куу они проиграли, то веселья в них поубавилось. Тогда они принялись ждать главного состязания – скачек. Славиков не без иронии заметил:

– Насыр курдас, что же произошло с рыбаками? Все призы достались соседям: палуаны у них, стало быть, ловчее?

– Е, Мустафа, ты ведь знаешь, как бывает, капризна удача. – Вдруг печаль нашла на его лицо. – Самых храбрых наших джигитов сожрала война...

Профессору стало неловко: не обидел ли он друга неуместной шуткой?

– Подожди огорчаться, Насыр. Главный приз будет у нас – вороной Мусы в наилучшей форме.

Насыр вмиг повеселел, словно ребенок:

– Е, так оно и будет!

Тем временем шумные толпы людей повалили к Караадыру. Вдалеке показались скачущие лошади. Пыль, поднимаясь из под их копыт, зависала в воздухе не рассеиваясь. Пока люди взбирались и удобно располагались на холме, всадники стали приближаться к коню. Впереди летел вороной Мусы. Стрелой он пересек между коня; к своему любимцу уже бежал Муса.

– Вороной первый! Вороной первый! – зашумели на холме рыбаки и потянулись к Мусе, который время от времени трогал свою соломенную шляпу кнутом, гордо поглядывая на людей, потом подошел к седоку и одобрительно похлопал того по плечу:

– Как жеребец?

Подросли и Славиков с Шараевым:

– Муса, ей богу, ты просто непобедим!

– Это еще не скачки! – громко ответил Муса, искоса поглядывая на Шараева. – Вот, помню, в прошлом году республиканские. Там трудно нам пришлось, это точно. И все равно – первый!

Народ потянулся к морю – спрело время лодочных состязаний. Эти увлекательные гонки тянули к себе всех – и старых, и молодых рыбаков. А придуманы они были сразу после войны рыбаком Камбаром с Жайика.

– Егор Михайлович, не хочешь попробовать? – предложил Славиков Шараеву. – Ты да Болат – вот тебе и сборная московских ученых. – Славиков рассмеялся. – А приз пополам, а!

– Идет! – легко согласился Шараев. – Уважаю активный отдых!

Они с Болатом разделись, остались в одних плавках.

– Подожди, – вспомнил профессор про Болату. – У тебя же спортивный разряд? Боюсь, что это будет несправедливо.

– Тут разрядом вряд ли возьмешь, – вмешался Игорь. – тут нужно другое...

Славиков махнул рукой:

– В самом деле, разряд тут ни при чем... Только поторопитесь – вам надо выбрать лодку полегче.

Слышавший весь этот разговор молодой рыбак из Караоя Жарасбай поспешил к Насыру:

– Насыр ага, нам надо быть осторожнее... У этого Болата, оказывается, разряд!

Насыр озорно прищурился:

– Чего ты испугался? Он привык к легким лодчонкам, к небольшим расстояниям, к гладкой, стоячей городской воде. А тут, во первых, лодки во много раз тяжелее, во вторых, расстояние три километра и, самое главное, – морская вода очень, между прочим, коварная. Так что не суетись попусту – у нас много преимуществ.

– Они, наверно, сразу вперед рванут, – стал гадать Жарасбай.

Насыр удивился его наивности:

– С чего ты взял? Настоящий спортсмен сначала будет приглядываться к сопернику – это первейшая тактика. Я вот что предлагаю. Минут через десять после начала, когда им покажется, что они уже изучили нас, вам с Бекназаром надо резко, с ходу вырваться вперед. Они бросятся вас догонять, ваша задача – измотать их. Чередуйтесь с Бекназаром – сначала один жмет, другой отдыхает, потом – наоборот. Ясна задача?

К месту старта лодки двигались размеренно, спокойно. Шараев и Болат шли бок о бок. Болат сказал негромко:

– Егор Михайлович, нам надо вместе держаться. Постарайтесь не отставать от меня.

– Хорошо задумано.

– Они будут навязывать нам свой темп. Нам надо как ни в чем не бывало этот темп выдержать. А на самом финише мы сделаем мощный рывок...

– И дело в шляпе? – засмеялся Шараев. – Хотя и тяжелые у них лодки, но даже женщины на воде управляют ими легко, словно игрушечными. Трудно поверить, что слабый пол на такое способен...

Подплыли к назначенному месту. Насыр громко гикнул, и гонки начались. Сначала шли кучно, потом лодки стали растягиваться. Насыр оказался прав: гости не рвались вперед, а приглядывались, осторожничали – шли в середине. Тогда Жарасбай, призывно крикнув, энергично налег на весла. Его длинноносая лодка заскользила по воде легко, как скорлупа. Он быстро удалялся от соревнующихся. Невдалеке пронзительно засвистал Бекназар. Он бросился догонять Жарасбая – казалось, что между ними завязалась борьба.

– Нажмем? – предложил Шараев. – Уйдут.

Болат согласно кивнул и быстрее заработал веслами.

– Хорошо гребет! – восхитился Насыр Болатом. – Бекназар, догоняй Жарасбая – чаще меняйтесь, и им не будет передыху!

В несколько широких, глубоких взмахов Бекназар нагнал Жарасбая – Жарасбай уступил.

– Интересно, кто придет первым? – спросил Игорь, обернувшись к Саяту и Кахарману.

– Может, пари? – Славиков оживился.

– Не стоит, – под дружный смех сказал Кахарман. – Первым все равно придет отец...

Откельды и Муса были того же мнения:

– Одолеть Насыра невозможно.

– Его жизненной хватке может любой позавидовать. Помню, в годы войны он вернулся с фронта – живой урод! Комиссовали – плечо безнадежно было повреждено – не боец! Как он взялся за себя, видели бы! Год тренировал руку, плечо и добился своего – снова взяли на фронт.

– Я ничего не знаю об этой истории, – удивился Славиков. – Завидной скромности человек.

– Много чего он повидал, – покачал головой Акбалак. – Мы даже похоронку на него получили. – Акбалак лукаво улыбнулся. – Вернулся живой. А с плечом ему тогда здорово помог Откельды.

– Не знаю, кто больше помог ему, я или его сильная воля, – сказал Откельды.

– Да, – откликнулся Славиков. – Говорю же, завидной скромности наш Насыр, совершенно ведь не любит говорить о себе... Ползуясь случаем, друзья, хочу поблагодарить вас всех и за это празднество, и за приятный вчерашний вечер – огромное спасибо!

– О чем ты говоришь, Мустафа! Это мы тебя должны благодарить: когда б нам еще удалось оторваться от дел, немножко развеяться? Скажи лучше вот что – кто этот Екор? Он твой начальник?

Профессор понимающе улыбнулся:

– Его ученая степень ниже моей. Но в его руках власть – то есть от него многое зависит. Вообще человек он неплохой... Но об этом поговорим после. Я хочу задать Откельды вопрос. Скажи нам – куда движется наше общество? Что предсказывают звезды?

– Мустафа, ты ведь сам ученый! Это мы должны спрашивать тебя!

– Я – это я, а скажи, что ты думаешь.

– Говори, Откельды, не бойся, – подбодрил друга Акбалак и пояснил: – Мустафа, ты его должен понять. Не так давно приезжали из области люди. Запретили ему лечить людей и предсказывать. Заставили заплатить штраф пятьсот рублей, угрожали тюрьмой – если не прекратит...

Славиков опешил:

– Тупицы! – Он дружески посмотрел на знахаря: – Нельзя вам терять этот божественный дар, аксакал, его обязательно надо передать детям. Вот она, жизнь в стране дураков: и сами не умеем, и другим лечить не даем – лучше в тюрьму посадим, а не дадим!

– Вот и ответил ты на свой вопрос, – промолвил Откельды. – Какие люди – такое и общество. А куда оно катится, сообрази теперь сам.

...Состязания были в самом разгаре. Стоило Болату или Шараеву сравняться с лодкой Жарасбая, как их с гиком нагонял Бекназар и мгновенно вырывался вперед. Гости снова налегли на весла. Как только они настигали Бекназара, вперед вырывался Жарасбай. Вскоре силы гостей были на пределе, гости уже сами были не рады, что принялись состязаться: и лодка, и весла казались им теперь неподъемными. Было ясно, что рыбаки победят их. Но самое неожиданное произошло на финише. Когда лодки все разом рванули вперед, первым вдруг оказался Насыр. Он греб быстро, легко и первым спрыгнул на прибрежный песок. И уже за ним были Жарасбай и Бекназар. Болат и Шараев вышли на берег одними из последних. Насыр подошел к ним и стал утешать:

– Все это не в счет, джигиты: у нас, рыбаков, оказались свои хитрости. Но вы тоже молодцы: не сошли с пути, держались до конца...

К вечеру гости стали разъезжаться по своим аулам на лошадях, на лодках – всех ждали заботы завтрашнего дня. Ученым тоже было пора, и Славиков обратился к Насыру с такими словами:

– Спасибо тебе еще раз за праздник; особенно он запомнится Егору Михайловичу – в первый раз он видел все это...

Шараев кивнул, молча протянул руку Насыру и улыбнулся.

Двадцать дней колесили они по побережью. Игорь, Кахарман и Саят путешествовали вместе с ними, охотно исполняли поручения ученых – и вообще оказались толковыми, расторопными помощниками. Дальше Шараев планировал отправиться в Туркмению, к академику Бараеву, но случилось непредвиденное – за пару дней до этого перевернулся катер и ученому раздробило голень. На ночь глядя не было смысла, да и невозможно было, везти его в областной центр. Зато ночью на остров привезли Откельды, однако Шараев наотрез отказался от помощи лекаря. Шараев настаивал на том, чтобы его отвезли в город сделать рентгеновский снимок. Наутро небо вновь посуровело, море неистовствовало – надежды на благополучный путь не было никакой. Ночь Шараев провел в муках, день тоже, погода не налаживалась, и лишь тогда он согласился принять помощь Откельды.

Ощупав голень, лекарь сказал:

– Нужно вправить немедленно, промедление обернется тем, что парень всю жизнь потом хромать будет.

Шараев решился. Мягко, едва касаясь пальцами выбитой кости, лекарь вправил ее и наложил тугую повязку. Ночь Шараев спал хорошо. Утром Славиков столкнулся с Откельды у палатки больного.

– Как он?

Откельды отвел профессора в сторону.

– Не будем мешать его сну. Пошло неплохо. Дней через десять будет скакать как молодой козлик.

К обеду Шараев проснулся. Боли в ноге практически не было, но он боялся в это поверить. К нему вошел Откельды.

– Ну как, Екор?

– Совсем неплохо.

– Будет еще лучше, если будешь меня слушаться.

– Буду, а то как же! – заверил его Шараев. Теперь он знал, чувствовал, что Откельды поднимет его на ноги. – Об одном жалею: придется отложить поездку в Америку...

– В Америку? А что тебе там делать, Екор?

– В Америке то? Да все то же. Там у них появилось два обезвоженных озера. Они пригласили и наших советских ученых... Ответь мне, Откельды: когда я начну ходить? – Он тоскливо смотрел на лекаря. – Только два месяца есть у меня в запасе.

– Два месяца?! Екор, тогда не беспокойся за Америку. Поедешь.

Ровно через десять дней Шараев уже сидел в самолете, присланный туркменской Академией наук. Прощаясь, Славиков спросил коллегу:

– Ну как тебе все эти так называемые простые люди?

– Это чудесные люди, Матвей Пантелеевич, вы оказались совершенно правы, – ответил Шараев. И замолчал.

Вскоре Славиков получил от него телеграмму: «Завтра лечу, Нью Йорк. настроение бодрое. нога порядке. танцую. поклон степному кудеснику-лекарю. Шараев».

– Ах, Егор Михайлович, Егор Михайлович, – невесело вздохнул Славиков, и рука его невольно опустилась, он забарабанил пальцами.

После отъезда Шараева жизнь на острове, где была расположена лаборатория потекла своим чередом – Славиков вновь увлекся работой, и ребята помогали ему.

Однажды они на своем быстром катере нагнали возвращавшуюся бригаду Насыра.

– Насыр, ребята соскучились по домашней еде, жди нас сегодня в гости! – крикнул профессор. Сам он был, загорел, бодр, и мальчики выглядели заметно подтянувшимися за лето.

Отужинали, неторопливо пили чай, и Славиков обратился к хозяйке:

– Хороший у тебя сын, Корлан. Понятливый, сообразительный – ему прямая дорога в университет. Задумал я воспитать из него хорошего ученого – чем он не пара моему Игорю? Так что пусть поступает. И Саята хотел бы я видеть студентом – может, тоже придет?

– Хорошо бы, – вздохнула Корлан.

– Значит, следующим летом тебя, Мустафа, не ждать? – спросил Насыр.

– Почему же? – удивился профессор. – Ты думаешь, я буду за них хлопотать? Уволь. Они сами, как говорится, с усами.

– Да мы сами поступим! – слегка покраснел Кахарман.

– Конечно, своими силами, – включился в разговор Игорь. – Только Кахарману с Саятом незачем поступать в университет. Они Одессу выбрали – будут учиться на морских инженеров. А вот если бы... – Игорь запнулся и посмотрел на Насыра. – Если бы так сделать – пусть Кахарман сразу после школьных экзаменов приезжает ко мне в Москву. Вместе будем готовиться...

– Как же можно готовиться к экзаменам в Москве! – возразил Славиков. – Лучше ты приезжай сюда на лето – здесь воздух, здесь море – это куда лучше, чем торчать в душной Москве.

Так и порешили. А когда Славиков с Насыром остались наедине, профессор сказал, радуясь за ребят:

– Хорошие у нас с тобой дети, Насыр. Самостоятельные, волевые – это незаменимые качества.

Насыр скрутил сигарку и обратился к профессору с вопросом:

– Мустафа, ты – большой ученый: много знаешь, пишешь книги. Ты единственный профессор, которого я видел за всю свою жизнь. Но меня удивило вот что – твои отношения с Екором какие то осторожные, непонятные...

Славиков понимающе кивнул головой:

– Удивило, говоришь... А причина вот такая, Насыр. Таких людей, как Шараев, нужно больше – как можно больше – подвергать хорошему влиянию. Надо стараться разбудить в них человеческое, все то хорошее, что может быть заключено в них, понимаешь? Егор – единственный ребенок в семье высокопоставленных родителей. Высокопоставленных! И – единственный! То есть ты понимаешь, какое существо могло бы сформироваться в такой семье?! Но Егор далеко не глуп, рассудительный – он может взять на себя ответственность. Это все, что необхо-

димо ученому. Собственно, тот факт, что он работает в лаборатории знаменитого Крымарева, говорит о многом, хотя, конечно, Крымарев вряд ли взял его к себе, будь он, например, ну... моим сыном. Он – один из авторов проекта Каракумского канала, который строится сейчас согласно декрету об орошении голодной степи. Задача ставится такая: возвести плотины на двух Дарьях и напоить этой водой хлопковые и рисовые поля Узбекистана. По варварству, по бесчеловечности это самый позорный, глупый и вредный план социалистического планирования, я так считаю.

– Да! Ведь море останется без пресной воды, – воскликнул Насыр. – Вся рыба задохнется: неужели никто этого не понимает?

– Потому я и пригласил Шараяева сюда. Пусть своими глазами видит все, пусть запомнит и поймет здешних людей. Поймет, что для них значит море, что для них значит рыба! Может быть, задумается тогда о том, что они там у себя делают...

– Ты так полагаешь?

– Как знать, Насыр, как знать... Во всяком случае, это хоть какая то попытка с моей стороны вразумить парня. Что касается Каракумского канала, то я, может быть, непротив строительства в принципе – скажем, в идеале. Но я просто знаю, чем эта идея обернется в реальности: вода будет бесхозная, очень скоро вокруг канала образуются болота, солончаки. Чтобы вытравить солончаки, нужно будет множество пресной речной воды, нужно будет долго промывать их...

– Откуда же возьмутся солончаки? – не понял Насыр.

– Откуда? Весной талая вода начнет разливаться, заталивать степь, а это в свою очередь будет способствовать поднятию уровня грунтовых вод.

– Значит, земля находится между двумя водами? Значит, правда получается, что земля держится на трех китах? – спросила Корлан.

– Да, примерно так, приблизительно, конечно. – Профессор сел поудобнее, заговорил обстоятельно. – Шумеры, древний народ, населявший Евфрат и Тигр, придумали свои способы использования подземных вод – они поливали подземными водами поля, они первыми использовали их в лечебных целях. В городе, который назывался Вавилоном, четыре тысячи лет назад была написана книга «Сотворение мира». В этой книге раньше, чем в нашей Библии и в вашем Коране, Насыр, было написано о конце света, о всемирном потопе, о богах водного царства. То есть я к тому это говорю, что люди издревле представляли себе наличие на земле не только зримой воды, но и той, что была скрыта от глаза.

После античных ученых много трудов о подземных водах было написано учеными Востока. До нас дошли работы хорезмского ученого Бируни и персидского Каради. В свою очередь их открытия использовал в своих трудах Ломоносов. А один французский аббат даже написал книгу о том, как следует отыскивать подземные воды. Это была великолепная книга! Многие колодцы того времени были вырыты людьми, которые руководствовались именно этой книгой.

– Да да! – воскликнул Насыр. – Умение отыскать в пустыне воду считается большим искусством. В наших краях имелось немало людей, которые были знамениты тем, что ведали, где есть вода, а где ее нету. Отца нашего Мусы и узбеки, и каракалпаки, и туркмены выпрашивали у нас для того, чтобы тот указал, в каких местах надо рыть колодцы.

– Точно, – поддержала Насыра Корлан. – Хороший он был человек. Смерть у него оказалась нелепая. Нечаянно свалился в колодец...

– Погиб в колодце? – переспросил Славиков и задумался. Насыр тоже замолчал, вспомнив Тектыгула, отца Мусы. Потом взял домбру и принялся негромко наигрывать его кюй. Этот кюй назывался «Искатель». Тяжелы шаги одинокого путника в барханах: солнце не знает к нему пощады. С тихим шелестом сыплется песок. Безрадостно смотрит на него путник. Вдруг до его слуха доходит слабое журчание ручейка. Вода! Вода! Здравствуй, ласковая, прохладная вода! В ушах путника даже слабая родниковая капля звучит как мощный гул моря – так ты желанна в пустыне, вода!

Так, собственно, и был задуман этот кюй – как гимн воде, который слагает ей истомленный зноем пустынный путник. Гимн мощный – соответствующий горным, блистающим водопадам, и гимн тихий, почти что интимный – тонкому извилистому ручейку, возможно, одному из тех, что часто сочатся по стенам прохладных колодцев.

– Тектыгул прожил жизнь бобылем, – продолжала вспоминать Корлан. – Всю жизнь искал воду – прошел пешком от Памира до самого Алатау. А вот добра не накопил...

– Как же он оказался отцом Мусы, если никогда не был женат?

– Муса – сын старшей сестры Тектыгула, – ответил Насыр. – Тектыгул взял его на воспитание к себе, вырастил джигитом. Но по стопам отца Муса не пошел. Он умеет, конечно, искать воду, но всю свою жизнь он отдал скакунам и охоте. – Насыр лукаво улыбнулся. – Сам уже, считай, превратился в скакуна: где только не побывал, отыскивая породистых лошадей!

– Только в последние годы довелось Тектыгулу пожить оседло. Остановился он здесь, в Караое, когда состарился, когда ноги ослабли... Ну что, будем укладываться спать? – Корлан поднялась и стала убирать со стола.

– Да, пожалуй, – согласился профессор.

Насыр провожал ребят и профессора к катеру. Мысли о давешнем разговоре, видимо, обоим им не давали покоя. Поэтому как бы в продолжение Славиков снова заговорил о том же:

– Неправильно пользоваться водными ресурсами – это просто преступление! Человек ведь в таком случае в первую очередь вредит даже не природе, а себе самому! Понимаешь, Насыр, еще Ленин предупреждал нас, что социализм – не только экономика! А мы забываем его слова. Мы любим его цитировать, и к месту, и не к месту. Но урывками – каждый для своей пользы. Да ведь мы зачастую просто спекулируем его словами, разве не так? И этим губим людские души. Нет, не доросли мы еще до Ленина – не то что до его заветов, даже до полного, смелого цитирования не доросли! Мы выиграли войну, но боюсь, что проиграем битву за человека. Завтра спохватимся, когда все загубим, да поздно будет...

– Папа, оставь это, – Игорь придержал отца за рукав. – Мама же просила тебя выбирать выражения.

– Здесь нет доносчиков, не волнуйся. – Славиков криво улыбнулся. – Да и чего мне теперь бояться? Я так долго сидел, что, наверное, надоел своим тюремщикам хуже горькой редьки. – Он снова вернулся к своей мысли: – Было время, когда Ленин телеграфировал рыбакам Синеморья: помогите Поволжью. И я боюсь, что очень скоро здесь будет хуже, чем тогда в Поволжье. А самое главное – неоткуда будет ждать помощи! Никого не волнует его судьба!

– Эх, Мустафа... Слушаю я тебя и думаю: зачем таких умных людей не отправляют за границу, чтоб они правду про нас сказали? Лучше бы ты поехал вместо Екора...

– Да уж нет! – раздраженно ответил Славиков. – Американцы – люди неглупые, сами разберутся, что к чему. Там слова о руководящей роли партии в деле мелиорации вряд ли будут к месту. А вот здесь болтуны и демагоги изрядно могут напортчить – так что я нужнее здесь. Да и нельзя мне ни в какую Америку уважаемый Насыр. У таких, как Егор, анкеты правильные, чистые, это и есть их правда! А в моей жизни знаешь сколько раз корявой рукой расписалась?..

Проводив гостей, Насыр сидел на берегу, погрузившись в глубокую задумчивость. Он почувствовал дыхание приближающейся беды сразу же после отъезда Шараева. Была она еще не близко, эта беда, как бывает поначалу далек клочок сизого облака над морем, когда приближается буря. Но проходит час, другой, и вот уже все небо Коктениза – Синеморья – затянуто черным. И до того страшного мгновения, когда с неба хлынет шквал воды, когда взметнется гигантская волна, когда закрутит воду смерч, сплетая ее в огромные канаты, – остаются всего лишь секунды... томительные... долгие... секунды.

И вздрогнул Насыр от скверного предчувствия.

– А вон и машина показалась! – Саят хлопнул крышкой капота и негромко окликнул друга: – Кахарман, слышишь?

Не защищая лица от сухого, обжигающего ветра, Кахарман стоял на вершине Караадыра. Машина, в которую он посадил Айтуган, была уже близко.

– Саят, – сказал Кахарман, – мы с тобой понимаем друг друга без слов. Я уезжаю, ничего не утаив от тебя. Все остальное ты поймешь сам...

– Да, – отозвался Саят.

«Жигули» остановились, и Айтуган с детьми поднялись к Кахарману. Кахарман обнял ее, обнял сыновей и, повернувшись в сторону моря, сказал:

– Дети, там – земля наших предков, там – наша родина, там – Синеморье. И куда бы вас потом ни занесла судьба, не забывайте о родной земле. Ибо родиной жив человек... – Он сглотнул комок в горле. – Возьмите по горсточке этой земли, пусть она всегда будет с вами...

Айтуган и дети развернули платочки, каждый взял немного сухого, горячего песка. Родная земля!

Никому Кахарман не сказал, куда он едет. Оставив провожающих у накрытого дастархана, он сходил в кассу, купил билеты и возвратился к столу, так ничего и не объяснив.

Поезд тронулся, Кахарман переоделся в спортивные брюки и вышел из купе. За ним, уложив детей, вышла Айтуган. За окном было темно, за окном были безмолвные пески.

– Ты знаешь, куда мы едем? – спросил Кахарман.

– Какая разница, – вздохнула Айтуган. – Никогда я не противилась твоей воле. Мне нужно одно – чтобы ты был жив и здоров... – Она положила голову ему на плечо. – Ты все решаешь сам, а я с детьми следую за тобой по жизни. Я верю тебе.

– Я знал, что ты поймешь меня. – Он погладил ее плечи. – Мы едем в Алма Ату. Вы там поживете какое то время, а я поезжу, поищу работу. Сейчас для меня

главное – подалеже уехать отсюда. Это тоже тяжело, но это легче, чем видеть, как умирает море, чем слышать его предсмертные стоны... Я... – Задыхаясь от нахлынувших чувств, он расстегнул ворот рубахи. – Я не могу... Ступай, тебе пора отдохнуть. Я побуду один...

Айтуган молча кивнула и ушла в купе. И только здесь она дала волю своим чувствам – уткнулась лицом в подушку и разрыдалась.

Позади оставалась родина.

Впереди их ждала неизвестность...

V

Больше месяца непрерывно лил ливень, не прекращаясь ни на один день. Казалось, растаяли снега Памира и Тянь Шаня, как молил о том Аллаха Насыр. Растаяли и понесли свои бурные воды к морю, сметая на своем пути бетонные плотины. Пять раз в день садился Насыр на коня и отправлялся к берегу, чтобы там вознести благодарение смиростивившимся небесам. Впрочем, теперь до моря можно было дойти и пешком даже самому престарелому аксакалу. Обширное побережье, рельефы бывших заливов и впадины небольших озер – все это пространство теперь было полно воды. Плескались, шумели рядом с Караем волны, играла, резвилась в них рыба: крупные белуги, сомы и даже осетры – откуда что взялось? В радость теперь было молиться Насыру – что и говорить.

А ведь поначалу, когда его выбрали муллой, с тяжелым сердцем приступил он к своим новым обязанностям, хотя и понимал, что не может быть жизни в ауле без муллы. Жизнь текла своим чередом: рождались дети, умирали старцы, случались и свадьбы. Поначалу не знал он ни одной молитвы наизусть, в которой Аллах благословлял бы людей на земные дела. Много времени проводили они с Корлан над молитвенником, над мудреными страницами Корана, чтобы понять и запомнить то, что требуется в служебном обиходе священнослужителю. Кроме того, Корлан стала неукоснительно требовать от Насыра: «Не пропускай время молитв – тебе это теперь нельзя. Если люди забывают Аллаха, то мулла должен помнить о нем ежеминутно!»

Хоть и не носил Насыр чалмы, а молиться стал, как то было положено. После отъезда Кахармана это стало его потребностью – частенько он разговаривал с Всвышним о сыне, частенько находил утешение в этих разговорах.

И вот теперь он своими молитвами добился небывалого. Милостью Аллаха озарилось побережье! Уже через полмесяца непрерывного ливня море разлилось, размахнулось шедрыми крыльями по всему побережью: вновь стали полниться тяжестью рыбацкие сети. А Насыр радостный ходил по Караю и каждому встречному говорил: «Вот она, сила молитвы! Перед вами снова море как много лет назад – выйдешь из дома, и оно плещется совсем рядом...» – «Благослови тебя Аллах, – отвечали ему люди. – Дай Бог, Насыр, счастья твоим детям». Вскоре старики зарезали барана и снова стали благодарить и Аллаха, и Насыра. К вечеру того же дня к дому потянулись люди с подношениями: кто вел овцу и привязывал ее к насыровскому забору, кто нес полтуши сайгака. А кто и драгоценности – золотые, серебряные кольца, браслеты, серьги. Во дворе расстелили белый платок – и все это складывалось прямо туда. Прибили и шест к крыше его дома – на шест повязали белую тряпицу. Это означало, по старому казахскому обычаю, что в доме живет святой человек.

Насыр, натягивая на ноги легкие чирики, был в недоумении: «Что там у нас во дворе творится? Зачем собрались люди?» – «Они вас ждут, дедушка...» – «И чего им нужно от меня?» – не понимал Насыр. Он переступил порог и ахнул, увидев и скот, привязанный к забору, и кучу добра посередине двора. «Ей, добрые люди, что здесь за базар? На какие еще страдания хотите вы обречь меня, когда я уже собрался в могилу?» – гневно выкрикнул он. Люди почтительно отвечали Насыру: «Это подношения, которые необходимо делать всякому мулле. Грех тебе отказываться от них...» Насыр вновь вскричал: «А я считаю, что больше греха возьму на душу, если не откажусь от них! Немедленно все забирайте назад! Вы подумали, как я после этого буду смотреть вам в глаза, глупые люди? – Он прошел в глубину двора, взял весла и приказал внуку: – Бериш, ну ка давай сюда Есена, да выйдем в море, пока не стемнело». Старцы почтительно расступились перед ним, и они с Беришем покинули двор.

– «Смотрите!» – крикнул вдруг Бериш, показывая рукой в сторону берега. По берегу мчался табун кобылиц. За ними стремительно летел огненно рыжий жеребец – длинногривый, длиннохвостый! Казалось, что рыжая спина жеребца огнем пылает в багровых лучах заката. «Красавец, ух и красавец! – воскликнул Есен. – Давненько они не показывались, Насыр ага: с тех самых пор, как увели у Мусы вороного!» Бериш привстал, бросив весла: «А я вижу его, вороного! Вон же он – смотрите!» Но Насыр занялся сетями. Бериш и Есен молча наблюдали за лошадьми, и Бериш вдруг снова воскликнул: «Дедушка, кажется, нашу сивую уводит». – «Где? Где?» – встрепенулся Насыр и тоже стал всматриваться, оставив сеть. В это самое мгновение раздался выстрел, к табуну поскакал какой то всадник. «Это же Муса!» – «Точно! – пробормотал Насыр и закричал, хотя Муса вряд ли мог услышать его на таком большом расстоянии: – Муса, напрямки! Отгоняй сивую в сторону! В сторону!» Огненный, заметив всадника, изменил направление, табун последовал за вожаком. Сивая стала отставать. Огненный, поняв, что у него отбивают желанную добычу, остановился, ударил копытами, призывно заржал и, угрожающе фыркая, стал приближаться к разлучнику. Снова грохнул выстрел из двустволки Мусы. Огненный поднялся на дыбы, постоял так и повернул назад, в сторону заходящего солнца, – увлекая за собой табун. «Молдэке, могу поздравить вас, – обрадованно сказал Есен, – Муса ага доблестно отбил вашу сивую». Насыр тут же стал наставлять внука: «С этим строптивым огненным шутки плохи. Нельзя выпускать кобылу со двора, и калитку надо запирает крепче». – «Говорят, что он увел кобылу прямо на глазах у Акбалака. Как же такое случилось?» – спросил Есен. Насыр усмехнулся: «Акбалак сам так рассказывал. Говорит, что все видел из окна. Кобыла была в путах, так огненный легко их сбил копытом. В жизни, говорит, он не встречал жеребца красивее и нахальнее. Я говорю Акбалаку: что же ты смотрел да смотрел – вышел бы да прогнал жеребца! Тот несколько раз прикусил ей холку, и та, как зачарованная, пошла за ним. Зрелище для Акбалака было волшебное! Его можно понять: только поэт может пожертвовать целую кобылу за несколько мгновений красоты ее похищения. Разве такое может случиться с простым человеком?»

Поставив сети, рыбаки стали возвращаться к берегу. Когда они вытаскивали лодку, мимо них прошла Кызбала, за ней шествовала коза с козленочком. Как правило, безумная всматривалась в лица возвращающихся рыбаков и при этом всегда что то невнятно бормотала. Но сегодня она не обратила на них особого внимания. Светлое бумазейное платье сидело на ней аккуратнее привычного,

волосы были взяты в тугой узел на затылке. «Даже Кызбала изменилась в эти радостные дни!» – воскликнул Насыр. «Между прочим, – заметил Есен, – дикие лошади от людей шарахаются, а вот Кызбалы они почему то не боятся».

Они уже подходили к аулу, когда увидели бегущую им навстречу Жаныл. «Что то с матерью случилось», – пробормотал Есен. Бериш взял у него весла, и Есен поспешил навстречу. «Апа! – крикнул он. – Что стряслось?» Жаныл ничего не ответила. Обняла сына, посмотрела ему в лицо, и вместе они торопливо направились к дому.

Бериш сел за стол, с жадностью принялся есть все, что старая Корлан выставила перед ним. Наконец она села напротив, подперла ладонями щеки и вздохнула: «Соскучился, наверно, по родителям?» – «По братишкам тоже», – добавил Бериш. «Теперь уж только к школе поедешь домой». – «Бабушка, а я узнал, что вы родом из Семипалатинска». Бериш прожевал и с интересом ждал, что ответит Корлан. «Да, из Семипалатинска. Только откуда же ты это знаешь?» – «Дедушка рассказывал». – «Вот уедешь ты осенью, а мы останемся довольны, если у вас там все будет хорошо. Помогай отцу – ты у нас совсем большой теперь. Тяжело ему там будет, в чужом то краю. Чужие – они и есть чужие, сыночек. Жалко, никого не осталось из моих родных там – все ж была бы помощь. Умерли все в голодный год. Одна я выжила...» – «Расскажите, бабушка!» – «Меня спас твой дед и его мать – пусть земля будет ей пухом...» – «Бабушка, а откуда он взялся, этот голод?» – «Откуда? – задумалась Корлан, поправляя платок на голове. – А откуда берутся все беды, как ты думаешь? Сам себе их создает человек. Казахи Сары Арки в те времена не занимались земледелием, жили тем, что растили скот. Пришла беда, которая называлась конфискацией. У народа весь этот скот забрали. Хлеба не было, скотины не стало – чем должны были люди жить? Стали они тогда подаваться в города – а в городах было не лучше. Много тогда людей не дошло до города, погибли в пути. Степь была полна мертвецов, страшный стоял смрад, что и говорить... – Корлан смотрела вдаль, перестав замечать Бериша, потом очнулась. – Да куда же наш дед запропастился? Куда его унесло?»

Телка Есена все еще была привязана к насыровскому забору. «Что же Есен ее не заберет? Ведь дедушка сказал ему...» – удивился Бериш. «Отвяжи животину да отведи к ним. Жаныл сейчас не до нее, наверно. Эта городская сноха бросила их и укатила обратно. Говорят, навсегда. Ох и бесстыжая! Да и на жениха ее нового любопытно посмотреть бы! Тоже, наверно, фрукт!» – «Это Сауле уехала?» – удивился Бериш. «Так ее звали Сауле? Значит, она. Дура, ой дура – да за Есеном жила бы как за каменной стеной! Совсем не те пошли нынче женщины: все жаловалась – воду ей, видите ли, тяжело коромыслом носить. Тоже мне, ханша! – Помогая отвязывать телку, бабушка стала наказывать Беришу: – Пусть Жаныл плюнет на все да не убивается – скажи, Корлан зовет ее, почаевничаем. А сам побудь с Есеном – парню нелегко, наверно».

Есена Бериш застал сидящим на пороге. Бериш отвязал веревку, отвел корову в сарай, а сам подсел к другу:

– Где мать?

– Зачем она тебе?

– Бабушка зовет ее пить чай...

– Хорошие у тебя дед с бабкой, сердечные... Апа! – крикнул он в открытые двери. – Корлан апа зовет тебя на чай...

Жаныл не ответила. Послышался детский плач, следом голос Жаныл: «Спи, маленький, спи...»

– И ребенка оставила? – опешил Бериш.

– А, ты уже в курсе, – проговорил Есен. – Телефонизирован наш аул что надо, беспроволочный телефон в действии... Жаныл вышла из дому с ребенком на руках:

– Ну и дрянь! Хоть бы от груди оторвала – потом уж! Нет – бросила, и все!

– Ничего, мать, мы его на верблюжьем молоке вскормим: богатырь у нас вырастет! – Он тронул сынишку за носик, мальчик запищал опять. Жаныл, укачав младенца, проговорила:

– Тебя то я не верблюжьим молоком вскармливала... В самом деле, пойду схожу к Корлан...

– Почему она сбежала?

– А ты думаешь, нормальному человеку здесь можно жить? Она городская – вода в квартире, сортир в квартире – чем не жизнь? В конце концов, я не корю ее, но уж очень это жестоко: бросить грудного. Впрочем, на что я надеялся: она уже не казашка, она – девушка без национальности, без души, без мозгов. Что оставалось ей: выбрать между теплым клозетом и ребенком – разумеется, клозет. И все они, наверно, такие...

Бериш вспомнил Айгуль – сердце его трепетно екнуло. Он не был согласен с Есеном даже сейчас, когда тому было тяжело, но молчал...

– А черт его знает вообще то! – сказал вдруг Есен. – Может, и к лучшему, что бросила. Говорят, что у наших женщин теперь и молоко отравлено...

– Быть не может! – воскликнул Бериш.

– Ты просто не знаешь фактов. В Шумгене умирает много грудных детей, врачи запрещают кормить малюток грудью. До чего мы здесь дожили, а? Матери – убийцы собственных детей! Да было такое когданибудь? Матушка моя носила малыша к соседке, но Куралай тоже отказалась кормить мальчика – у нее ведь недавно скончался, годовалый сын. Она говорит: отравился ее молоком...

Заговорил репродуктор в центре аула. Передавали последние известия.

АТАКА КИТОВ. НА ЮГО ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ АНГЛИИ ОДНА ЯХТА неожиданно была атакована китами. Местной береговой охране спасти удалось только одного спортсмена. По мнению специалистов, нападение стада китов на людей представляет собой один из редчайших случаев в мировой практике.

ЭПИДЕМИЯ СПИДА ДОСТИГАЕТ КРИЗИСНЫХ РАЗМЕРОВ среди молодежи, бедняков, женщин и многих национальных меньшинств. В течение ближайших четырех лет 200 тысяч человек в США погибнут от СПИДа. По данным официальной статистики с июня в США умерло от СПИД 66 493 человека.

ДОЖДЬ ГУБИТ ДЖУНГЛИ. КАЖДУЮ МИНУТУ площадь экваториальных лесов уменьшается на 50 гектаров. Гибель лесов стала происходить в результате выпадания кислотных дождей. Если процесс загрязнения не остановить, то в середине следующего столетия на Земле не останется тропических лесов.

ЧЕРЕПАХА С ДВУМЯ ГОЛОВАМИ. ЗА ЧЕРЕПАХУ потребовали огромную сумму – 10 000 долларов. **УГРОЗЫ БАРОНОВ НАРКОМАФИИ РАЗДАЮТСЯ НЕ** только в адрес официальных лиц Колумбии, но и в отношении представителей администрации США. Если Вашингтон не прекратит широкомасштабную

войну с наркобизнесом, то террористы грозят расправиться с родственниками президента Дж. Буша.

ВНОВЬ РВУТСЯ СНАРЯДЫ В КАБУЛЕ. ПО АФГАНСКОЙ столице было выпущено 20 реактивных снарядов. Экстремисты обстреляли населенные пункты. В обстреле принимали участие артиллерийские батареи 11 го армейского корпуса вооруженных сил Пакистана.

СКОНЧАЛСЯ Ф. МАРКОС – БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ Филиппин. Он проходил лечение в американской больнице в Гонолулу. Президент Филиппин К. Акино заявила, что правительство не дало разрешения захоронить на родине останки Ф. Маркоса.

В ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МОСГОРИСПОЛКОМА подведены итоги за год. Всего в городе зарегистрировано 20 тысяч преступлений. Участились крупные преступления в области экономики. За истекший год в Москве обезврежено 155 рэкетиров, 13 преступных групп, совершавших разбойные нападения на иностранцев в аэропорту Шереметьево.

В 14 ЧАСОВ 30 МИНУТ ПО МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ НА ПОЛИГОНЕ в районе Семипалатинска произведен подземный ядерный взрыв мощностью до 20 килотонн. Указанное испытание произведено в целях совершенствования военной техники.

СОВМЕСТНОЕ ЯДЕРНОЕ ИСПЫТАНИЕ ПРОВЕЛИ в пятницу утром на полигоне в штате Невада США и Англия. Мощность взрыва от 20 до 150 килотонн.

КАСПИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ. МОЩНЫЙ оползень внезапно обрушился на ряд зданий военного городка флотилии. Стихия в считанные секунды смела все препятствия, и под завалом оказались заживо погребенными 28 моряков.

СОСТОЯЛАСЬ АКЦИЯ ПРОТИВ СТРОИТЕЛЬСТВА Канала Волга – Чограй. «Не допустить нового экологического преступления» – таков был лейтмотив митингов, собраний, прошедших в разных городах.

С ПОМОЩЬЮ ЗАПУСКА СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОЗДУШНЫХ шаров с установками для производства озона надеется английская группа защитников окружающей среды восстановить озоновый слой над Антарктидой.

В САМОМ СЕРДЦЕ НЕПРОХОДИМОЙ АМАЗОНСКОЙ сельвы до сих пор живет около 50 индейских племен, никогда не видевших белого человека, утверждают бразильские ученые антропологи.

АМЕРИКАНСКИЙ КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ ВЕСОМ В 2250 килограммов, как предполагается, упадет на Землю в этом месяце.

СИЛЬНАЯ ЗАСУХА ПОРАЗИЛА ОБШИРНЫЕ РАЙОНЫ США. В некоторых штатах резко истощились запасы питьевой воды. В Лос Анжелесе и Сан Франциско введены жестокие ограничения на потребление воды.

ПЛОТНЫЕ ТУЧИ ВУЛКАНИЧЕСКОГО ПЕПЛА НАКРЫЛИ крупный японский город Кагосима на острове Кюсю, в районе которого даже днем царит сейчас полумрак. Уже более двух суток его усиленно «бомбардирует» расположенный в восьми километрах к юго западу вулкан Сакурадзима – один из самых активных на Дальнем Востоке.

БЕСПОРЯДКИ ПРОИЗОШЛИ ВЕЧЕРОМ В СТОЛИЦЕ Молдавии. 150–200 человек выкрикивали оскорбления и угрозы в адрес милиции, выставили антиправительственные лозунги и плакаты. Массовые беспорядки привели к тяжелым последствиям. Пострадали 83 сотрудника милиции, более 40 человек из числа

нападавших доставлены в медицинские учреждения, причинен серьезный ущерб зданию МВД.

ТРИ ДНЯ ПРОДОЛЖАЛСЯ МАРШ ПРОТЕСТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ общест-венности автономной республики против строительства Татарской атомной станции. Маршрут участников марша начался у стен Казанского университета, прошел через Набережные Челны и завершился на месте сооружения АЭС – в Камских Полянах.

«ТОЛЬКО НЕ В МОЕМ ШТАТЕ» – ТАК ОТРЕАГИРОВАЛ губернатор штата Айдахо Сесл Эндрас на заявление министра энергетики США Дж. Уоткинса о том, что он намерен адресовать властям семи американских штатов просьбу захоронить у себя отходы предприятия по производству ядерного топлива Роки Флэтс.

В ТЕЧЕНИЕ ДЕСЯТИ ДНЕЙ ЧЕТЫРЕ РАЗА ПРОИСХОДИЛИ выбросы сероводородосодержащего газа в атмосферу на Оренбургском газоперерабатывающем заводе. Результат – массовые отравления жителей близлежащих сел.

Не просто так остался Насыр на берегу моря. Обновленное, полноводное, оно призывало его к откровенному сердечному разговору. Между тем потянул бодрящий северный ветер – море пошло рябью.

«Что задумался, Насыр? Не печаль ли терзает тебя?» – спросило негромко море.

«Нет печали в моем сердце. Оно не уставало радоваться все эти дни, радуется и сейчас. Решил отдохнуть на твоём берегу: только что с ребятами поставили сети...»

«Будут они полны, Насыр, не беспокойся. Уж тебя то одарю я щедро. Ты вернул мне жизнь, вымолил у Аллаха. Мне того вовек не забыть. Хоть сейчас тащи и – они уже полны».

«Знаю о твоей щедрости, спасибо. Мы всю жизнь прожили на твоём берегу – никогда нам не забыть о твоей доброте; никогда мы не бросим тебя по своей воле. Как бы далеко ни унесло человека от тебя, все свои помыслы он направляет на то, чтобы вернуться. Я расскажу тебе одну древнюю историю, да ты и сам ведь помнишь времена гуннов...».

Море перебило Насыра: «А многие говорят, что это всего лишь легенда. Ты, я вижу, веришь в нее. Могу тебе поклясться – в этой легенде нет ни слова выдумки. Она вся – чистейшая правда! И я тому свидетель... Слушай!..

Персы завоевали мой народ, чтобы превратить его в рабов; угнали скот, пересекли Дарью и уже приближались к белоглавой горе, когда на моем берегу раненый, истекающий кровью джигит добрался до моей воды, омыл ею раны, надел на голову шлем, сел на огненного жеребца и поскакал вслед за вражеским войском. Знаешь ли, в том табуне диких лошадей, что прибежали сегодня ко мне, есть огненный жеребец с белой отметиной на лбу. Это знак особой древней породы. Таких огнегривых жеребцов нет нигде больше в целом мире.

Так вот, Насыр, именно на такого жеребца сел молодой джигит и поскакал вслед за вражеским войском. Он нагнал врагов и сказал им, что желает говорить с персидским царем. «Приведите его ко мне!» – приказал царь. И предстал перед ним красавец воин с орлиным лицом, крепкой грудью. И заговорил он с царем не подобострастно, а как равный с равным: «Царь, ты вероломно напал на миролюбивый народ, забрал сынов его в рабство. Что ж ты победитель. У меня к тебе

единственная просьба будь великодушен, как подобает победителю». Но не очень слушал сейчас воина царь, а с изумлением смотрел на огненного жеребца с белой отметиной на лбу. Тот нетерпеливо бил копытами, вставал на дыбы, но воин ловко держался на нем. «Хорош жеребец! – воскликнул царь. – Не хочешь ли ты подарить его мне?» Воин слез с коня, люди бросились к огненному и подвели его к царю. «Говори свое желание – оно будет исполнено!» – приказал царь. «У тебя в плену оказался мой лучший друг. Оставь ему жизнь, а взамен возьми у меня все что пожелаешь...» – «Все, что пожелаю? – усмехнулся царь. – А если я пожелаю взять у тебя глаза?» Воин, никогда не отступавший от своих слов, отвечал: «Я согласен, царь!» Царь отпустил на волю пленного джигита, а смелому воину выкололи глаза. Два воина, поддерживая друг друга, с трудом добрались до меня, вновь омыли свои раны. Огненногривый тоже не дался врагу – через несколько дней он вернулся к морю. И не один, а привел с собой целый табун лошадей. Обнял верного коня храбрый воин и спросил друга: целы ли у огненного глаза? «Целы», – ответил друг. «Если у вас обоих целы глаза, мне не о чем печалиться, друзья мои! – отвечал храбрый воин. – Живите, будьте счастливы!»

«Мы тоже часто вспоминаем эту легенду, – ответил Насыр. – Потому и не хотим бросать тебя, даже оказавшись в беде. Ты дорого для нас, как мать, море! И ты вправе сейчас требовать помощи от нас, людей...»

«Я знаю, Насыр, знаю: то, что случилось со мной, не от Бога – оно от человека. Потому и жалею тебе как человеку...»

«Понимаю тебя... Да и как не понять: столько пережито на твоих берегах! Помнишь ли годы войны, море? Не осталось мужчин в нашем Караое, заменили их женщины и дети – слабые у них были руки, слишком нежные были у них спины, слишком узкие плечи для рыбацкого труда. Но и в эти трудные годы ты одаривало их, словно бы по доброй памяти о наших рыбаках, ушедших на фронт».

«Немного их вернулось, Насыр, что и говорить. Невесело было мне в те годы без ваших сильных рук, без зычных ваших голосов... И то, правда, что смиловилось я над женщинами вашими, над детьми вашими – владыка вод Сулеймен приказал мне не брать на дно женщин и детей в те годы... А уж сколько рыбы было, а, Насыр?!»

«Любимая Акбалака Карашаш лежит на твоём дне...» – скорбно сказал Насыр.

«Вины моей в том нет, Насыр. Она сама решила избрать смерть. Мой народ – гордый народ!»

«Да, я знаю об этом...»

Так закончил свой разговор с морем Насыр. Темнота между тем совсем окутала берег, и старик отправился домой. Дома он скинул резиновые сапоги, умылся и сел к столу. Пришел Муса, сказал с порога:

– Хотел, было найти тебя на берегу, да вовремя сообразил – не стоит мешать твоей беседе... – Он сел за стол. – Ничего ты не знаешь: еле отстоял твою сивую. Опять появился огненный в наших краях, снова уводит кобылиц...

– Все видел с берега. За сивую – спасибо. А вороного своего так и не удается тебе отбить?

– Прямо наваждение! Огненный заворожил его, словно ребенка: ни на шаг вороной не отстает от него! Услышит мой голос, вроде наострит уши, но друг его тут как тут: прижмется боком – и забывает вороной про меня. А смелый какой,

отчаянный! Сегодня даже на меня пошел. Собака бросилась защищать – убил одним ударом копыта: вот какой! Пристрелить бы его, да не могу грех на душу брать. Впервые я повстречал его года три назад на западном побережье – тогда с ним была одна единственная кобылица, а сейчас – целый гарем! – Муса, теребя в руках тубетейку, говорил сердито, сильно размахивал руками.

– Да, дела, – протянул Насыр. После ужина его сморило. С беспокойством он думал о том, что пора бы заканчивать разговор и отправляться спать – завтра вставать ни свет ни заря. Будить ребят и отправляться в море...

– Кажется мне, – продолжал Муса сердито, – что не будет нам покоя, пока огненный не уведет твою сивку. Она, между прочим, тоже к нему равнодушна. Сам сегодня видел: как только заржал он, она вся пошла мелкой дрожью...

– Иа, Алла! – включилась в разговор молчавшая Корлан. – Придется держать ее взаперти. Черт, навязался на нашу голову!

– Держи, не держи, а бес этот не успокоится до тех пор, пока не уведет вашу кобылу. Клянусь!

– А вот возьму да прирежу ее! – рассердился Насыр. – Вот тогда посмотрим, кого он уведет!

Муса махнул рукой:

– Да как же прирезать? А жеребенка куда?

Старики задумались. Теперь рассердилась Корлан:

– Нашли чем голову забивать себе, два дурака, когда с морем такое творится!

Уведет – пусть уводит! Пусть даже с жеребенком – раз он бесстыжий такой!

Бериш весело рассмеялся, глядя на двух озадаченных стариков и сердитую старуху:

Муса, чтобы замаять собственную неловкость, сменил тему разговора:

– Верно, Насыр, решительности Кахарману не занимать. Позавчера был в районе: люди там говорят, что Кахарман уже с Балхаша уехал. Как будто бы на Иртыш подался, в Семипалатинск... Насыр, что о нем слышно?

Для Насыра и Корлан это было новостью, Корлан лишь развела руками.

– Уже месяц нет от них писем, – ответил за них Бериш.

– Если Кахарман не остался на Балхаше – значит, и там дела не радуют, – заключил Муса.

– Куда, ты говоришь, он подался? – переспросил Насыр.

– На Иртыш, говорят...

– Я слышал, что наш Герой Соцтруда Оразбай тоже обосновался в тех краях.

– Насыр подал жене пиалу. – Не укладывается это, в моей голове. Человек, выросший на море, разве может поменять его на речку или озеро?

– Вот и мается потому Кахарман, свет мой, солнышко мое... – Корлан вздохнула. – Хоть бы на денечек съездить к нему, да не отпустите вы меня... – Она с упрёком посмотрела на мужчин.

– Оразбай тоже, видать, тоскует. Помнишь районного начальника, который приезжал недавно? – Муса вопросительно посмотрел на Насыра. – Этот начальник рассказывал: Оразбай сильно жалеет, что уехал...

– Он первым уехал, потому что быстро надломился. Куда они только не ездили с Кахарманом, где только не мелькала звезда Оразбая – в Москве, в Алма Ате, в области... С кем только не говорили... Быстро он потерял надежду. Муса продолжал свою мысль:

– «Лучше умереть, чем жить без моря!» – такие слова, по утверждению того начальника, сказал Оразбай...

– Разбежались все, словно тараканы. – Насыр помрачнел и внимательно взглянул на своего друга. – Ты к чему так упорно стараешься вернуть себе обратно вороного? Тоже думаешь укатить отсюда?

– Как ты догадался? – Вопрос Насыра застал Мусу врасплох.

– Вижу, подсобрался ты – и во дворе, и вокруг дома...

– Ну и народ у нас! – рассмеялся Муса. – Еще и подумать не успеешь, а они уже все знают. А если серьезно, ответь мне вот на такой вопрос. Допустим, разъедется весь народ с побережья. Мы с тобой что, одни здесь останемся?

– Я останусь, – твердо сказал Насыр. – Не знаю, как ты, а мы с Корлан останемся. А люди у нас темные, Муса. Я молитвами выпросил у Аллаха этот ливень, и Аллах дал нам надежду возродиться – что же они не лелеют эту надежду? Что ж они, словно стадо баранов, бегут и бегут прочь, даже не задумываясь: а вдруг все образуется?

Долго он, прежде чем уснуть, думал о Кахармане. Почему сын оставил Балхаш и подался на Иртыш? Не рано ли покинул он родной край, побережье? Положим, не нашел общего языка с областным начальством, но стоило ли так быстро решаться на последний шаг? Наверное, зря они с Корлан дали свое согласие, когда Кахарман пришел просить их благословения на отъезд, зря! Ну и намучается теперь он, наплутается – дай то Бог, чтоб разума не потерял. Тяжело ему там, конечно, – не складывается жизнь у него. Просится Корлан повидать сына – может, снарядить ее в дорогу? Может, все таки больше прислушается сын к словам матери? Вот и отправить бы их осенью вместе с Беришем, пусть ка образумят Кахармана...

Недолгим оказался сон Насыра. Кто то требовательно застучал в окно, Насыр поспешил на стук.

– Это я – Камбар! Невиданное дело, Насыр! В низине рыбы – тьма тьмушная. Бектемис уже там, послал меня за людьми. Центнеров двадцать можно взять, двадцать пять! Прямо тут же будем и солить – женщины подтягиваются...

Камбар побежал дальше, а Насыр стал быстро собираться.

Камбар не преувеличивал – рыбы здесь действительно скопилось видимо невидимо. Насыр попробовал воду на вкус и не удивился: вода была пресной. Вот, значит, что? Рыба ринулась к пресной воде и оказалась к безнадежному плену этих узких заводей и заливчиков.

Рыбаки принялись работать с жаром. К полудню много рыбы было выловлено. Но не было больше бочек и соли. Оставшуюся рыбу стали лопатами снова забрасывать в воду. Но она начала быстро задыхаться – вскоре вся водная поверхность низины была покрыта снулой рыбой. Недолгой оказалась радость. Люди стали костерить Бектемиса, который, час назад уехав за бочками и солью, провалился как сквозь землю.

«Да и чего там следовало ожидать от этого Бектемиса, – раздраженно думал Насыр. – Толковые, знающие свое дело люди давно уже в чужих краях – вот и некому руководить народом. Разве могло бы такое случиться, будь здесь Кахарман? Даже Оразбай чего нибудь да придумал бы... Люди без толкового руководителя не могут работать – это факт».

Глядя на безжизненное скопище рыбы, Насыр вдруг вспомнил случай, некогда показавшийся ему странным и таинственным. Тогда он еще не представлял

себе, как сильно могут влиять на рыбу даже малейшие колебания концентрации соли в морской воде, как могут эти колебания менять ее поведение – не говоря уже о том, что рыба, почувствовав пресную воду, стремится к ней, напрочь теряя чувство самосохранения.

В тот год профессор Славиков впервые приехал со своей экспедицией на море. Насыр по какой то надобности в один из осенних холодных дней греб к острову Акеспе, где была лаборатория Славикова. Вдруг прямо по левому борту рыбак заметил огромную белугу. Поведение ее было необъяснимым. Она плыла рядом с лодкой, недобро, как ему казалось, посматривая на Насыра, потом вдруг исчезла и вскоре, вынырнув справа резко пошла тараном на Насырову лодку. И так сильно её тряхнула, что Насыр от неожиданности вывалился за борт. Никогда прежде не слышал Насыр, что рыбы нападают на лодку и на человека в ней, но здесь был именно такой случай.

Насыр был тепло одет, одежда вмиг потяжелела, его стало тянуть на дно. С великим трудом он перевалился через борт в лодку, но белуга снова таранила лодку – сильно, резко, точно. Насыр еле еле удержал лодку в равновесии. И большая рыба не отставала от него до самого острова. Иногда она высовывала голову из воды – он видел ее злые глаза. У самого Акеспе Насыр изловчился, выждал момент и ударил ее по голове деревянной колотушкой. Рыба по инерции пролетела мимо него и отстала. Возвращаясь назад, он ожидал, что она начнет ему мстить, но ни на обратном пути, ни вообще потом он никогда больше не встречался с этой шальной белугой. Но о случившемся он рассказал профессору. Славиков попросил одного из лаборантов записать эту историю. Тогда то и стало ясно Насыру, что в море начинается нечто весьма скверное. «Когда падает уровень воды, – объяснил профессор, – концентрация соли в составе воды начинает увеличиваться. Некоторые рыбы улавливают малейшие изменения, происходящие с водой, – и поведение их становится необычным. Вот тебе и все объяснение. Но со временем в рыбе вырабатываются новые модели адекватности». Это означало, что по истечении какого то времени рыба привыкает и к более соленой воде. «А чего же ей еще остается делать?» – невесело усмехнулся тогда Насыр.

Чуть передохнув после полудня, Насыр с ребятами отправился к морю. Они живо столкнули лодку – всем было любопытно, что же творится с их сетями. Сети были полнехоньки! Надо было упираться ногами, надо было тащить сеть изо всех сил!

Насыр все шутил:

– Никак не пойму я тебя, Есен, Никакого лова не было у нас в последний год – сиди дома да за женой ухаживай. Сидел ты вроде бы дома, а жену проворонил, а?
– Рангом не вышел, молдеке! Нету у меня унитаза!..

По всему побережью кипела жизнь. Рыбаки с уловом спешили к берегу, потом обратно с пустыми сетями в море – но сегодня подальше от вчерашнего места, западнее. Это присоветовал опытный Насыр. Там вечерняя тень раньше падала на море и по этой причине рыба быстрее устремлялась в сети.

Сидя в лодке и утирая пот со лба, Насыр умиротворенно оглядывал оживший берег. Случайно он бросил взор на огромный траулер, застрявший много лет назад в песке. Немного до него не дошла вода – всего лишь на длину брошенного аркана. Однако это обстоятельство весьма озадачило Насыра. «Ойпырмай! –

удивился он. – Целый месяц лил ливень, и все таки вода не дошла! – Какое то сомнение стало закрадываться в его сознание. – Неужели... – Он боялся подумать об этом. – Неужели море не вернется к прежним своим берегам? Неужели это неподвластно даже Аллаху?»

Да! Так оно и было.

Насыр с тоской посмотрел вокруг себя.

– Дедушка, там какой то катер! – вывел Насыра из задумчивости Бериш. – Не нас ли они разыскивают?

– Вполне возможно. – Есен тоже стал наблюдать за катером.

Катер, ненадолго остановившись у соседней лодки, стал круто выруливать к ним.

– Что еще за начальство? – Насыр надел шапку.

– Э, да это же Самат! – догадался Есен. – Начальник мелиорации. Забавный тип, доложу я вам: мясо он трескает по казахски – вот такими ломтями, а с казахами изъясняется исключительно по русски, только через переводчиков...

Действительно, это был Самат Саматович, управляющий областным отделом мелиорации. С ним было еще несколько человек.

– Здравствуйте! – крикнул им Самат Саматович и дал команду заглушить мотор.

– Ассалаумалейкум, Насыр ага! – громко приветствовал рыбаков светловолосый парень, лицо которого Насыру показалось знакомым. – Насыр ага, я – Славиков Игорь! – Парень помахал рукой, видимо поняв, что Насыр не узнает его.

Усталое лицо Насыра просветлело.

– Икорь! Икорь жан! – Насыр потянулся к Игорю. Тот перешагнул в их лодку, и они обнялись.

– Как отец, Икорь жан? Жив ли? Почему он не приехал? – Насыр крепко обнял Игоря. Отец передает всем вам огромный привет, – заговорил Игорь по казахски. – Всем вам он кланяется.

– Совсем забыли нас. – Насыр с доброй укоризной посмотрел на молодого ученого.

– Вот я и приехал, Насыр ага. Теперь будем вместе. Почему Кахарман покинул Синеморье?

– Долгая история, – вздохнул Насыр, сел и дал знак рукой садиться рядом.

– Игорь Матвеевич, нас поджимает время, – стал торопить Славикова Самат Саматович. – Может быть, потом, в хорошей домашней обстановке, потолкуете?

– Подожди, Самат, дай поговорить с человеком! – Приезжий недовольно сдвинул светлые брови к переносице; видно было, что этот Самат Саматович был весьма неприятен ему.

– Не ужился Кахарман вот с такими, – Насыр украдкой ткнул пальцем в сторону управляющего.

– Где вы остановились?

– Все на том же острове Акеспе. Мы должны очертить новые границы моря. У меня к вам просьба – поездите со мной, если, конечно, позволяет здоровье. – Насыр промолчал, а Игорь добавил: – Это даже скорее не моя просьба, а моего отца...

– Ну, если сам Мустафа просил – разве могу я отказать?

Управляющий снова стал торопить Славикова:

– Игорь Матвеевич, ну поехали, право же! У меня утром бюро обкома. У вас эта... – Он стал подбирать слово и неуклюже ввернул: – У вас эта самая летальная лаборатория, а у меня – обком, поймите меня тоже!

– Что за лаборатория? – Насыра насторожило странное слово, произнесенное управляющим.

Девушка, стоявшая рядом с управляющим, ответила – просто, звонко и громко:

– Мы будем наблюдать за гибелью вашего моря!

Славилов торопливо перелез в катер и бросил на девушку гневный взгляд. Затем повернулся к Насыру, который остался сидеть в лодке, потрясенный услышанным, и негромко проговорил:

– Насыр ага, значит, завтра я заеду за вами...

Завели мотор, тут управляющий спохватился:

– Кто у вас тут моторист?

– Я, – ответил Есен.

– Давайка с нами, моторист. Помоги ребятам запустить лабораторный движок, что то не ладится там у них...

Есен тоже перелез в катер. Легкий, блестящий, катер с места взял скорость и умчался. Насыр поднялся, долго смотрел ему вслед.

– Ну что, дедушка, домой? – Насыр молча кивнул – казалось, что до сих пор он не мог обрести дар речи.

Вскоре они с Беришем втащили лодку на берег. Лишь тогда заметил Насыр, что людей на берегу и в море поубавилось. Насыр посмотрел в небо. Оно темнело. Тяжелые, черные тучи снова собирались над Синеморьем. Насыр молча, отрешенно достал из внутреннего кармана белый платок, расстелил его и принялся за вечернюю молитву. Всей силой своего чувства, всей своей мыслью он был сосредоточен сейчас на боге. Много сомнений в душе Насыра породил сегодняшний день. Но он продолжал верить в Аллаха и потому все свои сомнения обратил сейчас к нему в молитве.

Кончив молиться, подошел к морю, зачерпнул ладонями воды и ополоснул лицо. Выпрямился и улыбнулся долгой улыбкой:

– Я вам покажу «гибель моря»!

Ударили первые крупные капли. Не прошло и минуты, как ливень вновь набрал силу и мощь: плотно, тяжело завис над берегом и морем. На Насыра нашло – он сорвал с себя одежду и крикнул:

– Лей! Лей! Я им покажу «гибель моря»!

Дождь, не переставая с этой минуты, лил семь дней и ночей кряду. И снова море, уставшее от соленой воды, блаженствовало – снова оно наполнилось пресной водой, которую снова понесли к нему две Дарьи, снова принявшие в себя продолжающие таять снега на вершинах Тянь Шаня и Памира. И снова не было на побережье человека, счастливее Насыра.

Здравствуй же, оживающее море, здравствуй! Разве не чудо ты! Ты – радость человеческая и горе человеческое! Тысячи и тысячи лет подряд склоняли перед твоим могуществом головы все далекие предки Насыра, населявшие твоё побережье. И вот теперь склоняет голову он, безмолвно слушая твою музыку, читая в этой музыке древние, неразгаданные звуки твоих глубоких тайн, которые сокрыло ты в своих волнах, наблюдая жизнь людей на твоих берегах: их любовь и вражду, их счастье и горе, их жизнь и смерть!

VI

Первый секретарь областного комитета партии Кожа Алдияров пребывал в состоянии крайнего раздражения. Остыл зеленый чай в белом чайничке, который был внесен его помощником и поставлен на поблескивающий лаком стол. Алдияров сидел, откинувшись в мягком кресле, и сосредоточенно размышлял. Нельзя сказать, что способность глубоко задумываться над чем-либо была врожденным его свойством. Алдияров был партийным функционером, и следовательно, сама потребность его вообще задумываться о чем либо диктовалась чаще всего лишь чувством самосохранения.

Все, решено: надо кончать с этими бесконечными поездками Насырова в Москву! Надо его заставить споткнуться на ровном месте. Щенок! Под кого он вздумал копать – под него, под Кожу Алдиярова! Ты будешь уничтожен, и это тебе говорит он, сам Кожа Алдияров!

Он вызвал по телефону Ержанова. Они вошли вместе – помощник Алдиярова с чайным подносом и председатель облисполкома Галым Ержанов. Дважды глотнув чая, Алдияров хмуро взглянул на председателя, не очень любезно пригласил его сесть. Ержанов мгновенно угадал настроение Алдиярова: «Старик гневается. Значит, снова задумал какую то гадость. Как бы не пролететь мне с учебой в Москве. Вдруг скажет сейчас: не поедешь, я не отпускаю. Свои решения он меняет по десять раз на дню. Сегодня – да, завтра – нет».

Алдиярова в области боялись: вспыльчив был, своенравен, порой до самодурства. Алдияров в военные годы закончил зооветеринарный техникум, со временем вырос до начальника отдела областного комитета партии, потом одолел зооветеринарный институт. Каким он был беспардонным и жестоким с подчиненными, таким же он становился сговорчивым, покорным с вышестоящим начальством. Он сам был неисправимым подхалимом и потому быстро приблизил к себе людей, подобных себе. Однако подхалим подхалиму рознь. Алдиярову несложно было определить, кто из них с толстым кошельком, а кто без него. В соответствии с этим и были «проданы» все областные должности. Деловые, талантливые люди, которых с таким трудом за три года удалось Акатову объединить вокруг себя, были изгнаны. Пришел черед последнего – Кахармана.

– Ты слышал, что вытворяет Насыров в Москве? – обратился Алдияров к Ержанову.

– Нет, не слышал. – Ержанов весь собрался, готовый к любой неожиданности.

– Странно, а мне казалось, что ты общаешься с Насыровым весьма тесно. – И он со значением посмотрел на Ержанова.

Ержанов опустил глаза:

– Тесное общение порой не подразумевает откровенности в планах и замыслах.

– Ответ ему показался вызывающе уклончивым, и он добавил: – Кахарман Насырович человек скрытный, а самое главное – неожиданный, Кожа Алдиярович...

– Ах, ты не знаешь! Тогда слушай. На последнем совещании в Министерстве мелиорации он настаивал на том, что нет никакой необходимости поворачивать сибирские реки к нам! Об этом я узнал сегодня – мне был звонок из ЦК. Он что – притворяется? Он не ведает, что без сибирских рек Синеморье погибнет?! Или не знает, сколько усилий в этом направлении приложило руководство республики?! И ведь это еще полбеды, настоящая беда в том, что слова Насырова дошли до самого Кунаева. Ты представляешь, что может Кунаев подумать обо мне? Первая

мысль: Алдияров специально подсылает Насырова в Москву. Как я теперь объясню, что это не так?

– Да, Кунаев приложил много сил, чтобы добиться поворота рек – ситуация получается дурацкая... – Огорчение Ержанова было совершенно искренним.

– «Дурацкая!» – передразнил его Алдияров. – Да это нож в спину: и Кунаеву, и мне! Необходимо завтра же созвать бюро и гнать Насырова с работы в три шеи! Он не должен ездить в Москву!

– Кожа Алдиярович! Насыров потерял покой с тех самых пор, когда Синеморье оказалось в опасности. Он один бился в министерствах Москвы за то, чтобы открыть на побережье ремонтные мастерские, цех по изготовлению лодок – ведь и люди остались без работы, вынуждены были скитаться в поисках рыбы и заработка по чужим краям. Нам надо учитывать деловые качества Насырова – ведь эти беды не последние. А Насыров умеет решать в Москве самые запутанные вопросы, самые сложные проблемы – заменить его пока некем, Кожа Алдиярович. И мне, и вам это хорошо известно...

– Что ты хочешь этим сказать? – нетерпеливо перебил его Алдияров, и это означало: «Нельзя ли покорче?»

– Я хочу сказать – это будет сделать непросто. Авторитет Насырова высок среди людей...

– А ты не ошибаешься? Плевать хотят люди на Насырова! Чего они ждут – так это сибирской воды! Если они узнают, что этой воды не будет, – они уедут, все до одного!

– Они уже давно уезжают.

– Уезжают пришлые: русские, немцы, украинцы. Они ищут теплые местечки, легкие деньги – это давно всем известно. А куда деваться казаху? Нет у него другой родины, кроме Казахстана, – и никуда он не поедет. Потому и нужна нам сибирская вода. Это придумали не Брежнев с Кунаевым – это объективная проблема, она проработана учеными, получила поддержку во многих министерствах. Государству необходим хлопок – возможно, и в ущерб рыболовству, не спорю. А хлопок нуждается в воде, Галым Сатаевич!

– О сибирской воде сейчас много говорят. Летом я слушал аргументы профессора Славикова – они мне показались убедительными...

– Славиков выжил из ума, а Насыров подыгрывает ему – вот что я тебе скажу!

– Он, оказывается, хорошо знает Кунаева...

– Еще бы – это великий человек; его знает весь мир. А кто, кстати говоря, знает самого Славикова? Кто с ним считается, кто прислушивается к его мнению?

Ержанов терпеливо ответил:

– Бывая в Москве, я понял, что в Институте географии и во многих министерствах его знают хорошо. Многие даже побаиваются Славикова...

– Еще бы: этого психа и надо бояться! Ведь у него в голове – бред! Бред, и больше ничего!

Ержанов понял, что возражать дальше не имеет смысла. Он поднялся. Алдияров сказал:

– Подумай о Насырове – ты понял меня?

– Что вы решили с партийностью Насырова?

– Пока что уберем с работы. Начать надо тактично, он человек гордый, все поймет и уйдет сам...

Вернувшись к себе, Ержанов несколько раз порывался снять трубку и набрать номер Кахармана, но так и не решился. Если Старик узнает об этом – Ержанову несдобровать. «Вот и пришел ты к тому, что всегда презирал в других: к осторожности и расчетливости», – подумал он невесело. Галым презирал себя: уважая Кахармана, он тем не менее отдавал его на расправу Алдиярову. И ведь всем понятно: такие люди, как Кахарман, рождаются редко – разве он, Ержанов, не обязан его спасти? Конечно, можно красиво вздохнуть: как жаль, что он, Ержанов едет на учебу в Москву, иначе не на шутку сразился бы с Алдияровым за Кахармана. Но... Жена давно сидит на чемоданах, не терпит ей пожить в столицах, а семейный покой... семья превыше всего.

А сразился бы? Чего уж себе то врать. Кахарман будет изгнан, а Ержанов преспокойно поедет учиться в Академию КГБ. Будущий генерал! Такова уж психология его поколения: оно выросло в страхе, оно живет с оглядкой. На бюро ему будет суждено оказаться в числе тех, кто и слова не скажет в защиту Кахармана. Так оно и случилось. Как ни собирался он с духом, чтобы встать и высказаться в пользу Кахармана, каждый раз, когда он уже был готов это сделать, предательская дрожь в коленях, сухость в горле мешали ему и он продолжал сидеть с поникшей головой.

Причина экстренности заседания бюро обкома была вроде бы очевидной: срывался план по добыче рыбы. Заслушали отчет Насырова. Кахарман откровенно и хладнокровно аргументировал причины, по которым срывался план: положение, возникшее на Синеморье, угрожало не только рыбному хозяйству региона, но и республике в целом. Сказано также было им, что многие из тех ученых, которые ранее участвовали в грандиозном проекте, теперь отказываются от своих первоначальных скороспелых убеждений. Его прервал председательствующий Алдияров:

– Товарищ Насыров, а на чьей стороне лично вы? Вы за какую группу выступаетаете?

– Я ни за какую группу не выступаю. Я на стороне истины, – ответил Кахарман.

– А истина ваша заключается в том, что сибирская вода Казахстану не нужна?

Зал замер, затаив дыхание. Всем давно было известно, что Алдияров невзлюбил Кахармана с первого дня. Никогда он не упускал случая задеть Кахармана: по поводу и без повода. Для Алдиярова упрямство, принципиальность и честность Кахармана были причиной того, что в море не стало рыбы, что огромные корабли заводы утопили в песках, что меньше и меньше становятся уловы в озерах и реках республики и что эти уловы не компенсируют морских потерь. Никто не мог понять, какая была личная или партийная вина Кахармана за то, что море все дальше и дальше уходило от своих старых берегов, что росли площади солончаков, что, гибла рыба от повсеместного избытка соли. И даже те, кто в чем то сочувствовал Алдиярову – к примеру, его требовательности, – не могли не жалеть Кахармана.

И вместе с тем далеко не каждый мог это свое мнение высказать вслух. Да и сам Кахарман не заблуждался на сей счет: он был одинок. Это осознание порой придает человеку мужества и хладнокровия, хотя бы потому, что он совершенно четко знает – ему следует рассчитывать только на свои силы. Может быть, по этой причине он держался стойко – никогда не лебезил перед Алдияровым. А сейчас он вдруг подумал ни с того ни с сего: «Эх, старик, беспокойная у тебя жизнь, ей ей. Завтра ты должен угодливо доложить Кунаеву: того идиота, который посмел возразить вам, я отстранил от работы. А ведь Кунаев наверняка знать не знает

обо мне – что для него такая мелкая сошка, как я? Но Алдияров все равно должен проявить бдительность, он же раб до мозга костей, он должен доложить – неугодному сурку залили нору водой...

Смешно, а морю нет никакого дела до этой возни в банке, пауков! Природа живет сама по себе – человечество само по себе. Мы бросили ее на произвол судьбы, не однажды сотворив над ней злодеяние. И наверно, только после этого заглянули в древнюю книгу, где, словно недумки, впервые прочитали вот что: не мешай ей, человек, не забывай, что ты на земле всего лишь гость. И Синеморью нет никакого дела до ничтожных препирательств, происходящих среди людей...»

– Вы меня совершенно правильно поняли, Кожа Алдиярович. Всем давно ясно, что сибирская вода нас не спасет.

– Что вы болтаете! С чьего голоса поете? Вы понимаете, Насыров, что ведете себя как самый оголтелый антисоветчик?

– Учеными доказано, что этой сибирской воды не хватит даже для того, чтобы смочить те рукотворные русла, которые запроектированы – эта вода не дойдет до нас. Кроме того, биологический состав сибирской воды абсолютно противоположен нашим условиям. С этой водой в Среднюю Азию придут болезни, придут беды, – хладнокровно ответил Кахарман, пропустив обвинение мимо ушей.

«Завидное самообладание, – думал между тем Алдияров. – Битый мужик. Не идет на мелкие склоки, отстаивает свою идею в принципе, по большому счету. Жалко, что не наш человек. Жалко, что не подлежит уже воспитанию – вышел из того возраста. Значит, остается одно – вырвать с корнем, к чертовой матери! А сейчас надо уйти от принципиального разговора – здесь он забьет всех нас. Даром, что ли, столько лет оболванивали его московские ученые: все эти Славиковы».

– Давайте не будем уходить от предмета разговора, – произнес он. – Хватит с нас вашей демагогии. Ответьте лучше, почему срывается полугодовой план по рыбе?

– И годовой будет сорван, Кожа Алдиярович...

– Почему?

– Спросить бы у рыбы, почему она не ловится. Возможно, она окажется разговорчвее, чем я, – усмехнулся Кахарман.

В зале тоже заулыбались, но быстро нагнули головы, ибо Старик, ощущая меняющуюся атмосферу собрания, гневно оглядел зал, выискивая сочувствующих ослушнику.

Конечно, при всей своей фанатерии Алдияров, в общем то, понимал, что план по рыбе область не выполнит никогда. Вместе с тем изложить свои соображения на республиканских совещаниях или просто вышестоящему руководству он не мог в принципе. Это означало бы осложнить жизнь: и себе, и им. Принцип осторожности и самосохранения главенствовал в его психологии много лет и никогда еще его не подводил. «Живи сам и дай жить другому» – такое правило исповедовал Алдияров. Но за план он боялся. Выполнить план во что бы то ни стало – тогда ты живешь, тогда ты на плаву! Он никогда не вникал в так называемый человеческий фактор, оставляя это обременительное занятие другим – более сентиментальным или любознательным. Все, что выходило за пределы понятия «план», для него не существовало или существовало как досадная помеха, которую следовало устранить. Таким был Алдияров, или, вернее, таким сделала его жизнь «функционера», «начальника», «погонялы» – как ни назови этот тип людей, суть остается неизменной.

На Кахармане он слегка споткнулся. Он почувствовал – и тоже своевременно! – что принципиальный и честный Насыров и сам катится в пропасть, и тянет за собой его, Алдиярова. Кто то из них должен был устраниваться, чтобы прекратить эти опасные игры: если не свернет себе шею Кахарман, то может полететь Алдияров.

Их противостояние началось с того, что план по рыбе с приходом Алдиярова в область был увеличен вдвое. И это в то самое время, когда по подсчетам стало ясно, что реальная добыча рыбы снизилась в два раза даже против прежнего плана. Он вызвал к себе Кахармана и без предисловий потребовал: «Насыров, добычу рыбы нам необходимо повысить в два раза, о том, что новый план будет выполнен, я уже доложил выше». Он не стал вникать ни в какие детали: «Выполняйте!» Через месяц Алдияров снова вызвал к себе Кахармана: «Как наше обещание?» – «Какое обещание? – сухо спросил Кахарман. – Я не давал никакого обещания. Или вы полагаете, что стоит вам в Алма Ате доложить, что производство рыбы будет увеличено вдвое – и ее в море станет в два раза больше? Увы, это не так».

С тех пор Кахармана стали заметно отстранять от дел. Многие решения стали доводить до него в последнюю очередь – ставили его перед фактом, лишая его возможности полемизировать с Алдияровым. Зато милость Алдиярова пала на Самата Саматовича, заместителя Насырова. Большую часть своего времени Кахарман проводил в море, а в президиумах многочисленных собраний торчал теперь Самат Саматович, отмеченный Алдияровой милостью. Самат Саматович стал необычайно самодовольным, быстро располнел, отрастил приличествующее его новому положению брюшко и совершенно перестал разговаривать по казахски: злые языки утверждали, что даже собственную жену он бранил по русски. «И поделом тебе, – ругал себя Кахарман, глядя на обновленного Самата Саматовича. – Сам же взял его из министерства: показался он тебе честным, порядочным... Век живи – век учись...»

На очередном заседании бюро снова встал вопрос о рыбе. Алдияров обратился к Самату Саматовичу с вопросом: «Вот Насыров с пеной у рта доказывает, что у нас завышены планы. Как вы полагаете, товарищ Тузгенов, реален этот план?» Самат Саматович откликнулся с готовностью: «Вполне, Кожа Алдиярович! Для этого...» – начал было он. «Достаточно, садитесь! – перебил его Алдияров и обратился к Кахарману: – Ваш заместитель уверяет, что план выполним. Кому из вас должны верить члены бюро?» – «Странный вопрос, Кожа Алдиярович: они поверят тому, кому верите вы», – горько усмехнулся Кахарман. «Я верю Тузгенову». – «А я, простите, не верю ему!» – «Может быть, вы и мне не верите?» – Алдияров поблел. «И вам не верю!» – ответил Кахарман. Алдияров со значением произнес: «Тогда вряд ли мы сработаемся, товарищ Насыров. Если область не может выполнить план по рыбе – зачем тогда нам вообще нужно рыболовство? Пусть рыбаки займутся другими делами: пасут скот, обрабатывают землю, если разучились ловить рыбу. Правильно я говорю, товарищи?»

– Многие из них уже не выходят в море, а многие уезжают совсем...

– Куда уезжают? – повернулся Алдияров к одному из секретарей.

– На Каспий, в Чардару, в Балхаш...

– Мы распустили своих людей – и теперь разводим руками!

Кахарман взорвался от этой неприкрытой демагогии:

– Рыбаки никогда не будут ни скотоводами, ни землепашцами! Они едут туда, где есть вода и рыба!

Алдияров сделал вид, что это замечание Кахармана несущественно:

– Такие сейнеры, такие плавбазы остались в песках! Если наперед известно, что побережье не возродить, тогда зачем почти во всех колхозах построены школы десятилетки, огромные ДК, ремонтные мастерские! И работники, ответственные за это, еще не наказаны должным образом! Если завтра люди разъедутся – что мы будем делать с этими школами и ДК? Получается, что пущены на ветер миллионы!

Кахарман оглядел членов бюро. Дрожат как ягнята – каждый боится за свой партийный билет и должностной стул. «Вот такой мы построили социализм!» – часто думал Кахарман в бессильном отчаянии.

– Товарищи! – раздраженно промолвил Алдияров. – Расцениваю ваше молчание как поддержку волюнтаристских устремлений Насырова! Я вынужден истолковать этот факт как отступление от партийных норм и принципов. В том, что государственные миллионы летят на ветер, виноват Насыров! И это не просто слова, замечу я. По своему собственному желанию он отправляется в любой уголок нашей страны, встречается с какими то людьми. Подсчитали сумму, которую он потратил на командировки в последнее время. Кругленькая сумма получается. Даже я таких вояжей за государственный счет не могу себе позволить! – Алдияров язвительно улыбнулся. – Может быть, вы, товарищ Насыров, расскажете все таки, какие такие дела связали вас с американскими учеными в Москве? Кто вообще вам дал разрешение встречаться с ними?

– Какое разрешение требуется для этого? Я познакомился с ними у профессора Славикова...

– Славиков! Славиков! – взвинтился Алдияров. – Да кто он такой, этот Славиков? – Помолчал, пытаясь отделаться от раздражения. – Что ты делал после Москвы в Таджикистане и Туркмении? Зачем ты ездил в Узбекистан и Каракалпакию? Меня не раз предупреждали о твоём упрямом характере. Но знай – не таких еще приходилось мне обламывать...

– Пожалуйста, не тыкайте мне, Кожа Алдиярович, давайте будем уважать друг друга. Я готов отчитаться перед членами бюро. Вы спросили, кто разрешил мне встречаться с американскими учеными? Наше государство не думает враждовать с Америкой, напротив – мы ставим своей целью сблизиться с ней, чтобы постараться получше понять друг друга. Славиков – ученый с мировым именем, его трудами пользуются как у нас в стране, так и за рубежом. Лично я американским ученым не выдавал государственных тайн. Что я мог бы им рассказать? О том, что наше море погибает? У них исчезающих озер и рек не меньше, если не больше. А по Средней Азии я ездил вот почему. Хотелось собственными глазами увидеть, как используется вода Аму и Сырдарьи. Я прошел и проехал по берегам этих рек от Памира до Синеморья. Пришел к выводу: вода расходуется нерационально, практически бесцельно во многих местах. Результат: тысячи квадратных километров суши превратились в болота, покрылись солончаками. Теперь, чтобы осушить эти площади, потребуются новые тысячи и тысячи тонн все той же речной, пресной воды. Практически нигде не видел я дренажей, регулирующих уровень воды. Заработная плата поливальщиков сдельная – зависит от того, сколько раз производится поливка, и от объема израсходованной воды. Чем больше израсходовано воды, тем выше заработок поливальщиков. Абсурд – вода бесхозная, ничья, никто за нее не отвечает!

Все слушали Кахармана затаив дыхание, подавленные.

– Пресноводный коридор в море, по которому раньше рыба шла в устья этих двух рек, теперь перестал существовать. По весне, когда приходит время метать икру, она просто не доходит до устьев. Воспроизводства рыбы в море уже нет. Я написал открытое письмо в ЦК партии о своей поездке по республикам Средней Азии, о безысходном положении, в котором оказалось побережье и море, о своих встречах и разговорах с учеными...

Алдияров перебил его:

– Вырвался вперед – обставил всех! Обычная тактика выскочки! Кто тебя просил это делать?

– Моя совесть, Кожа Алдиярович!

– А мы, по твоему, бессовестные все? Не ты, а обком должен был написать это письмо!

– Нет существенной разницы. Я сделал как быстрее...

– Это для тебя нет разницы, а для нас есть, и очень большая.

– Если уж на то пошло, то должен сказать, что с тех пор, как вы работаете в нашей области, вы не написали ни одного письма в вышестоящие инстанции, где бы говорилось о насущных нуждах народа.

– Жалобы и кляузы – не мой конек. Я привык работать. А вам, товарищ Насыров, видно, нравится писать их за меня...

– Не я пишу. Народ пишет, люди, – они отчаялись вконец. Но пока безрезультатно. Письма идут и идут, а дело продолжает на месте топтаться...

– И обком, и республика ждут сибирской воды. Без нее все меры – это лишь полумеры, не в них спасение.

– Если вы признаете, что все поставлены в ситуацию, когда требуется спасти вас и спасти море, то признайте и другое, несправедливо осуждать рыбаков за срывающиеся планы. Не они виноваты... Вот они и пишут!

Алдияров был вне себя от гнева:

– Можете писать хоть Президенту США, хоть в ООН – но мы ждем сибирскую воду, вам это ясно, Насыров! А рыбаков мы заставим заниматься своим делом!

Взгляды их встретились.

Нет, немало приходилось видеть Кахарману за свою жизнь чиновников, которым было наплевать на все, кроме своей карьеры и своего благополучия. Перед ним был один из них. И Кахарман сцепился с ним один на один.

Кахарман, глядя в глаза Алдиярова, подумал: «Два ваших предшественника, Кожа Алдиярович, сменившие Акатова один за другим, помнится, объявили кампанию «За республиканский миллиард». Вспахивался каждый клочок зелени – всюду сеяли пшеницу. Ни тому, ни другому не удалось собрать толкового урожая. И вы его не соберете, Кожа Алдиярович. Всем было известно, что в наших краях невозможно вырастить пшеницу. Все вы хотели получить по Звезде, а мы остались и без лугов, и без хлеба. Мы остались на изуродованной земле. Но вам мало, вы продолжаете ее терзать, Кожа Алдиярович, – теперь вы взялись за рис. И без того скудные воды обеих рек, которые еще не давали сдохнуть морю вконец, вы повернули на рисовые поля. Теперь там болота и солончаки: нет ни риса, ни моря».

– Хорошо, – словно бы угадав его мысли, устало проговорил Алдияров, – что ты предлагаешь?

– То, что я предлагаю, я твержу каждый день! Нужно немедленно оставить эту затею с рисом и хлопком – это единственно верное решение. По всему миру

мы растрезвонили, что скоро превратим пустыню в цветущий сад – зачем там сад? зачем там рис? хлопок? Если мы не отступим от этой бессмысленной идеи – ее скоро похоронит под собой соль высохшего моря. Всю ее разнесет ветрами на многие сотни километров вокруг. Но если бы только рису и хлопку грозила эта соль! Она угрожает всей Средней Азии, Алтаю, Сибири! Мы еще не знаем всех тайн взаимосвязи природы! Зачем же мы без конца покоряем ее, воюем с ней, словно она наш самый заклятый враг. Если мы уничтожим это море – завтра миллионы тонн соли похоронят под собой жизнь без остатка на колоссальных территориях вокруг! Она непокоряема, природа, все равно последнее слово будет за ней, а не за нами! И если сегодня человек уничтожает Синеморье, завтра море убьет человека.

Но Алдияров продолжал гнуть свое. Его целью было утопить серьезный, принципиальный разговор в мелочах или частностях, чтобы ошелмовать Насырова.

– Вы можете объяснить мне, почему уехал из родных мест Герой Социалистического Труда Оразбай?

– Нет, не могу. Могу лишь предположить. Оразбая мы не раз брали с собой в Москву и Алма Ату. Он не раз слышал разговоры ученых и работников министерства о том, что ожидает море в скором будущем. Наверно, он просто потерял надежду...

– А ведь это лично ты подтолкнул Оразбая к отъезду, – вдруг тихо, но грозно сказал Алдияров. Чего чего, а уж такого нелепого обвинения Кахарман никак от него не ожидал.

– Я? Зачем? У него что, своей головы нет?

– Зачем? Отвечу зачем. Чтобы везде растрезвонить: смотрите, люди у Алдиярова покидают родные места – даже такие прочные люди, как Оразбай! Зачем? Отвечу. Чтобы взбаламутить всех! Неужели теперь то вам, товарищи, не ясно, почему в Москве Насыров встречался с иностранцами?! – И он оглядел присутствующих.

– Вы совсем не уважаете себя, Кожа Алдиярович, – это же грубое, неуклюжее политическое обвинение!

И здесь Галым Ержанов не удержался от протестующей реплики:

– Кожа Алдиярович, действительно не к лицу нам придавать этим обстоятельствам политическую окраску. У нас с вами хватает недочетов и в будничной, повседневной работе. Не будем лезть в политику...

Кахарман заговорил сухо, резко:

– Если смотреть с такой точки зрения на то, что здесь у нас произошло с морем, то все мы – и вы, и Алма Ата, и Москва, и Политбюро – являемся политическими преступниками. Оставим этот тон, Кожа Алдиярович, но уж если зашла о таком речь, если уж мните вы себя политически грамотным человеком, то объясните, пожалуйста, мне вещи сугубо элементарные. Почему, например, нам не разрешают ни говорить, ни писать о наших острейших проблемах? Наше письмо из «Правды» вернулось с коротеньким ответом – отписка! Уже год лежит письмо Славикова, направленное им в Политбюро, – чего они ждут? Русские писатели и публицисты чуть ли не в каждом номере центральных газет выступают по проблемам Байкала. А нам говорить о бедствии казахского народа нельзя? Уже целый год идет перестройка, а мы как молчали, так и молчим! Где же она, правда то, Кожа Алдиярович? В такой ситуации вы неплохо себя чувствуете, под шумок,

потихонечку избавляетесь от честных, деловых людей. Пришел мой черед – или я ошибаюсь?

– Разве это трудно сделать, если очень хочется? – усмехнулся Алдияров. – Но шутки в сторону. Лично я не сомневаюсь в ваших деловых качествах и честности, товарищ Насыров. А вот по части нашего общего, психического, так сказать, состояния я что-то стал задумываться в последнее время. Мы, коммунисты, должны заботиться о здоровье друг друга. Мне кажется, Кахарман Насырович, что вы в последнее время не совсем четко осознаете свои речи, свои поступки. Нас, членов бюро, серьезно беспокоит ваше здоровье... Где здесь Максимов? – обратился Алдияров в зал.

– Я здесь, Кожа Алдиярович! – заведующий отделом здравоохранения встал.

– Николай Валерианович, верно, я говорю? Вы согласны со мной?

Максимов покраснел и неуверенно ответил:

– Без обследования трудно сказать...

– Вот вы и пригласите к себе Кахармана Насыровича! – Алдияров это почти что приказал, раздражаясь на Максимова за то, что тот не поддержал его – Это наша общая забота – здоровье товарищей следует беречь. Отдохнете – там хороший уход, строгий режим... так ведь, Николай Валерианович? Вот видите – врачи того же мнения...

Максимов сел на место как оплеванный.

Тут задал свой глупый вопрос и Самат Саматович:

– Товарищ Насыров, не объясните ли вы вот еще такой странный факт, ваш отец – коммунист, ветеран войны, известный рыбак... Как же он стал муллой?

«Вот таких, как правило, Алдияров и собирает вокруг себя. Не волков, а шакалов!» – подумал Кахарман, скользнув взглядом по Самату Саматовичу. Кахарману стало ясно: заседание бюро практически закончено, что либо доказывать дальше – нет никакого смысла.

И лишь вот какие слова он посчитал нужным сказать:

– Я не знаю, где вы родились, Кожа Алдиярович, а я сын этой исковерканной, многострадальной земли, этого брошенного всеми моря! Всю свою жизнь я положу на то, чтобы спасти свою землю, свое море. И бесполезно меня пугать психушкой – я не из пугливых. Пусть ваша грубость и бесцеремонность останутся на вашей совести. Будем считать, что говорили мы с вами о работе. В служебном же порядке хочу предупредить, Насыров не из тех, кто первым бросает оружие. И еще – бедная перестройка, если вы начали ее, окружив себя этими «саматами». Толковый в нашем крае народ, ничего не скажешь, а вот в руководство, к нашему несчастью, вечно подбираются глупцы...

– Насыров, не забывай, где ты находишься! – перебил его Ержанов, скорее, впрочем, для проформы.

– И отца моего не трогайте, – продолжал Кахарман крепнувшим голосом. – Помните, все мы ходим под Богом...

Вдруг он запнулся и оглядел присутствующих, как бы впервые их увидев. Потом с болью воскликнул:

– Кому я это говорю? Зачем? Вам приходилось когданибудь наблюдать, как мучается рыба, не находя пресной воды? Как она умирает? А ведь она тоже хочет жить, она ведь тоже божья тварь. Нет, вы не видели этого. Не глазами это надо видеть, а сердцем! – Он смолк на минуту и закончил: – Кожа Алдиярович, прошу известить меня о решении бюро в письменном виде. До свидания.

После заседания Алдияров дружеским жестом пригласил Ержанова к себе.

– Решил стоять насмерть наш Насыров, а? Каково? Не из тех, говорит, кто складывает оружие – видал? – Было заметно, что Алдияров встревожен.

– Да, Кожа Алдиярович, в красноречии ему не откажешь. Не надо эти метафоры воспринимать слишком серьезно, – стал успокаивать встревоженного старика Ержанов.

– Пусть идет жалуется куда хочет и кому хочет!

– Для себя лично Насыров не станет искать справедливости...

– Это было бы правильным решением. Будет дергаться, – Алдияров сказал с угрозой, резко, – запрячу к черту на кулички! Уничтожу!

– Не следует его преследовать дальше, не надо в нем пробуждать ярость – это может выйти боком... Я поговорю с ним, а вы пока ничего не предпринимайте...

Только много позже, когда Кахарман в пыльную бурю собьется с дороги, когда, измученный, будет метаться в кромешной тьме, он вспомнит это бюро, все, что происходило на этом заседании, – и с благодарностью подумает о Ержанове. Поймет, какой беды ему удалось избежать с помощью Галыма, который умел непостижимым образом нейтрализовать опасные порывы Алдиярова. Только много позже – когда на руках у него будет усопшая мать.

– Поговори, поговори... – согласился Алдияров. – Ну а что твоя Москва, едешь?

– Жду вызова. Вот вот должен быть...

– Завтра же получишь его, чует мое сердце. А партийное задание будет у меня к тебе такое: дослужиться до генерала!

К вернувшемуся с заседания бюро Кахарману поспешил начальник отдела кадров Журынбек. Под мышкой у него была папка.

– Каха, беспокоят из Москвы. Требуют срочно выслать документы тех наших пятерых ребят, которых направляем на учебу...

Журынбеку было за шестьдесят, знали они друг друга давно, но за все это время Журынбек никак не мог заставить себя обращаться к Кахарману на русский манер – Кахарман Насырович. «Каха» – это звучало теплее, почти что по братски; Кахарман не противился – ему вообще было несвойственно подавлять людей, тем более в их хороших, сердечных устремлениях. С войны Журынбек вернулся без руки. Кахарман уважал этого тихого, безответного человека, напрочь отметал разговоры, что инвалид де стар, что пора ему отправляться на пенсию. Кахарман обычно отвечал: «Журеке скажет сам, когда почувствует, что не тянет. Он человек совестливый – чужого места занимать не станет».

– Высылайте, Журеке, или в чем то проблема?

– Отправить не трудно, Каха. Только берет меня сомнение. Если наши дела в плачевном состоянии, не останутся ли ребята, вернувшись сюда, без работы?

Да, Журынбек в чем то прав, да и сам Кахарман частенько думал об этом. Казахские ребята не очень приживаются в чужих краях – Кахарман это понял еще в студенческие годы. Вдруг действительно придется им выбирать между чужбиной и родным краем, в котором не будет для них работы? И вообще, согласятся ли они сейчас ехать в Одессу, когда своими глазами видят, какие у нас тут плачевные перспективы.

– Желаящие не передумали?

– Нет. Оно и понятно – прием без конкурса...

– Детей простых рыбаков много?

– Немало. Но мест всего пять. Из них три зарезервировал обком, одно – для облисполкома...

– Хороши! Грамотно поделили.

– Приказ Алдиярова, еще с прошлого года. Я возражал, но разве с обкомом поспоришь?

– Почему я ничего об этом не знал?

– Это как раз совпало с вашими поездками в Москву и на Дальний Восток Каха. А по возвращении не стал вас беспокоить...

– «Деток» в список не включать! Пошлем только тех, кого рекомендовали мы, исключительно детей рыбаков.

Он быстро подписал документы.

– Отправляйте немедленно... Постойте, Журеке, – остановил он начальника отдела кадров, когда тот был уже в дверях. – Если будут к вам претензии, сошлитесь, естественно, на меня...

На обед Кахарман не пошел, остался в своем кабинете. Еще раз мысленно вернулся к тому, что сегодня произошло, и твердо подумал: жалеть тебе, Кахарман, не о чем. Ты поступаешь согласно своим убеждениям. Другого пути у тебя не было.

Мысли Кахармана были прерваны телефонным звонком. Звонил Каримов Султан с Балхаша, давнишний друг Кахармана. Пять лет они вместе учились в Одессе, жили в одной комнате, вместе проходили корабельную практику – все Средиземное море обошли.

– Привет, Кахарман! Прибыли твои рыбаки – выделил им лучшие места, так что без рыбы не останетесь!

– Спасибо, Султан, ты всегда меня выручаешь! У тебя дело или просто звонишь?

– У тебя там все в порядке? Ты мне приснился сегодня ночью. Подумал: надо позвонить, узнать, как он там...

Кахарман растрогался: вот настоящий друг! А что если податься к Султану?

– Жив я, здоров! Сам то ты как?

– Я – ничего. А вот Балхаш наш гибнет, Кахарман...

– А я надумал ехать к тебе. Насовсем...

– Хрен редьки не слаще, Кахарман. Думаешь, здесь лучше? Но все равно переезжай. Сам знаешь, всегда рад тебя видеть...

– Тогда жди. Это будет совсем скоро!

Звонок сокурсника и друга он принял как добрый знак – голос Султана вселил в него надежду. Сейчас ему помощь друзей нужна как воздух. Не зря, наверно, существует эта старинная легенда про молодого, отважного воина Иманбека, который, чтобы выволить друга из плена, согласился на то, чтобы ему выкололи глаза. Рассказывают, что в роде Иманбека оказалось потом много ясновидящих, много искусных целителей и вдохновенных домбристов. Иманбек, оставшись без глаз, говорят, взял в руки домбру и очень скоро прославился. Все лучшие походные кюи, говорят, придуманы им. То было время, когда люди ценили дружбу и, даже враждуя, не роняли человеческого достоинства.

И снова – в который уже раз за сегодняшний день – он вспоминал Акатова. Вдвоем с Кахарманом они, засучив рукава, взялись за дело. Акатов содействовал Кахарману: они открывали в аулах пошивочные мастерские, чтобы занять работой женщин, по их настойчивым просьбам был построен консервный цех рыбзаво-

да. В цехе консервировалась мелкая рыба, прибывающая с Дальнего Востока, поставку которой наладил Кахарман. Польза от этих небольших предприятий была, конечно, малая, но все таки люди стали роптать меньше. Не то чтобы они повеселели, не то чтобы они поверили, что их будущее будет отныне прекрасно. Нет, просто стало намного легче переносить тяготы, не такой безрадостной стала казаться жизнь на побережье.

При открытии ремонтных мастерских в Шумгене Кахарман, когда ему Акатов дал слово, сказал людям: «Дорогие земляки! Край наш скован тяжелым недугом. Прогнозы на завтрашний день неутешительные: болезнь зашла слишком далеко. То, чем придется заняться нам с сегодняшнего дня, – дело негромкое, а иному оно покажется совершенно негероическим. Спорить не буду, земляки, но скажу одну истину, которая от повторения не стала хуже, – у нас почетен всякий труд. Тем более что вынуждены мы будем заняться ремонтом лодочных моторов и другой мелкой техники не для забавы. Мы не сомневаемся – партия и правительство найдут выход из создавшегося положения. Но придется подождать, земляки!»

Люди откликнулись на речь Кахармана и Акатова, верили им безраздельно.

Очень скоро Акатов и Кахарман стали единомышленниками во всем. Акатов стал брать Кахармана с собой в Москву. А на одно из расширенных заседаний министерств и ученых он пригласил также Насыра и Героя Соцтруда Оразбая. На том заседании Акатов изложил полную картину состояния дел в Синеморье, аргументированно и вместе с тем пристрастно. Но проблему быстро свернули на нет, посчитав, что Акатов преувеличивает. Оскорбленный за Акатова, попросил слово Оразбай. Слушали его увлеченно, поддерживали аплодисментами – он говорил смело, уверенно, пересыпая речь меткими, колкими русскими пословицами. Его выступление задело многих. Среди министерских чиновников нашлись неравнодушные люди: стали докладывать об обострившейся экологической обстановке в Узбекистане, Каракалпакии. Насыр толкнул в бок сына и удовлетворенно шепнул: «Не зря ли ты грешил на них? Все они знают про нас – слышишь, какие речи поднимаются!» Акатов, тихо сказал: «Насыр ага, если дадут вам слово – говорите основательно, весомо, а главное – остро. Не думайте, что проблема решена, если в огромном министерском аппарате нашлось несколько нам сочувствующих людей. Пожалуйста, не заблуждайтесь...» Тем временем слово взял профессор Славиков: «То многострадальное, иссыхающее море, о котором мы сейчас здесь говорим, на сегодняшний день фактически брошено всеми, кто ранее пользовался его благами, в том числе и Министерством рыбного хозяйства, как это ни прискорбно слушать присутствующему здесь министру. Оно брошено на произвол судьбы с тех пор, как в нем исчезла рыба. Более того, здесь же присутствующий академик Бараев в своей «известинской» статье предлагает его уничтожить во все, а огромную площадь распахать под посевные земли. Какая сильная, какая смелая научная мысль – вы не находите, товарищи? Не находите? Тогда позвольте высветить ее фоном прежних деяний уважаемого академика, который всю свою жизнь занимается орошением пустынь. Вы ужаснетесь, товарищи, посмотрев на сегодняшнее состояние Каракумского канала, который был построен с его легкой руки. Поезжайте в несчастную Туркмению и посмотрите на то горе, которое принес людям этот канал. Если мало этого горя, то скажу, что позиция академика Бараева напоминает мне об идеях пресловутых лысенковцев, ведь именно он голосовал за отделение Карабогаза от Каспия. Что из этого отделения полу-

чится, мы в полной мере увидим в ближайшие несколько лет. В этом свете мне совершенно непонятно, почему узбекские ученые сейчас говорят: если стране нужен хлопок – дайте нам сибирскую воду! Да не нужно стране такое количество хлопка – поймите, не нужно! Этот хлопок нужен лично Рашидову – а зачем, я думаю, вы все знаете! В своем письме лично к товарищу Рашидову я писал, что, если Узбекистан не откажется от выращивания такого количества хлопка, – этот хлопок погубит всю узбекскую землю, разорит весь узбекский народ! Прошел год – член Политбюро молчит».

Председательствующий Полат заде поспешно оборвал ученого:

«Матвей Пантелеевич, к сожалению, регламент. Ваше время истекло».

«Мое – может быть, – мрачно отреагировал Славиков, поняв подоплеку. – Как бы не истекло другое время – в том числе и ваше: отпущенное на то, чтобы успеть исправить ошибки. Море – дар природы, и никто...»

Снова его прервал Полат заде:

«Матвей Пантелеевич, никто здесь не возьмет на себя ответственность соглашаться с вашей односторонней точкой зрения. – Раздражение председателя стало нарастать. – Каракумский канал – гордость республики. Не трогайте его. Если Родина потребует, мы осушим и Синеморье! Это море – ошибка природы. Так я понимаю вопрос!»

«Природа не делает ошибок, Полат заде. – Славиков брезгливо посмотрел на председательствующего. – Разве что в отношении мозгов отдельных человеческих особей».

В зале раздался смех. Полат заде, к лицу которого будто бы только что припечатали тавро, застыл, не зная, как себя дальше вести. Профессор между тем продолжал:

«Родина – понятие не абстрактное. Родина должна уважать людей, заботиться о них. То же относится и к государству, к власти. На сегодняшний день власть и народ – стали недругами. Потому что народ – это множество людей, которые работают на земле, а власть – это кучка чиновных, аппаратных «ясновидцев», которая кормится его трудами. Судьба этого моря волнует простых людей, народ – но не власть. Ведь не они расхлебывали это горе, оно от них далеко. Вот и все, что скрывается за вашими словами, товарищ Полат заде, – Родина, гордость...»

Зал обмер. Лишь слышался шорох шагов профессора, покидающего трибуну. Насыр первым начал хлопать, его поддержали рядом сидевшие молодые ученые. Он так был потрясен выступлением профессора, что, ни минуты не медля, резко встал и пошел к трибуне. «Кто вы такой?» – испуганно вскричал Полат заде. «Я обычный рыбак», – ответил Насыр и начал говорить:

«Я старый человек, многое повидал на своем веку. Но такой пустой болтовни, которую довелось мне услышать за эти два дня, мне еще не приходилось встречать. – Он сердито оглянулся на Полат заде. – Вы же забили тех нескольких умных людей, которые предлагают вам дело: спасти море, спасти людей! Вы их заболтали, заругали со всех сторон. И подумал я: сегодня мы погубим это море, пустим по миру людей, которые живут там, а ведь завтра это окажется большим грехом! Нас осудят наши дети, они уже сейчас проклинаят нас. Эх, лучше бы я погиб под Москвой в сорок первом году в обнимку с винтовкой – зачем я дожил до сегодняшнего дня?! Думали – заживем после войны, строили, не жалея сил, здоровья, а тут новая война, невидимая. Не понять, кто же идет на нас: власть?»

Бог? сам человек? Пощадите человека: дайте ему пожить по человечески, разве он не заслужил этого? Сколько же можно стрелять в него, морозить в лагерях, водить за нос на стройку коммунизма, а теперь истреблять, будто он самое поганое, самое последнее животное! Я помню наш край в послевоенные годы, когда в море была рыба. Кто только не жил на его берегах: русские, немцы, казахи, корейцы, эстонцы... Теперь они уехали, со своим несчастьем, лицом к лицу остались лишь казахи и каракалпаки. Тем было куда уехать! А куда деваться казаху и каракалпаку? Они умрут вместе с морем – такая, значит, у них судьба. Прав профессор Славиков – эти несчастные люди не нужны никому! Благо от узбекского хлопка получили чиновники, а все горе осталось на долю простого народа. А горе – невосполнимо, когда вымирают народы! Врачи подсчитали, что каждая сотня из тысячи новорожденных в нашем крае умирает. Откуда такая напасть? У только что родившей женщины молоко оказывается непригодным для кормления младенца! Как это объяснить? Люди, до чего мы довели землю? В кого превращаемся сами? Я теперь не верю ни одному вашему слову! И когда приеду – скажу всем, чтобы не верили вам. Ни сегодня, ни впредь!»

Так закончил Насыр и с достоинством пошел к своему месту. Зал аплодировал ему стоя. Акатов после совещания порывисто обнял Насыра: «Вы, Насыр ага, сказали то, о чем не могли так прямо сказать мы!» Кахарман тоже восторженно смотрел на отца. Московский писатель Залыгин, сидевший неподалеку от Насыра, горячо пожал ему руку, поздравил.

«Вы убедили нас, – сказал писатель, – в том, что чувство хозяина страны еще живо и что оно присуще народу, нежели кучке карьеристов Минводхоза! Будь хозяин, он бы не позволил разорить землю. Кто хозяин этой страны? Государство? Рыбаки? Крестьяне? Нет хозяина! Вот в чем беда». К ним подошел Славиков и представил Насыру знаменитого писателя.

«А вы много читаете, Насыр ага?» – спросил Залыгин.

«Ваших книг я, Сергей Павлович, не читал, но с тех пор, как нас постигла беда, мы много чего читаем о защите природы. Не все я понимаю, спасибо сыну – всегда объяснит. Русские писатели много делают для того, чтобы спасти землю, реки, моря...»

«Это так, – ответил Залыгин, – но вы понимаете, что это лишь начало борьбы – впереди нас ждут трудные годы...»

«Вчера слушал ваше выступление. Мы тоже считаем, что морю нашему нужна вода не сибирских рек, а своя собственная – из Амударьи и из Сырдарьи».

«Это вы так считаете. А ваше руководство другого мнения», – сказал Залыгин.

«Я хозяин только своим мыслям, своей совести. – Насыр помолчал, обдумывая то, что собирался сказать дальше.

– Вы пишете и говорите о реках и озерах Сибири, но ни словом не обмолвились о нашей беде. А ведь все в природе взаимосвязано. Или вы думаете, что если высохнет наше море, то смерть его не заденет Байкала в Сибири, какого нибудь озера в Америке или даже в Африке?

Залыгин согласно кивнул:

«Вы правы, Насыр ага, мы не писали ничего о вашем море. Мы заметили его беду очень поздно...»

«А сколько раз говорил я вам! – вмешался Славиков. – Все уши прожужжал!»

«Будем возвращать долги. Обязательно начнем возвращать!»

«Друзья! – предложил Славиков. – А не поехать ли сейчас ко мне в гости? Всей нашей компанией? А, Сергей Павлович? Кстати, хочу вас познакомить с еще одним доблестным, порядочным человеком: это Акатов Рахим Акатович...»

«За знакомство спасибо, – ответил Залыгин, обмениваясь рукопожатием с Акатовым. – А вот насчет гостей... Ей богу, хочется, но сейчас не могу...»

Славиков крайне ценил ум и деловитость Акатова. Не раз с начала марта и до поздней осени Акатов наезжал к профессору на один из островов, где была расположена лаборатория, – они подолгу разговаривали, не одну бумагу, не одно письмо они написали в Алма Ату и Москву. Славиков сильно досадовал на то, что Акатова переместили в одно из захудалых министерств. Это означало, что дела в области, которую оторвали от Акатова, сильно ухудшатся. Кахарману Славиков сказал: «Нашим властям нужны сговорчивые, тихие люди. Человека, который имеет собственное мнение, а тем паче – совесть, они отодвигают от себя подальше – чтобы не кусался. Тебя, Кахарман, тоже ожидают неприятности. Думаю, что ты сам догадываешься об этом. Хочу предупредить: что бы там ни было – не отчаивайся раньше времени. Гни свою линию до конца. Это говорю тебе я, старый профессор...»

«Матвей Пантелеевич, я не забываю слова Вавилова: «Пойдем на костер, но от убеждений не отречемся».

В гости к профессору они поехали без Залыгина. За столом снова разговор зашел о Вавилове, о настоящих русских интеллигентах.

«Кто сегодня, по вашему, Кахарман, может считаться интеллигентом? Что это за слово такое – интеллигент?»

«Наверно, это не те люди, у которых высшее образование: уж в этом то я не сомневаюсь...»

«И вы правы, друг! Интеллигент – это человек с острым мышлением, это скромный и культурный человек. В нашей стране так называемая «интеллигентская прослойка» – это миллионы людей. Подумать только! Целая армия! Но если в стране такое количество интеллигентов – по статистике – как она могла докатиться до нынешнего состояния? Я так думаю, Кахарман Насырович: интеллигент – это, прежде всего человек совестливый, это – гражданин своей страны!»

Славикову нравились такие вечера в его доме, когда собирались за столом люди близкие ему по духу и появлялась возможность говорить открыто, от души. Рыбаков, которые в Москве бывали не так уж часто, он привечал так же радушно, как они принимали его на Синеморье. Похоронив прошлым летом жену Софью Павловну, он жил теперь с Игорем и с невесткой Наташей. Сейчас ждали Игоря. Он звонил из Обнинска перед выездом, должен был вот вот появиться.

«Он будет не один, – предупредил профессор. – С ним молодой американский ученый, хороший парень... – Он сел поудобнее и заговорил: – Вот Кахарман помнит наизусть многое из Вавилова. А я начинаю подзабывать – первый признак старости... Прекрасный был человек Николай Иванович! Но в дикое время жил. Ни в одной стране мира не было уничтожено столько интеллигентов, как в нашей в те годы! Он уже вошел в науку, мы, молодые, считали его гением. Он был красив, благороден: и духом, и внешне. Помните слова Чехова: «В человеке все должно быть прекрасно – и душа, и тело...» Так вот, это было сказано, наверно, о Николае Ивановиче. С кем бы мне его сравнить, чтобы стало понятно... А! Ваш Сакен Сейфуллин тоже был замечательной личностью».

«Вам приходилось встречаться с Сакеном Сейфуллиным?» – поразился Акатов.

«Я сидел с ним в одной камере, в Алма Ате. Казахам тогда доставалось больше, чем другим. Их обвиняли в национализме и жестоко истязали. Сакен мне говорил, что таких зверств не было даже в смертном вагоне Анненкова. Тогда он выглядел крайне разочарованным в том, чему посвятил всю свою жизнь. Однажды на рассвете его привели в камеру после ночного допроса – вернее, приволокли, он не мог стоять на ногах. Его втолкнули и бросили, он был без сознания. Мы подняли его, положили на топчан. Казахи заплакали, хотя им и самим было не сладко:

«Саке, что же они с тобой сделали?..»

Сидел с нами здоровенный мужик Мусахан – грузчик из Иртышского пароходства. Стал он от ярости пинать дверь: «Изверги! Свины!» На другой день его расстреляли – грузчика этого.

Только к вечеру Сакен пришел в себя. Мы обмыли ему лицо, дали напиток. Он сказал мне: «Матвей, дело наше, кажется, проиграно, за что боролись – на то и напоролись...» Это он сказал еще тогда, много много лет назад, – теперь я понимаю, каким он был прозорливым.

И Вавилова замучили. Я знал людей, которые сидели с ним в саратовской тюрьме, – они рассказывали легенды о его благородстве. Я – ученик ученика Вавилова. Моего учителя, Нестерова, как и Вавилова, тоже расстреляли. А меня сослали в Алма Ату. Оттуда – в лагеря. С вашим Акбалаком я встретился на Колыме...»

«Я не знал, Матвей, что ты знаком с Акбалаком так давно», – проговорил удрученный рассказом Оразбай.

«Об этом знает только Насыр».

«Да, Матвей... То, что пережил ты, – другому хватило бы на три жизни... Ты любил каторжные песни киргизского поэта Токтогула, помнишь?»

«Как же, как же не помнить?..»

Насыр настроил домбру и сильным голосом запел:

Бесконечен каторги срок,
И рассудок мой изнемог.
Пыль покрыла мое лицо,
Пыль изгнания, пыль дорог.
Далеко дорогой аул.
Дома жаворонком я был.
Мой народ, ты помнишь меня
Или, может, уже забыл?
Все – на каторге, все – друзья,
Обездоленные, как и я,
Вон казах, татарин, узбек.
Вон киргиз и русский, гляди!
Всех загнали в крошечный снег,
И у всех страданье в груди.
В муках каторги стынет кровь.
Молодые ушли года.
Неужели родимый кров
Не увижу я никогда?

Когда в дверь позвонили, Славиков попросил Насыра: «Насыр курдас – это Игорь с американцем. Ты уж спой им сегодня. Отец этого парня – известный американский ученый. В свое время этот достойный человек в знак протеста против сталинского режима отказался от почетного членства в советской Академии наук...»

Белокурого молодого человека гостям представил Игорь: «Знакомьтесь, это Генри Тримбл. Тебе, Генри, еще не приходилось видеть казахов, тем более слышать их песни. Сегодня, кажется, выпал такой случай...»

«О'кей! – рассмеялся американец. – Ты не совсем прав, Игорь: у меня есть друг – казахский поэт Олжас Сулейменов!»

«С таким человеком и я бы не отказался дружить! – подхватил весело Славиков. – Это один из любимых моих поэтов. Вот его стихи, я помню:

Сырдарья погоняет ленивые желтые волны.
 Белый город Отрар, где высокие стены твои?
 Эти стены полгода горели от масляных молний,
 Двести дней и ночей здесь осадные длились бои.
 Перекрыты каналы. Ни хлеба, ни мяса, ни сена,
 Люди ели погибших
 И пили их теплую кровь.
 Счет осадных ночей майским утром прервала измена,
 И наполнился трупами длинный извилистый ров.
 Книги! Книги горели! Тяжелые первые книги!
 По которым потом затоскует Восток!
 О кипчаки мои!..
 Степь терпеть не могла
 Яснолицых веселых людей.
 Кто не сдался, тому торопливо ломала хребет,
 И высокие камни валила тому на могилу,
 И гордилась высоким,
 И снова ласкала ребят.
 Невысоких растила,
 Высоким – из зависти мстила.
 Так я буду стоять, пряча зубы у братских могил...
 Я согласен быть Буддой, Сэсю
 И язычником Савлом!
 Я согласен быть черепом,
 Кто то согласен быть саблей...
 Так мы будем стоять!
 Мы, Высокие, будем стоять!

Славиков читал стихи с большим душевным волнением страстно.

– Вот какие стихи! Вот где труженик Бога! Ваш Олжас не только большой поэт, к тому же выдающаяся личность... Пой, Насыр, пришел и твой черед. Пусть Генри послушает песни Синеморья...

Насыр взял в руки домбру. Протяжный гортанный звук наполнил комнату, и все враз притихли. И лилась песня скорби и печали...

Глади широких лазурных озер
 Не превратятся в морской простор,
 Если в низинах у них проток.
 Что в светлом небе светлей луны?
 Но остаются ночи темны,
 Если луну поглощает мрак.
 Кто среди когтистых сильнее льва?
 Но и его стережет стрелок,
 Смертью грозя за неверный шаг.
 Волк подстерег в кустах табуны.
 Спит ли пастух? Если спит – смелей
 Рви и терзай овец и коней!
 Разве мольба моя не мертва,
 Разве мой зов не тщетно звучит,
 Если мой лев отважный убит?
 Я потерял и вождя и народ...
 Лебедь отставший, – что меня ждет?..

Потом решили прогуляться по ночной Москве. Город спал, улицы были пустые, тихие. Даже на обновленном Арбате уже не было молодежи.

Кахарман порадовался, что в годы учебы серьезно занимался английским. Генри он понимал почти без труда и на его вопросы отвечал довольно таки уверенно, хотя по английски ему приходилось говорить далеко не каждый день. «Я хочу приехать в Казахстан! – заявил вскоре Генри. – Приглашаете?» – «Конечно!» – ответил Кахарман. «А разве на Синеморье пускают иностранцев?» – засомневался Игорь. «А перестройка! – воскликнул Генри. – Зачем тогда она нужна?» – «Генри, – спросил Кахарман, – какого вы мнения о нашей жизни? Со стороны лучше видится...» Американец ответил совершенно чистосердечно: «Не могу сказать, какое будущее ожидает вас, хотя простым людям сочувствовал всегда. Но на сегодняшний день ваше общество тормозит развитие всей цивилизации – это факт».

Некоторое время они шли молча.

«Не думайте, что мы не совершаем ошибок, – сказал Генри, – ох ох! Мы так крепко ошибаемся, что многое нами утеряно безвозвратно. Взаимосвязь природы и человека настолько тесна, что они находятся в постоянной зависимости друг от друга. У вас в Средней Азии, кажется в Отраре, обнаружена самая совершенная система орошения земли. К сожалению, то, что было достигнуто вашими предками, уничтожено. Отношение человека к природе показывает уровень развития нации».

«Главное, чтобы человек не забывал, откуда он появился, куда идет...»

«Совершенно верно, Кахарман! Теперь вам, некогда непрезвзойденным дехканам, остается изучать наш опыт и не повторять наших ошибок. Их труднее исправлять, чем не совершать».

«Американцы говорят: пусть после нашего пребывания на земле станет еще лучше, чем было до нас. Это – человечнейший принцип!» – подхватил их разговор Игорь.

«Мы реку Буффало объявили национальным достоянием. Никому в голову не придет укрощать ее плотинами или поворачивать вспять».

Кахарман даже застонал от зависти и безысходности.

«У нас, в США, одна треть земли находится под общественным контролем. Политические симпатии конгресса могут меняться, но он всегда остается на стороне природы. Ибо конгресс никогда не пойдет против нации, не станет рисковать ее доверием».

«А наш директор института водных проблем Воропаев считает Синеморье ошибкой природы. И ему все сходит с рук», – сказал Кахарман.

«Он сам – ошибка природы. Разве это ученые? Это всего навсего кремлевские холуи. Рабы! А не министры», – зло сказал Игорь.

«Я удивляюсь тому, что и ваше государство, и наши компании всегда находят полезные ископаемые в самых красивых местах. Мы упускаем из виду то, что наше будущее зависит не только от энергии».

Приятно было бродить по пустым, малоосвещенным переулкам. Чувствовалось в старых кварталах города, молчаливо хранивших таинство минувших лет, свое особое очарование. Игорь любил улочки Арбата еще и потому, что это были места его детства и юности. Чем то незабываемым, родным и близким веяло от старых домов, притихших в ночном сумраке.

«В этот приезд мне удалось посмотреть фильм Тарковского «Андрей Рублев». Это не кино, это сама жизнь! Большая, загадочная судьба русского духа, – мечтательно сказал Генри. – Огромное удовольствие получил. Жаль, что у вас коронацию великих художников принято проводить после их смерти. Еще одна из загадок русской природы».

«Тебе это трудно понять», – сказал Игорь.

«Мне этого никогда не понять, – улыбнулся Генри. – Этого нельзя понять. Отказываюсь понимать, – продолжил он уже серьезно. – У нас труд художника оценивается по достоинству. Человек заслужил, пусть радуется и будет счастлив. Он на славу поработал ради Отечества. Слава ему! У человека короткий век. Любить и уважать его надо при жизни. А что будет на том свете, никому не известно. Тем более что я не верю в Бога».

Гуляли они до утра, поговорили о многом; разошлись на рассвете. Кахарман отправился в гостиницу «Москва». Постучал в дверь, ему открыл отец. В столь ранний час они уже пили чай. «Вам что Москва, что аул», – рассмеялся Кахарман. После чая вышли на балкон. И Оразбай признался Кахарману: «Мне не понравилась атмосфера на вчерашнем совещании. Я понял – они наше море давно вычеркнули на своей карте красным карандашом. – Потом задумчиво добавил: – А у нас у каждого семья: дети, жены, родители. Нужно подумать о них». Тогда то и понял Кахарман, что Оразбай уже решил переезжать. Так оно вскоре и случилось – Оразбай первым покинул побережье.

Снова вошел Журынбек и отвлек Кахармана от мыслей. Одновременно зазвонил телефон. Это был Ержанов. Он сообщил, что Кахарман от должности отстранен, просил зайти в облисполком к концу рабочего дня.

– Хорошо, – ответил Кахарман и положил трубку.

– Каха, – доложил Журынбек. – Я отправил документы.

– Спасибо, Журеке. Пусть молодежь учится, знания не помешают, даже если они не вернутся сюда.

Журынбек не ответил, он был в каком то замешательстве, что не ускользнуло от Кахармана:

– Журеке, вы хотели что то спросить?
 – Каха, Самат Саматович сказал мне, что вас сняли с работы. Это правда?
 – Ну, если Самат Саматович говорит – значит, правда. Он в таких вопросах врать не станет. Завтра я попрощаюсь с сотрудниками. А вы готовьте приказ о моем увольнении. И хорошо бы поторопиться с расчетом: возможно, что мне понадобятся деньги.

На следующий день Кахарман был уже в Караое – он приехал прощаться с родителями. Вечером вместе с Айтуган и детьми держал путь в Алма Ату. Оставил семью жить в гостинице, сам отправился на Балхаш, как и задумывал.

Балхаш встретил Кахармана неприветливо: холодным песчаным ветром. Людей, которых обещал выслать к самолету Султан Каримов, он не нашел. В небольшом здании городского аэровокзала было душно, повсюду слышалась громкая кавказская речь сезонщиков. Песчаная буря набирала силу минута за минутой, и Кахарман почувствовал себя загнанным в западню зверем.

VII

Хоть и соглашались с Насыром люди, что этот дождь был послан Аллахом, которому уже не вмоготу стало видеть напрасное усердие Насыра, – но всевышнему же стало угодно через тридцать восемь дней прекратить ливень. Тучи рассеялись, выглянуло яркое солнце и высветило обновленные барханы и лощины, которые уже покрылись зеленью.

Насыр вышел на улицу и пошел к ремонтной мастерской, что была на окраине Караоя. В ауле было тихо, и только в этой мастерской кто то звонко стучал по металлу. Впрочем, не вовсе безлюден был Караой. Проходя, Насыр слышал в окнах некоторых домов женские голоса, детский смех. На этих окнах взгляд его радостно задерживался; на брошенные же дома он старался не смотреть. А ведь может исчезнуть вовсе этот знаменитый на все побережье аул Караой. Умрет море, умрет и аул. Много веков худо ли, бедно ли, но он жил, а вот теперь исчезает. И никто не ответит на простой вопрос: кому это надо? Почему так случилось?

И тебя нет рядом, Кахарман, уж, верно, ты мне чегонибудь присоветовал бы, сам то я уже мало что соображаю: старым я становлюсь, Кахарман, старым совсем... Спасибо, что хоть снишься.

В самом деле, сын снился Насыру теперь часто – правда, во всех снах одинаковый: хмурый, озабоченный. Снилась ему белуга, которая когда то напала на его лодку. Снилась война, снились послевоенные годы. Насыр терялся в догадках. Казалось ему, что это должно было иметь какое то значение. Порою утром, обдумывая тот или иной сон, он сбивался в молитвах, путался.

Он перешагнул порог мастерской.

– Думаю, кто тут возится с раннего утра? А это ты...

И он поприветствовал охотника Мусу.

– Я, кто же еще? Всех председатель забрал с собой – слышал, полны заливы рыбы? Ну и темп у них там! В десять дней дадут годовой план!

– Сбылись бы твои слова. Теперь работа без плана немыслима...

– Поэтому председатель и не слазит с меня. Даже на ремонт моторов есть план. Не выполнить его нельзя, говорит. Вот подожди, говорит, скостят скоро их – отпущу тебя с миром. А потом, говорит, не будет никаких планов вообще.

– Как так? – изумился Насыр. – Как же работать без планов?

– Наке, не спору: в молитвах ты, возможно, и преуспел, а вот от жизни ты отстал – это точно. Этот начальник из области – как его зовут: Самат, что ли, Саматович? – заявил на днях, что скоро закроют не только эту мастерскую, но и весь аул...

– Чего это ты болтаешь! – замахал на него руками испуганный Насыр. – Всего неделю назад я видел его в море, ничего он такого не говорил!

– Испугался? – улыбнулся Муса.

Он выхватил из углей раскаленную деталь, бросил ее на наковальню и поднял тяжелый молот словно игрушку. Мусу, всю жизнь кузнечившего в Караое, никто не называл кузнецом. Для всех он был охотником. Люди уважали необычную для этих мест увлеченность Мусы быстроногими скакунами, псами, охотой. Выходившие его заботливой рукой скакуны не знали себе равных на скачках.

Муса как в воду глядел. Дней через десять в Караой прибыли из области люди вместе с Саматом Саматовичем. Самат Саматович потребовал срочно собрать собрание. И сказал такую речь: высшее начальство требует мастерскую закрыть, и немедленно! Доходы от нее невелики, производительность труда очень низкая, содержать ее нерентабельно. Ремонтники были ошарашены этим нелепым решением:

– А как же мы? Куда деваться нам? По миру идти?

– Самат Саматович на все вопросы отвечал односложно: – начальство знает, в верхах думают, в верхах вопрос решается.

Тогда негодующий Муса выкрикнул:

– Верхи для нас – это ты! Вот и отвечай прямо – нечего темнить!

Самат Саматович твердил свое: есть начальство и повыше.

– Им не нравится, – воскликнул Муса, – когда говорят, что всё, мол, в руках Бога. А в ваших руках тогда что? – В клубе грянул смех.

– Верно, Муса говорит! Правду говорит Муса!

Снова Насыр вспомнил Кахармана. Теперь он удивился тому, как далеко вперед заглядывал его сын. Вот они, те люди, для которых он старался, – сердито выкрикивают из зала в лицо этому самодовольному дураку свои вопросы.

Наряду с той мастерской Кахарман организовал рукодельную артель. Женщины в этой артели вышивали, ткали ковры, а оставшиеся без дела рыбаки, руководимые Мусой, ковали браслеты, кольца, делали женские украшения. Все это отвозилось на продажу в город. Насыр и сейчас помнит, как растрогали Кахармана первые артельные товары. Только потом сын объяснил Насыру: это, конечно, и неплохой приработок людям, но главное – это зачатки возрождения народной культуры, национальной духовности. Четверых ребят, в которых Муса пробудил талант, Кахарман отправил на учебу во Львов. Браслеты же и перстни, изготовленные самим Мусой, получили призы в каком то немецком городе, потом эти свадебные украшения переправили в алма атинский музей. А теперь этот толстопузый дурак сообщает, что мастерская и артель будут закрыты. Чем же тогда удержать людей в ауле? А ведь сюда, в Караой, съехались на работу бывшие рыбаки почти из всех колхозов побережья! Если не стало рыбы, если накроются и эти заработки, то как людям жить? Чем кормиться?

– Успокойтесь! – милостиво сказал Самат Саматович. – Мастерские закрываем не сегодня. Но планы будут урезаны уже с завтрашнего дня.

Приезжее начальство укатило в трех машинах, поднимая дорожную пыль. Насыр отправился домой. Еще издали увидел у ворот Бериша с внучкой Акбалака Айгуль. Увидел – и заворочалось в сердце его что то тяжкое, тоскливое. Захоте-

лось тут же оседлать кобылу и поехать к Акбалаку. Вошел в сарай и молча стал гладить сивую по крупу, обнял за шею, прижался лицом к холке, еле сдерживая подступающие слезы.

Увидев Насыра в сарае, Корлан, проходя мимо, окликнула:

– Насыр, время молитвы пропустишь...

Насыр обернулся. Корлан лишь вздохнула и подумала: «Горемычный ты мой, горемычный...» Ребята разговаривали о своем.

– Когда вы уезжаете?

– Ночью, – ответила Айгуль.

– Наверно, не к дедушке в аул?

– Нет. На Зайсан. Папа уже был там, нашел работу.

– Через неделю меня здесь тоже не будет. Напишешь?

– А куда?

Бериш достал из кармана сложенный лист, на котором заранее написал адрес.

Айгуль робко взяла бумажку и, чуть не плача, подняла лицо.

– Бериш, ты веришь, что наше море скоро исчезнет? – грустно спросила Айгуль.

– Как я могу в это верить? Это чушь!

– А я бы хотела вернуться сюда, когда буду уже совсем взрослой...

– Я то обязательно вернусь. Не может такого быть, чтобы море исчезло...

– А знаешь, многие собираются уезжать отсюда. Мы тоже этой ночью не одни отправляемся.

– А почему ночью?

– Днем?.. А как же днем? Стыдно смотреть в глаза людям. Нужно уезжать ночью, говорит отец...

– Если уж уезжать, то без разницы: днем или ночью. Главное – не уезжать украдкой, как воры. Мой отец, уезжая, собрал людей, по человечески со всеми попрощался...

– Бериш, я тебе пока не могу дать адрес – еще не знаю точно, где мы будем жить. Возьми вот это от меня. – И Айгуль протянула Беришу плоский, блестящий камушек, величиной с монету. – Я была совсем маленькой, когда его мне подарил отец...

Бериш внимательно разглядывал подарок Айгуль.

– Ты знаешь, что это за камень?

– Даже не догадываюсь.

– Это королек.

– Откуда ты знаешь?

– Из такого камня Муса ага вырезает всякие вещички. Когда попадетса плоский и широкий, на нем можно рисовать или писать. Я на этом корольке вырежу твое изображение...

Айгуль покраснела и быстро ответила:

– Я побегу, Бериш. Прощай. Я тебе обязательно напишу!

И она побежала, утопая по самые щиколотки в песке. Затем обернулась, помахала ему рукой и побежала дальше.

– Буду ждать письма! – крикнул Бериш. Она еще раз обернулась и закивала головой.

За полночь Бериш незаметно выскользнул из дома. На крыльце соседнего дома кто то махнул ему рукой:

– Бериш, иди сюда!

– Есен, ты? – обрадовался Бериш.

– Я, конечно. Тоже вышел понаблюдать за дезертирами...

– Сколько же людей уезжает?

– Больше половины. Передние уже далеко, их не видно. Я давно наблюдаю.

Грустная картина, доложу тебе.

– А уж как дедушка огорчится!

– Пусть не огорчается – было бы по кому! Пусть молдеке молится богу, как и прежде: по пять раз в день. А вдруг море снова станет полноводным? Они начнут возвращаться – вот увидишь. Тогда то мы с тобой посмотрим на них, а? Завтра же сам поговорю с молдеке: пусть не перестает молиться. Если устанет – приду на помощь...

– Ты же не знаешь молитв?

– Он научит. Я запомню их все! – Есен помолчал. – Ладно, пойду спать... Ох, и шум будет завтра: проснутся – половины аула нет!

Первой заметила происшедшие изменения в ауле Кызбала. Как всегда, она встала спозаранок; вышла с белой козой на улицу и обмерла. Ужас вселили в ее душу дома с заколоченными крест накрест окнами и дверями.

– А-а-а! – закричала истошно сумасшедшая и, задрвав подол, побежала к морю. За ней припустили коза с козленочком. Старуха испугалась крепко: ей казалось, что в ауле она осталась одна.

Насыр, услышав истошный вопль, вскочил с постели. Корлан тоже поднялась:

– Иа, Алла, что же случилось?

– Кызбала кричит, ты лежи, а я пойду, посмотрю...

Аул наполовину был пуст, дома были брошены: скрипели на ветру открытые калитки, ставни окон и ворота. Насыр замер: душа его будто бы в раз схлынула вниз, к ногам. Он жалко, беспомощно посмотрел в сторону моря. От моря отделилась фигурка сумасшедшей и стала приближаться. За Кызбалой бежала, жалобно бляя, ее коза с козленочком. Приблизившись к Насыру, Кызбала остановилась. Дышала она тяжело, порывисто. Вдруг рухнула на песок – силы, видимо, оставили ее в эту минуту. Насыр бросился ее поднимать, Корлан спешила к несчастной с водой, зачерпнула ковшом и стала брызгать Кызбале в лицо. Та скоро открыла глаза и тихо, виновато улыбнулась; впервые за много много лет Насыр видел ее глаза такими – лучезарными, осмысленными.

Они посадили сумасшедшую на лавочку во дворе, в тени. Коза с козленочком уткнулись в пучок зеленой травы, которую с вечера Насыр заготовил для своей сивой. – Посиди, Кызбала, отдохни... – погладила Корлан безумную по голове. Но недолго отдыхала Кызбала – встала и пошла со двора, за нею, как обычно, поплелись коза и козленочек.

С того дня люди стали покидать Караой не скрываясь ни от кого. Порученные в верховьях плотины были восстановлены, море снова стало мелеть, день за днем отдаляясь от аула. Теперь целыми днями Насыр лежал дома и перечитывал газеты.

ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АВАРИИ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ ПРОКАТИЛАСЬ волна митингов и выступлений. Кратко их суть – протест против строительства атомных станций (АС). Разгорелись и не утихают дискуссии между специалистами атомщиками и «зелеными». Последние считают: атомная энергетика приносит

вред окружающей среде и здоровью населения. Атомщики утверждают: опасения эти гипертрофированы, а вред от других источников энергии – ГРЭС, ГЭС, ТЭЦ – вполне реален и, увы, значителен.

АКТИВИСТЫ КОАЛИЦИИ АНТИВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ округа Аламеда (штат Калифорния) начали сбор подписей под петицией, призывающей объявить округ зоной, свободной от ядерного оружия. Два федеральных министерства – обороны и энергетики – очень болезненно отреагировали на эту инициативу. Их раздражение вполне объяснимо: на территории округа находится Ливерморская национальная лаборатория имени Э. Лоуренса – один из основных научных центров США по разработке новейших систем ядерного оружия.

Попытки объявить Аламеду безъядерной зоной предпринимались и в прошлом, но все они закончились безрезультатно. Но на этот раз у антивоенных сил есть реальный шанс достичь своей цели. Для того чтобы вопрос был поставлен на референдум, необходимо собрать под петицией 38 тысяч подписей. Администрация лаборатории отрицательно относится к перспективе своего превращения в безъядерный центр. Она называет инициативу антивоенных сил «неразумной и очень агрессивной».

В 8 ЧАСОВ 00 МИНУТ ПО МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ Семипалатинска произведен подземный ядерный взрыв мощностью от 100 до 150 килотонн.

Указанное испытание произведено в интересах советско американского эксперимента по контролю.

Радиационная обстановка в районе испытаний и за пределами полигона нормальная.

В ТРЕТЬЕМ КОМИТЕТЕ ООН (СОЦИАЛЬНЫЕ, ГУМАНИТАРНЫЕ вопросы и вопросы культуры) без голосования принята резолюция о всемирной программе действий по мобилизации усилий международного сообщества на борьбу против наркомании.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПАМЯТНИК КХМЕРСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ XII ВЕКА Анкорват пострадал от урагана, в связи с чем правительство Камбоджи обратилось с призывом оказать международную помощь в восстановлении этого памятника, сообщило агентство СПК.

Министерство культуры Камбоджи обратилось к международным организациям, правительствам и неправительственным учреждениям всех стран с призывом «предпринять срочные шаги для оказания помощи в деле восстановления и сохранения этого архитектурного чуда», которое является достоянием общечеловеческой культуры.

ПОКИНУЛА АНГОЛУ ОЧЕРЕДНАЯ ГРУППА КУБИНСКИХ ВОИНОВ интернационалистов. С отбытием 10 000 военнослужащих завершен вывод из Анголы половины кубинского воинского контингента. Поэтапный полный вывод кубинских войск из Анголы осуществляется на основе соглашения, подписанного в декабре прошлого года в Нью Йорке в рамках процесса урегулирования на Юго Западе Африки. В соответствии с этим документом начатое в январе возвращение военнослужащих на Кубу должно завершиться к 1 июля 1991 года.

В МИНУВШУЮ СРЕДУ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ЛЕТ ДВАДЦАТИ ворвался в аудиторию Монреальского университета, где находились 60 студентов, и приказал лицам мужского пола покинуть помещение. Затем он открыл огонь, убив 14 девушек. Преступник застрелился.

О ПРИЗНАНИИ ЗАКОННЫМИ И ПРЕСТУПНЫМИ РЕПРЕССИВНЫХ АКТОВ ПРОТИВ НАРОДОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ НАСИЛЬСТВЕННОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ, И ОБЕСПЕЧЕНИИ ИХ ПРАВ.

Сегодня, в период революционного обновления советского общества, когда начат процесс демократизации, очищения всех сторон нашей жизни от деформаций и искажений общечеловеческих принципов гуманизма, в стране усиливается стремление знать всю правду о прошлом, чтобы ускорить его уроки во имя будущего.

Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Об этом забыть нельзя.

Варварскими акциями сталинского режима явилось выселение в годы второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок месхитинцев, чеченцев. Политика насильственного переселения отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов и других народов.

Верховный Совет СССР безоговорочно осуждает политику насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя.

ГОСУДАРСТВЕННО КООПЕРАТИВНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ АНТ ПЫТАЛОСЬ продать за границу 12 новеньких танков. Предстоит выяснить, каким образом танки с Урала отправились по зарубежному адресу.

С ЧУВСТВОМ ГЛУБОКОГО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКОЙ гордости коммунисты, все граждане социалистической Румынии всецело одобрили решение пленума предложить XIV съезду переизбрать товарища Николае Чаушеску – героя среди героев, выдающегося руководителя нации, гениального зодчего социалистической Румынии, выдающуюся личность современности – на высшую должность Генерального секретаря Румынской компартии.

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В БАКУ, В РЯДЕ ДРУГИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ Азербайджана, а также в некоторых районах Армении произошли трагические события, которые острой болью отозвались в сердцах советских людей. Пролилась кровь, имеются человеческие жертвы среди лиц армянской, азербайджанской и других национальностей.

КРЕЩЕНИЕ, МИРОПОМАЗАНИЕ, ПРИЧАЩЕНИЕ, ПОКАЯНИЕ, СВЯЩЕНСТВО, брак, елеосвящение... Семь таинств православных, и каждое подобно вехе на пути духовного восхождения человека. Сегодня церковные обряды открыто возвращаются в нашу повседневную жизнь. Люди тянутся к храмам, видя в них источник добра, милосердия, помощи и надежды.

Снова Насыру приходилось седлать кобылу – пешком до моря теперь было не дойти. Он продолжал свои пятикратные намазы на берегу. Караой стал хиреть. Брошенные собаки кружили в заброшенных дворах, уныло заглядывая в свои пустые площадки, потом стали уходить в пески за мышами и сусликами: с каждым днем все дальше и дальше. С ними повадился и пес Насыра. Все реже теперь его встречал Насыр во дворе. Настал день, когда пес ушел навсегда.

– Стало дичать все вокруг, – сокрушался Муса. – Посмотрел бы ты, Насыр, пески кишат дикими собаками и лошадьми, они ходят стаями и табунами...

Лишь Есен не унывал: теперь он вечерами включал движок, заодно и ездил в райцентр за почтой, шутил:

– Я в Карае теперь главный!

Однажды он вернулся из района с новостью:

– Сегодня у нас забирают телефонную станцию и мастерскую. Приедут, начнут перевозить...

– Лишь бы соляры оставили да движок не увозили...

– Это не тронут. Соляркой я запасаю на всю оставшуюся жизнь!

Насыр, сдерживая гнев, заявил:

– Пока есть рыба в море да звери в песках – с голоду не помрем. Я не тронусь отсюда до конца...

– И я! – воскликнул Есен.

– Ты еще молод, – усомнились старики. – Еще не раз переменишь свои взгляды на жизнь...

– Это воля матери. Она будет здесь умирать...

Старики ему посоветовали:

– Ты бы съездил, Есен, в город, повидался бы с женой, поговорил бы с ней как следует – есть такой мужской долг, не мы его придумали – не нам его отменять...

– Съезжу, – успокоил стариков Есен. – Да только зря все это, не вернется она.

На что ей сдались мы, весь этот аул, старики да старухи?

Насыр посоветовал:

– Скоро Бериша к родителям отправлять. Поедешь же его провожать? Заодно побываешь у келин...

Такой совет держали однажды трое оставшихся мужчин в Карае. Стали расходиться. Тут Есен вспомнил:

– Молдеке, чуть не забыл: в областном военкомате требуют, чтобы вы немедленно прибыли к ним...

– Так прямо и полетел! – рассердился Насыр и сделал халатом движение, словно, в самом деле был готов взлететь.

– Я тоже им объяснил: не сможет молдеке, не на чем.

– Что там могло случиться? – удивился Муса. – Никак хотят вручить еще одну похоронку! Есен оживился:

– Насыр ага, на вас была похоронка?

Насыр усмехнулся:

– Целых две, пока я воевал... Ну да ладно, расскажу какнибудь потом...

С молодым лейтенантом приехал из области и Саят. Когда въезжали в Караой, лейтенант стал искренне сокрушаться:

– Такой большой аул, а совсем без людей. Смотришь – и не по себе делается, а уж жить здесь – совсем, наверно, тошно...

– Может, сначала в контору? – предложил лейтенант.

– Какая теперь здесь контора? Рыбаки уехали на промысел, на Зайсан.

У калитки гостей из области встречала Корлан. Увидела Саята, всплеснула руками и расплакалась: так он ей живо напомнил Кахармана.

– А где же аксакал, Корлан апа?

– Где ж ему быть? Пошел к обеденной молитве.

Гости снова сели в машину, поехали к морю. Белая плотная пыль стала набиваться в кабину – пришлось поднять стекла.

Насыр, как обычно, стоял на коленях – никогда он не отвлекался, когда молился.

Саят, зная это, остановил машину на приличном расстоянии.

– Вот он, наш герой аксакал!

– Это он молится? – удивился лейтенант.

– Да. Он не теряет надежды, что Бог даст морю воды.

– Мда, дела-а-а! – воскликнул удивленно лейтенант. Саят прошел около машины.

– И что же – он в это серьезно верит?

– Верит. Иначе бы не молился...

– Моря здесь теперь не будет. Теперь никто ему не поможет: ни Бог, ни черт...

– Не знаю насчет Бога или черта, а вот человек мог бы ему помочь, или люди окончательно превратились в скотину? – резко ответил Саят. – Ты сам, из каких краев?

– Я с Ладogi. Есть такое озеро...

– Знаю, как же. Проходил там первую студенческую практику. Корабль наш назывался «Вихрь»...

– Сейчас и Ладога безнадежна. Все живое в ней душит фосфор.

Насыр к этому времени кончил молиться. Приковылял и обнял Саята.

– Давно ты у нас не был, давно... Как живете там, здорова ли семья? Дети как?

– Все здоровы, Насыр ага; передают вам большой привет. Что Кахарман пишет?

– Кахарман не пишет – видно, Айтуган не дает ему чернил. Пишет сама. Просит, чтобы отправляли назад Бериша. Понятно – скучает... У них там все вроде бы нормально...

– Бериша могу прихватить с собой.

– Е, хорошо! От Алма-Аты до Балхаша – рукой подать. Посадишь его в поезд – мигом доедет. – Насыр повернулся к лейтенанту и поздоровался. Лейтенант в ответ поднес ладонь к козырьку, приветливо улыбнулся:

– Здравия желаем, товарищ гвардии старший сержант!

– Маладес, лейтенант! – Насыру такое обращение понравилось, он пожал руку лейтенанту. – Кто это такой? – спросил он у Саята на казахском.

Саят рассмеялся и перевел вопрос Насыра лейтенанту. Тот постучал пальцем по дипломату и торжественно произнес:

– Вот это, Насыр ага, разыскивает вас уже сорок три года!

– Это хороший русский! – одобрительно обратился к Саяту Насыр. – Езжайте ко мне домой, пусть мать начинает готовить куырдак – благо вчера Муса подстрелил оленя. А я подъеду следом...

– Наке, а почему вы даже не поинтересуетесь про то, что у него в дипломате?

Насыр коротко ответил:

– О деле поговорим за дастарханом.

Но Саят был настойчив:

– В таком случае, скажу я. Этот лейтенант по заданию военкомата. Насыр ага, он приехал, чтобы вручить вам боевую награду – орден Красного Знамени!

– Ну, молодежь! А ты бы не мог все это сказать мне за дастарханом? – Насыр лукаво улыбнулся. – Думаешь, без тебя не понял? Месяца два назад получил

письмо от своего бывшего полкового командира – давно мы с ним переписываемся. Он то и сообщил мне об этом... Но к чему теперь мне этот орден? Вовремя отыскал он меня, ничего не скажешь. Море мое в предсмертной агонии, а тебе, Насыр, шлеп на грудь золотую железку – радуйся! – Насыр сплюнул от души, сел на кобылу и тронулся к аулу.

Но молоденький лейтенант ему понравился, несмотря ни на что. Он сильно напоминал Насыру командира орудийной роты Семенова. Тот только что закончил военное училище, был немножко идеалистом, потому что много читал, но самое главное – он прекрасно пел. Насыр тоже любил русские песни: запоминал и пел легко, как свои – казахские, что и сблизил их. В первые суровые дни войны во время коротких и нечастых передышек Семенов часто подсаживался к Насыру:

– Запевай, Насыр. – И по дружески клал ему руку на плечо.

Насыра не надо было просить лишний раз.

Плывет ле-е-бедь со лебедушкою...

– Подходи, бойцы, подтягивай.

Откуда взялся сизый орел...

В те дни в подмосковных лесах имя отважного Бауыржана Момышулы обростало легендами. Насыр надоедал Семенову, просил перевести в дивизию Панфилова. Очень уж хотелось Насыру воевать рука об руку с земляками.

– Момышулы, наверно, и сам хорошо поет: а я с кем буду петь? А потом, нам тоже нужны герои...

Да, неробкого десятка был солдатом Насыр. Дважды в жизни заглядывал он в лицо смерти.

...Два дня подряд немцы атаковали беспрерывно. На третий день их танки провалились близко к орудийным позициям – завязался долгий бой. Много погибло в том бою солдат, практически вся рота вместе с лейтенантом Семеновым. Насыр остался у орудия один. После того как он подбил девятый танк. Его сразил осколок вражеского снаряда – угодил в грудь. Истекающего кровью сержанта Насырова успели вынести в поле боя санитары, тут же он был отправлен в глубокий тыл. После этого в Караой ушла похоронка за подписью полкового командира.

Когда сели за стол, встал вопрос: где вручать орден? Насыр предложил: чего уж там разводить особые церемонии, можно и за дастарханом. Но у Саята и лейтенанта была своя задумка: их поддержал и Муса. Пока они решали, за калиткой показались Игорь Славиков и молодые ученые его лаборатории – Саят дал знать им заранее. Приезду Игоря, Насыр был рад, а на остальных посматривал холодно – особенно на ту бестактную девицу, которая с легким сердцем рассказала Насыру, чем будет заниматься их лаборатория.

Отправились в клуб на триста мест, все уместились в первом ряду. В открытых дверях маячила Кызбала, а белая коза с козленочком удивленно из за дверей выглядывали, и время от времени звонко блеяли. Лейтенант, читавший указ, был весьма смущен этим обстоятельством – перерывался, хмуро подглядывал на дверь. Когда орден прикрепили на грудь Насыру, он громко выкрикнул:

– Служу человечеству!

Лейтенант удивленно вскинул брови, но не стал поправлять старика: сам виноват, не объяснил заранее старому человеку, как надо отвечать правильно.

Насыр тоже в свою очередь вспоминал, но так и не мог вспомнить, что же положено отвечать при вручении ордена. Успокоил себя тем, что нет выше долга, чем служить людям.

Потом все отправились к Насыру домой. Кызбала как тень тронулась за ними. Даже одичавшие собаки и те вертелись неподалеку от людей – неужто и им было интересно посмотреть на Насыра орденоносца? Все вошли в дом, но сели не все: Игорь и его коллеги стали прощаться с Насыром – им пора было на ночное дежурство. Игорь тепло обнял Насыра:

– Обязательно напишу об этом отцу!

– Игор, ты что то совсем стал забывать нас, стариков, – журила его на прощание Корлан, положила в сумку мясо молодого барашка.

Лаборантка с неподдельным страхом смотрела на огромную сумку. Корлан перехватила ее взгляд, испугалась в свою очередь сама:

– Что с тобой, доченька?

Игорь перевел ответ молодой лаборантки:

– Она испугалась такого количества мяса, говорит, не много?

– Ничего, ешьте, – вздохнула Корлан. – У вас там, небось одни консервы...

Ближе к вечеру в дорогу стали собираться и Саят с лейтенантом.

Насыр распорядился:

– Корлан, собери Бериша в дорогу, а я пока поговорю с Саятом. – И они вышли во двор.

– Саятжан, – стал жаловаться Насыр, – остаемся мы без телефонной станции – дело ли? Мы уж привыкли к тому, что работают почта и телефон. Пусть не трогают почту. А случится звонить: тебе? Кахарману? нашим рыбакам? Они разъезжают по всему Казахстану, а тут остались их семьи, жены, дети. Не дело это, Саятжан, не по людски...

– Я в курсе, Насыр ага. Один коммутатор оставят – будете иметь связь с райцентром. А почта будет в Шумгене – там народу больше...

– Ну ладно, – Насыр успокоился. – Тогда других просьб к тебе у нас нет.

– Насыр ага, а я ведь тоже решил уехать, как Кахарман.

– Аллах с тобой! Ты то куда?

– На Каспий. Мне там дают плавбазу...

Насыр нахмурился, потом проговорил:

– На нашу жизнь нам хватило моря, а вот на вашу не осталось – простите нас, дети. Я вас понимаю: и тебя, и Кахармана... Спасибо, что заехал попрощаться. Авось вам на чужбине улыбнется счастье! – Насыр провел ладонями по лицу. – А мне суждено умереть здесь. Так и передай этим. – Он со значением произнес «этим». – Передай, что отсюда не тронусь...

«Да, он бесповоротно решил...» – подумал Саят, и у него не повернулся язык сообщить старику то, о чем просили его в райцентре: если Насыр вздумает переезжать в район, для него в любое время готов дом.

Бериш обнял деда:

– Ата, я летом обязательно вернусь! А вы никуда не уезжайте. Есен тоже не уедет...

– Нам некуда ехать... – Насыр взерошил волосы внука и уткнулся в них лицом.

– Слушайся отца, – Корлан смахивала слезы. – И братишкам накажи то же самое, берегите его...

Решено было, что Есен с ними не поедет, друзья прощались здесь. Бериш с жалостью смотрел на Жаныл апу, которая держала в руках младенца, завернутого в легкое одеяльце.

– Есен, сбереги сына...

Друзья обнялись, Есен негромко проговорил:

– Не знаю, Бериш, не знаю... – Нахмурился: – Кажется, у нас нет никаких шансов.

– Ты должен его спасти! – И тут Бериш заплакал.

Саят подтолкнул его к машине. Из окна Бериш видел маленькую горстку людей, которые пришли проводить его, и острое чувство жалости вдруг сдавило его грудь. Он смотрел на бабушку и дедушку, как то враз состарившихся, придавленных горем и разлукой, на Есена, не такого уж огромного и сильного, каким казался ему раньше, на Жаныл апу с младенцем на руках, беспомощным существом, преданным матерью, заведомо обреченным на смерть, – чувство бренности мира, безысходное чувство того, что все в этом мире имеет свой конец, впервые в жизни возникло в его мальчишеском сердце.

И он понял, что в эту минуту он простился с детством навсегда.

После отъезда внука жизнь стариков как то и вовсе поухля. Дни стали длинные, безрадостные. И ночью не было им покоя. Корлан теперь не могла подолгу заснуть, да и во сне вздыхала, ворочалась. Насыр понимал, переживает. И за Кахармана, который так далеко теперь от дома, и за городских дочерей, от которых в последнее время что то не стало писем, – мало ли о чем может беспокоиться материнское сердце?

Как и прежде, старики трижды в день садятся за дастархан, но теперь они пьют чай молча, потом расходятся каждый по своим делам. Даже частые приходы Мусы или старой Жаныл перестали вносить в их жизнь то небольшое разнообразие, что бывало прежде. Впрочем, молчание молчанию рознь. За пятьдесят лет совместной жизни Корлан и Насыр научились понимать друг друга без слов.

Вскоре после отъезда Бериша в Караой прибыли из области люди. Погрузили на машины станки из мастерской, почтовое оборудование, стулья из клуба, книги из библиотеки. Никто из этих людей не зашел ни к Насыру, ни к Мусе, ни к старой Жаныл, словно они получили такое указание. От Кахармана по прежнему не было вестей – что все чаще и чаще тревожило Корлан. Насыр молчал, когда она жаловалась ему, Корлан не обижалась. Никогда она не обижалась на Насыра, она просто знала, что не было в жизни такого дня – и в годы войны, и потом, когда он председательствовал в колхозе, и даже теперь, когда он стал муллой, – когда он мысленно не разговаривал бы с ней. Этого ей было достаточно. Как всякая казахская женщина, она была многотерпелива. В сущности, на беспрекословном подчинении воле мужа, на бесконечном женском терпении многие века зиждился лад в семье казаха. Она хранила очаг – бережно, самозабвенно, но во главе дома всегда стоял мужчина. Это был неписанный закон кочевников. Сейчас жизнь казахов меняется – не в лучшую сторону. Если у кочевого народа раньше был один враг – внешний, а семья и женщина были всегда для казаха поддержкой, опорой, то теперь такое встречается нечасто. Недругов у мужчины не поубавилось, но и в семье ему теперь неспокойно: не хочет ему женщина подчиняться беспрекословно.

Не такой была Корлан. «Мужчине надо дать почувствовать себя мужчиной, хозяином», – часто думала она, и своей покорностью, своими бесконечными хлопотами о Насыре, всеми домашними мелочами, которыми она показывала,

что воля Насыра, желания Насыра в доме главенствуют всегда, она хотя бы отчасти сглаживала переживания, тревоги мужа. Повезло Насыру с Корлан, что и говорить, а ведь сколько семей на их глазах прожили жизнь впустую, не познав ни любви, ни веры друг в друга, а узнав лишь горечь ссор и размолвок.

В таких семьях женщина не покорила мужчину – но принесло ли это ей счастье? Не манил Корлан этот путь. Женщина может быть владычицей лишь очага. Но если вздумается ей стать повелительницей мужа, если вздумается ей замахнуться слабой рукой на то, что ей не суждено природой, – не будет у нее счастья!

Потому всю свою жизнь Корлан стремилась к одному, как можно бережнее хранить покой и благополучие очага. И сохранила она его только потому, что подчинение ее Насыру было беспрекословным. Нельзя было сказать, что это ей всегда давалось легко – нет. Она и уставала, и отчаивалась, но никогда этого не показывала. Намаявшись за весь нелегкий долгий день, а вечером, когда укладывались в доме спать, она всегда находила в себе силы сказать детям на ночь нежное словцо – при этом поцеловать каждого, прикрыть. В доме она ложилась последней. И спокойно засыпала только после того, когда и для Насыра, уже перед самым сном, говорила что нибудь теплое, нужное...

На побережье тем временем день ото дня становилось все тоскливее – наступала осень. Вечера были теперь сырые, холодные – смеркалось быстро. Возвратившись после вечернего намаза, Насыр теперь взял за привычку подолгу сидеть на лавочке у дома. К нему выходила Корлан, прихватив обычно теплый чекмень из верблюжьей шерсти, и набрасывала Насыру на плечи. Они сидели в сумерках и как будто бы чего то ждали. В такое время обычно рыбаки возвращались с моря. На берегу становилось шумно и весело, и нескоро еще рыбаки расходились по домам всегда было им что рассказать друг другу, над чем посмеяться. Теперь на побережье тихо – так тихо, что иногда начинает звенеть в ушах. Говорят теперь Корлан с Насыром обычно об одном: Корлан жалуется на хвори, на Кахармана и дочерей, которые не пишут. Ей бы, конечно, хотелось бы жить с сыном или дочерьми, пусть это будет в Семипалатинске, на Балхаше или еще где там – но вслух Насыру она этого не говорит. Но Насыр про эти ее мысли давно знал. И отвечал обычно так:

– Что те плотины, которые душат наше море, Корлан! Еще посмотрим! Если Аллаху было угодно сотворить здесь однажды море, то не дано погубить его человеку – не дано! И ты это увидишь скоро! Не мы увидим – так Бериш увидит!..

Он некоторое время молчит, задумавшись.

– Знаю, о чем ты грустишь, Корлан, знаю... Да только скажу вот что: чтобы человеку жить по человечески, нельзя ему отрывать от родной земли – никак нельзя. Где же ему найти радость, как не в родном краю? Конечно, работа есть везде – лишь бы не лениться, а прокормиться можно всегда. А вот если душа начнет голодать в разлуке – что тогда? Вот чего я боюсь... Или я не прав, Корлан?

– Прав, конечно, ты прав, – соглашается Корлан. – Верно говоришь, Насыр...

И они, повздыхав, шли в дом: впереди ковылял Насыр, за ним – Корлан, боясь, как бы старик не оступился.

Продолжение следует.

